

This pdf is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC), a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL) hosted by the [Institute for the Study of the Ancient World Library](#) at New York University.

- Creator: Lortkipanidze, O. / ლორთქიფანიძე, ო. / Лорткипанидзе, О. Д.
- Title: Archaeological Researches at New Buildings of the Georgian SSR / არქეოლოგიური კვლევა-ძიება საქართველოს სსრ ახალმშენებლობაზე / АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ ГРУЗИНСКОЙ ССР
- Publication Date: 1976
- Publisher: Georgian National Academy Of Sciences, Georgian National Museum
- Place of Publication: Tbilisi
- Collection: Digital South Caucasus Collection
- Collection ID: dscc_d68433246c

About

The Digital South Caucasus Collection (DSCC) is a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL), a project of the Library of the Institute for the Study of the Ancient World (ISAW) at New York University in cooperation with the Georgian National Museum and the Institute of Archaeology and Ethnography in the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. AWDL's mission is to identify, collect, curate, and provide access to a broad range of scholarly materials relevant to the study of the ancient world. The ISAW library is responsible for curating the collection, clearing the rights as needed, preserving the digital copies in NYU's Faculty Digital Archive, creating high-quality metadata in order to maximize discoverability, and making the works accessible to the general scholarly public.

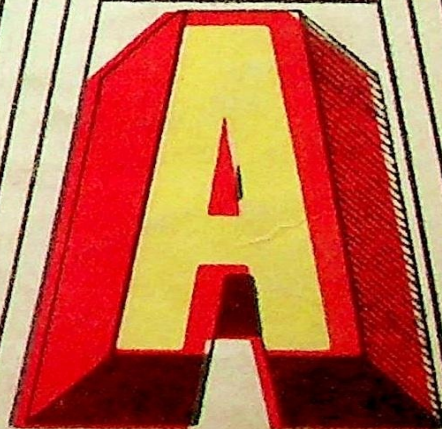
Rights

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from The Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy: <http://dcaa.hosting.nyu.edu/dscc/takedown-notice>.

IVE

3698(1)

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
НА НОВОСТРОЙКАХ ГРУЗИНСКОЙ ССР**

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
ივ. ჯავახიშვილის სახელობის ისტორიის, არქეოლოგიისა და
ეთნოგრაფიის ინსტიტუტი

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

...
...
...
...

121
2-1

არქეოლოგიური კვლევა-ძიება საქართველოს
სსრ ახალმშენებლობაზე

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES AT
NEW BUILDING OF THE GEORGIAN SSR

„მეტსნიერება“ „METSNIEREBA“
თბილისი TBILISI
1976

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА
НОВОСТРОЙКАХ ГРУЗИНСКОЙ ССР

25725

«МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1976

902.6 (С 41)
902.6 (47.922)
А 874

За последние годы археологические исследования в Грузии связаны, главным образом, с грандиозными новостройками, так широко развернувшимися по всей республике. Все усилия Института истории, археологии и этнографии Академии наук Грузии, ведущего археологического центра нашей республики, направлены, в основном, на спасение археологических памятников в зонах строительства оросительных систем и гидротехнических сооружений, железнодорожных и автомобильных магистралей, гигантских заводов и жилых массивов. Археологические исследования, таким образом, в настоящее время охватывают почти все области Грузинской ССР и ежегодно приводят к крупным, а порой и выдающимся научным открытиям памятников всех периодов истории человечества, начиная от самых ранних стадий каменного века вплоть до позднего средневековья.

Об открытии памятников начальных этапов человеческого общества (каменного века), раннеземледельческих поселений V—IV тысячелетий до н. э. грандиозных курганных сооружений эпохи ранней и средней бронзы (III—II тысячелетия до н. э.), протогородских поселений и могильников конца II—I тысячелетий до н. э.; урбанистических центров античной эпохи, поселений и могильников легендарной Колхиды — страны золотого руна, самых разнообразных памятников средневековья, рассказывают в данном сборнике руководители археологических экспедиций, работавших в зонах крупнейших новостроек нашей республики.

Редакторы: О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе

А $\frac{10604}{М 607 (03)-76}$ 137—76

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА», 1976

42/78

СТАР ЛОРДКИПАНИДЗЕ

АРХЕОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Археология и современность, казалось бы два совершенно разных понятия: как, каким образом может наука, целиком и полностью направленная на изучение далекого прошлого, отвечать на проблемы, которые ставит перед нами наш сегодняшний день, наша действительность? Та отрасль ли это науки, которая от современности огорожена китайской стеной (т. к. объектами ее исследования являются только лишь памятники древней материальной культуры), или эта научная дисциплина существует и развивается по требованиям современного общества, нового мира, к строителям которого мы с гордостью причисляем наше поколение?!

С функциональной точки зрения археология одна из отраслей науки. В нашу эпоху же неизмеримо возросло общественное значение науки, ее общественная роль и это вполне закономерно. Ведь наука и ее достижения все глубже и глубже и, что самое главное, необычайно многогранно проникают в повседневную жизнь человека; наука становится одной из самых могучих движущих сил развития человеческого общества.

Археология составная часть исторической науки, главной задачей которой является установление закономерностей развития человеческого общества, имеющих столь важное значение при решении общественных проблем современности. Установление же закономерностей развития человеческого общества возможно только в том случае, если проследить за ним с древнейших времен до наших дней. В данном случае роль археологии среди историко-общественных наук неизмеримо велика.

По новейшим данным, история человечества насчитывает более двух миллионов лет. Из них лишь история последних пяти тысяч лет стражена в письменных источниках (!), да и та довольно скудно. Поэтому восстановление древней и древнейшей истории человечества возможно, главным образом, на основе археологических данных. Вероятно, многим и не известно, что еще двести лет тому назад писали об истории человеческого общества, охватывая всего лишь последние три тысячи лет; к тому же, исходя из письменных источников, ее низводили до жизнеописаний царей. С середины XVIII века берет начало изучение греко-римской цивилизации, а несколько позднее (конец XVIII века) — археологическое исследование памятников древнего Египта, Ассирии и Вавилона. Благодаря этим исследованиям к истории человечества «прибавилось» еще 2000 лет. С середины XIX века стал известен древнейший период истории — каменный век и только 1859 году было признано, что человек существует с эпохи плейсто-

цена (по геологической хронологии, начальный этап четвертичного периода). Достаточно сказать, что только благодаря археологическим исследованиям становятся известны время и условия происхождения человека. Всего лишь каких-то двадцать лет тому назад считали, что человек возник 800 000 лет тому назад. С тех пор на основе новых открытий наши представления о времени и условиях происхождения человека изменяются, можно сказать, с космической скоростью. Каждый новый археологический год приносит новую информацию. Так, например, в Восточной Африке — в Кении, Танзании, Эфиопии — найдены высокоразвитые приматы и каменные орудия, изготовленные 2,6 млн. лет тому назад (а по последним данным — 4 млн. лет). Эти открытия послужили толчком для новых дискуссий и новых теорий о происхождении человека.

Также велики роль и значение археологии в изучении истории Грузии. Примерно 30—40 лет тому назад почти ничего не было известно о ранних этапах истории человеческого общества на территории Грузии. Сейчас данные археологических исследований показывают, что:

1) История человеческого общества на территории Грузии начинается с ранних этапов его развития. В частности, здесь обнаружены довольно многочисленные памятники, относящиеся к ашельской эпохе — одной из самых ранних ступеней древнекаменного века. В последующую эпоху (эпоха Мустье) происходит широкое расселение человека по всей территории сегодняшней Грузии. Почти во всех уголках страны обнаружены памятники верхнего палеолита.

2) В X—VIII тысячелетиях до н. э. на территории Грузии начинается новая эпоха, известная в истории человечества под именем «неолитической революции». За последние годы памятники неолитической культуры в особо большом количестве обнаружены в Западной Грузии, как в приморских областях, так и в предгорной полосе Колхидской низменности. Эти памятники составляют т. н. ареал неолитической культуры Западного Закавказья. С развитием его раннего этапа связывается финальная стадия верхнего палеолита (мезолит) Западной Грузии.

3) За последние годы открыты памятники до того неизвестной т. н. раннеземледельческой культуры VI—IV тысячелетий до н. э. Изучение этих памятников выявило интересную связь с древнейшими земледельческо-скотоводческими обществами Передней Азии.

4) Со второй половины IV тысячелетия до н. э. появляются изделия из металла. В это время Восточная Грузия и восточные районы Западной Грузии входят в круг т. н. куро-араксской культуры, столь широко известной в специальной научной литературе. Параллельно в Западной Грузии (в частности, в Абхазии) развивается дольменная культура.

5) Конец III — первая половина II тысячелетия известны под названием эпохи средней бронзы. Эпоха эта также стала известна благодаря археологическим исследованиям. Среди памятников среднебронзовой эпохи выделяется культура триалетских курганов. За последние годы памятники т. н. Триалетской культуры обнаружены в Кахети и Месхети. Таким образом, создается довольно широкий ареал, изучение которого совершенно по-иному ставит вопросы генезиса и этнической атрибуции Триалетской культуры.

6) Вторая половина II тысячелетия до н. э. является финальной стадией развития бронзовой культуры Грузии. Выдающимся памятником этой эпохи является Самтаврский могильник (Мцхета), а также ряд поселений и некрополей, обнаруженных в разных уголках

Грузии. В свете новых археологических исследований Грузия предстает перед нами одной из классических стран культуры бронзы.

7) С конца II тысячелетия до н. э. появляется железо. Обнаружение многочисленных остатков производства указывает на широкие масштабы металлургии железа в начале I тысячелетия до н. э. Открытие и изучение поселений этого времени на территории нынешнего Шида Картли (Ховле, Дигоми) свидетельствует о существовании протогородской цивилизации.

8) Исключительно богата Грузия памятниками античной эпохи. Археологические исследования, проведенные в Мцхета, Уплисхихе, Урбниси, Каспи, Самадло, Настакиси, Дзалиса, Цихиагора, Вани, Сачхере, Кобулету, Пичвнари, окрестностях Поту, Сухуми и других пунктах выявили высокоразвитую урбанистическую цивилизацию, культуру первых грузинских государственных объединений — Колхиды и Иберии, тесные торгово-экономические и культурные связи с восточным-ахеменидским, греческим, эллинистическим и римским мирами.

9) Широко развернувшиеся за последнее время в Грузии археологические исследования средневековых городов (Мцхета, Дманиси, Уджарма, Рустави, Грени, Нокалакеви и др.) выявили разнообразные и многочисленные памятники (дворцы, храмы, жилые и общественные здания, фортификационные сооружения, гробницы, остатки производства, изделия златокузнечества и других ремесел, памятники изобразительного искусства, надписи).

Лишь на основе материалов, добытых при археологических раскопках, возможно разрешить такие важнейшие проблемы истории древней Грузии, как этногенез грузинского народа, возникновение земледелия, история металлургии бронзы и железа, возникновение классов и государства, история городов, ремесел, торговли и т. д.

Таким образом, роль археологии в изучении древнего общества исключительно важна: только лишь археологическими исследованиями возможно восстановить историю человечества с ее первых шагов, что имеет огромное значение для науки о закономерностях развития человеческого общества, для создания подлинно научной социологической концепции о конкретных явлениях и процессах общественного развития в целом.

Еще сравнительно недавно гигантские темпы развития научного мышления оставались вне сферы археологии. В то время когда такие науки как лингвистика, логика, психология быстро включались в новые логические системы современного научного мышления, археология и в 50—60-ые годы XX века фактически пользовалась понятиями, категориями, методами пройденного этапа. Положение резко изменилось за последние двадцать лет, что связано со все возрастающей ролью археологии в общенаучной системе. Современные методы научных исследований (типологическое моделирование, системно-структурный анализ, математическая статистика, теория информации и др.) быстро внедряются в археологию. Они успешно применяются для решения таких сложных проблем, как демография, палеоэкономика, палеосоциология, палеоурбанистика и др. Следует отметить, что решение и всестороннее изучение некоторых названных проблем тесно связано с актуальными требованиями современного общества, среди которых в первую очередь можно назвать палеодемографию и палеоурбанистику. Например, для успешного управления современными урбанистическими процессами большое значение имеет выявление закономерностей развития городских структур с древнейших времен.

Современная археология уже представляет собой самостоятельную общественно-историческую науку, которая имеет свои собственные методы и теорию исследования. Объектами археологических изысканий являются памятники материальной культуры, погребенные под землей. Однако задача археологии состоит не столько в выявлении этих памятников, сколько в установлении и объяснении взаимосвязей и порядка между остатками материальной культуры, между ее отдельными элементами. Предмет исследования археологии — это т. н. культурный слой, т. е. тот слой почвы, который содержит следы и остатки деятельности человека. Таким образом, этот культурный слой представлен комплексом разнообразных и многочисленных остатков ежедневной деятельности (хозяйственной, военной, бытовой, духовной, культурной и др.) человеческого общества. Эти остатки погребены в структурно разных условиях и почвах. К тому же «погребение» происходило не только во времени, но и в пространстве. Таким образом, культурный слой каждой эпохи имеет свою историю, которая нам будет непонятна, если мы не установим место каждого составного компонента в общей сложной системе: как попал он в комплекс, каковы его роль и функция, отношения с другими элементами. И так, археология исследует происхождение и развитие во времени и пространстве остатков (предметов и явлений, воплощенных в этих предметах) деятельности человека и человеческого общества, погребенных под землей. Поэтому на методику археологических раскопок обращается исключительно большое внимание. Необходимым условием признаются тотальные раскопки памятника (скажем, поселения или могильника) не только в каком-нибудь одном пункте, а целых комплексов памятников в пределах определенного историко-культурного региона; к тому же необходимо составить (принципами, доступными для статистического анализа) перечень всего материала — как отдельных единиц по морфологическим и технологическим признакам, так и комплексов и групп с функциональной точки зрения. Но это всего лишь один из этапов археологических исследований. С ним тесно связан второй этап — т. н. интерпретационный уровень исследования. На этом уровне происходит историко-социологический анализ: реконструкция этапов развития человеческого общества (социологическая интерпретация археологических предметов, палеоэкономическое моделирование, установление закономерностей вариабельности археологических культур, их этническая и этнолингвистическая атрибуция и т. д.).

Второй, т. н. интерпретационный уровень археологических исследований немыслим без первого и в сущности представляет собой его анализ в разных направлениях. Поэтому все чаще говорят об археологии, как самостоятельной общественно-исторической дисциплине, главной задачей которой является установление закономерностей культурно-исторических процессов, отражавшихся в памятниках материальной культуры.

Археологические памятники содержат разностороннюю (а не только историческую) информацию. Необходимость их полного выявления обуславливает все возрастающую роль археологии в общей системе современной науки, как связывающего естественные и общественные науки. Не только естественные науки пришли на помощь археологии (различные физические и химические методы датировки, поисков, технологии и т. д.), но и археология стала источником первостепенной важности для решения столь важных проблем напр. современной физики, как изучение в историческом разрезе эффекта воздействия кос-

мических лучей на атмосферу земли, происхождение и вариации в различных эпохах магнитного поля земли и т. д.

Широкое внедрение достижений естественных наук в археологию вытекает из логики развития современной научной системы и является одной из существенных особенностей современного научного процесса. Однако ничем не оправдана попытка некоторых исследователей отделить археологию от системы т. н. гуманитарных наук под тем предлогом, что объектами ее исследования являются материальные предметы, т. е. физические предметы. Часто забывают, что эти предметы представляют собой не абстрагированные физические предметы, а они созданы руками и разумом человека. Поэтому несомненно, что на любом этапе исследований археология тесно связана с научной системой о человеке и составляет одну из ее дисциплин.

Именно своеобразие предмета исследований и определило особую роль археологии в современном обществе. Вторая половина XX века — это эпоха ежедневной победы и торжества человеческого гения над природой. Всецело осознать все величие настоящего социального и производительного технического прогресса мы можем только проследив за развитием человечества от изготовления первых примитивных каменных срудий до современных космических машин автоматического управления. Именно поэтому, каждая археологическая находка в благородном сравнении с сегодняшним прогрессом должна вселить уважение и веру в непобедимом могуществе человеческого разума. Но не только! Сегодня, когда человек стал полновластным хозяином нашей старой земли, каждое изделие наших далеких предков для благодарного потомства становится столь же родным и дорогим, как собственная семейная реликвия. Едва ли можно или нужно перечислить сейчас все те величайшие творения человеческой мысли и рук, которые были возвращены из глубины веков современному человеку лопатой археолога. Отсюда и еще одна почетная миссия археологии в современном обществе: вернуть людям из многотысячелетнего покрова земли самое дорогое сокровище — все то, что создано великим разумом и рукой человека.

Археологические памятники охраняются советским государством уже со времен его основания. В первые же дни Октябрьской революции военно-революционным комитетом был назначен комиссар по охране музейных и художественных ценностей. 14 апреля 1918 года был опубликован декрет «О памятниках республики», а 18 апреля 1918 года по Ленинскому декрету была создана Академия истории материальной культуры, которая впоследствии была переименована в Институт археологии: «Академия материальной культуры учреждается для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так и бытовых памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Республики».

Таким образом, Институт археологии был одним из первых гуманитарных институтов, основанных при Академии Наук сразу же после установления Советской власти.

После окончания Великой Отечественной войны, когда наша страна приступила к строительству грандиозных масштабов, охране и научному исследованию памятников древней культуры и искусства вновь было уделено особое внимание: по Постановлению Совета Министров

СССР от 14 октября 1948 года памятники культуры и искусства были объявлены всенародным достоянием, а строительные учреждения и ведомства обязываются финансировать всестороннее научное исследование археологических памятников, находившихся в зоне строительства.

29 октября 1976 года Верховный Совет СССР принял Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в котором видное место отведено археологическим памятникам.

Новый Закон, определяя научное и культурно-воспитательное значение памятников истории и культуры в современном обществе в целом, с исчерпывающей полнотой и ясностью регулирует все многообразные аспекты их охраны и использования. Для нас, археологов, пожалуй, наибольшее значение имеют статьи 19—26, регулирующие проблемы охраны и научного изучения археологических памятников в зонах строительных, мелноративных, дорожных и других работ. Ведь нельзя допустить, чтобы археологические памятники, заключающие в себе информацию огромной научной важности об истории человека и человеческого общества, нередко представляющие собой и выдающиеся творения древнего искусства, гибли, разрушались или навсегда покрывались водой.

С другой стороны, статья 23 нового Закона, обязывающая разного рода строительства финансировать необходимые археологические работы на их территории, открывает новые перспективы для развития археологической науки, так как археологические исследования в зоне Великих строек, как правило, охватывают широкие территории и тем самым обеспечивают тотальное изучение археологических комплексов, столь важного условия структурно-системного анализа общественных процессов и явлений, одного из наиболее эффективных логических методов современных научных исследований, раскрывающего многообразные связи и сложные внутренние взаимоотношения между составными элементами отдельных социальных или культурных систем, ставших предметом исследования археологической науки новой формации.

Таким образом, сегодня, когда по всей нашей великой стране невиданными темпами идут грандиозные строительства и мощные землекопные механизмы с небывалой силой тревожат недра земли, закладывая основы будущего благосостояния нашего народа, Советское государство вместе с тем становится на защиту духовных и культурных ценностей, созданных человеком и веками хранившихся землей для будущих поколений.

Поэтому, для археологов нашей страны, новый Закон Союза Советских социалистических республик об охране и использовании памятников истории и культуры, имеет также исключительно важное практическое значение, т. к. проведение археологических исследований в зонах новостроек требует эффективной и планомерной организации, чтобы не тормозить темпы строительства. Археология впервые очередь должна стать на службу новостроек!

К. Н. ПИЦХЕЛАУРИ, Ш. Ш. ДЕДАБРИШВИЛИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ КАХЕТИ

(таблицы I—IV)

Кахетская археологическая экспедиция (далее — КАЭ) Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, начавшая планомерное археологическое исследование данного края в 1962 г., с 1965 г., почти полностью переключилась на изучение памятников, расположенных на территории новостроек — Верхнеалазанской и Нижнесамгорской оросительных систем, цорского животноводческого комплекса, строительных участков Министерства шоссейных дорог ГССР и др. Все работы экспедиции финансируются строительными организациями¹.

Научные интересы КАЭ охватывают все археологические эпохи. Естественно, что они в какой-то степени диктуются необходимостью первоочередного изучения тех памятников, которым грозит полное или частичное уничтожение, но это в основном не влияет отрицательно на научные проблемы. Да и спасение, т. е. полевое исследование гибнущих памятников само по себе уже является наиболее актуальной задачей современной археологии.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию работ КАЭ за эти годы, мы считаем необходимым отметить, что Кахети до недавнего прошлого оставалось наименее изученной областью Грузии. Практически начало ее исследования можно относить к моменту формирования экспедиции, хотя и до этого эпизодически велись некоторые работы, среди которых наиболее объемными были раскопки памятников эпохи феодализма².

В 1965 г. была организована Кахетская разведочная археологическая экспедиция, которая детально исследовала территорию строительства первой очереди Верхнеалазанской оросительной системы и выявила более двухсот разновременных археологических памятни-

¹ Здесь нам хочется принести свою глубокую благодарность проектировщикам и строителям, работникам партийных и советских органов, которые оказывали действенную помощь работе КАЭ. Это т.т. Г. С. Кобулия, Г. В. Робиташвили, Г. Б. Микеладзе, В. И. Карумидзе, Д. И. Гелашвили, А. Г. Мусеридзе, М. С. Цискаришвили, Б. А. Мжаванадзе, Г. Гамбашидзе, Б. Белнашвили, Ш. М. Варамашвили, Д. К. Тулашвили, Ю. С. Ефремову, И. Месхи, Е. Хаджневу и др.

² К. Н. П и ц х е л а у р и, Ш. Ш. Д е д а б р и ш в и л и. Работы Кахетской археологической экспедиции в зоне строительства Верхнеалазанской оросительной системы (1965—1966 гг.). Труды Кахетской археологической экспедиции, т. 1, Тб. 1969, стр. 23, 24.

ков³. Затем, пользуясь этими данными, КАЭ приступила к систематическим археологическим раскопкам, проводя попутно и поисковые работы.

КАЭ состоит из пяти отрядов. I отряд — руководитель Т. В. Бугианишвили — изучает эпоху палеолита; II — Ш. Ш. Дедабришвили (зам. начальника экспедиции) — эпоху ранней и средней бронзы; III — К. Н. Пицхелаури (начальник экспедиции) — эпоху поздней бронзы и железа; IV — Н. Ф. Маманашвили — античную эпоху и V — Ц. Н. Чикондзе — эпоху феодализма⁴.

За прошедшее десятилетие I отряд выявил около трех десятков палеолитических местонахождений. До этого здесь не было известно ни одного палеолитического местонахождения, за исключением единственной находки — трех отщепов ашельского типа в Качретском районе, сделанной Н. З. Бердзенишвили в 1951 г.⁵ Почти все обнаруженные памятники расположены в Гаре Кахети и лишь один — в Шида⁶.

Наиболее значительным среди всех них является зиарская стоянка — мастерская открытого типа, относящаяся к ашельскому времени. Здесь зафиксирован неповрежденный культурный слой, что само по себе является уникальным явлением для Закавказья⁷. Она расположена на южном склоне Гомборского хребта, вблизи с. Заири Гурджаанского района⁸. На этом памятнике уже почти полностью завершены раскопки части культурного слоя, давшего обильный материал, систематизация и анализ которого внесет много нового в наши представления об этой эпохе на территории всего восточного Закавказья.

Остальные памятники Кахети эпохи палеолита представляют собой местонахождения открытого типа⁹. Они охватывают почти все периоды этой эпохи, включая и эппалеолит.

Интересно местонахождение Кистаури, являющееся пока что единственной стоянкой — мастерской открытого типа ашельского времени на Алазанской долине. Здесь в отличие от зиарской, культурный слой переотложен. Однако значение памятника заключается также и в том, что он дает наидревнейший факт освоения человеком предгорий Алазанской долины, изучение которой из-за ее постоянного повышения крайне трудно¹⁰.

Кроме этого следует отметить еще стоянку того же типа и времени, находящуюся в Удабно Гареджи на правом берегу речки Джангирисхеви. Ее открытие представляет значительный интерес, так как

³ Там же. стр. 9—18.

⁴ До 1970 г. IV отрядом, изучавшим античную и феодальные эпохи, руководил Р. М. Рамишвили.

⁵ Т. Бугианишвили. Палеолитические памятники Норс-Алазанского бассейна. Труды Кахетской археологической экспедиции, т. I, стр. 26.

⁶ Т. Бугианишвили, Ш. Дедабришвили, К. Пицхелаури, Р. Рамишвили, Ц. Чикондзе, М. Узунашвили. Работы Кахетской археологической экспедиции за 1970 г. Всесоюзная сессия. Тб. 1971, стр. 78.

⁷ Т. Бугианишвили, Ш. Дедабришвили, К. Пицхелаури, Р. Рамишвили, М. Узунашвили, Ю. Гагошидзе. Предварительный отчет работ КАЭ в 1971 г. Археологические исследования в Грузии в 1971 г. Тб. 1972, 27, 28.

⁸ Т. Бугианишвили. Палеолитические памятники... стр. 26—33.

⁹ Т. Бугианишвили, Ш. Дедабришвили, К. Пицхелаури, Р. Рамишвили, Ц. Чикондзе, М. Узунашвили. Работы Кахетской археологической экспедиции... стр. 78.

¹⁰ Там же.

впервые характеризует палеолит края, где три десятилетия назад были обнаружены останки Удабнопитека¹¹.

Таким образом, в области, где практически не было даже следов палеолита, мы обнаружили уже не просто отдельные пункты, а такие, которые скажут далеко не последнее слово в исследовании этой одной из важнейших страниц становления человеческого общества.

Несмотря на то, что деятельность первого отряда принесла уже вполне ощутимые результаты, здесь все еще остается непочатый край работы. Основные проблемы, которые стоят перед ним — это, естественно, дальнейший поиск палеолитических памятников, в частности мезолитических, т. е. памятников этой эпохи, где созревает т. н. неолитическая революция, знаменующая переход человека от присваивающего образа жизни к производящему хозяйству, и, конечно же, поиск памятников собственно неолита, где уже полностью должны быть оформлены основные отрасли хозяйства — земледелие и скотоводство. Исследования в этом направлении тем более необходимы, что вопрос о неолите восточного и центрального Закавказья в настоящее время является одним из самых неясных, вокруг которого ведутся оживленные дебаты.

Несколько иное положение было в отношении памятников эпохи ранней бронзы. В специальной литературе встречались разрозненные сведения о единичных случайных находках и эпизодических раскопках памятников этого времени¹². Однако, практически Кахети являлась белым пятном на карте этой эпохи.

За прошедшее десятилетие здесь уже выявлено около сорока памятников разного характера: это — поселения, временные стоянки, отдельные курганы и погребения, а также их группы. Среди них выделяются поселения Илто (раскопки 1965—1969 гг.), Телеби (раскопки продолжаются), Сиони¹³ и около двух десятков жилых холмов на Алазанской долине, где имеются следы поздней ступени этой эпохи.

Наиболее ранней группой куро-аракской культуры являются Грени, Сиони, Арашенде и др., с помощью которых в определенной степени удастся проследить процесс становления характерных черт керамики этого времени и, наряду с этим, наличие архаических признаков, связывающих эту группу с т. н. раннеземледельческими памятниками. Однако последнее ни в коем случае не означает того, что кахетские памятники культурно да и хронологически непосредственно примыкают к последним. На наш взгляд, между ними еще будут выявлены промежуточные памятники, которые отразят завершающую стадию «шулаверской» культуры, и, как мы отмечали ранее, вероятнее всего, что энеолитическими (в традиционном понимании этого термина) являлись эти еще не выявленные памятники, а завершающую стадию этой эпохи отражают памятники типа Сиони и несколько более поздние, уже с сформировавшимися чертами куро-аракской культуры¹⁴.

¹¹ Т. Бугианишвили, Ш. Дедабришвили, К. Пицхелаури, Р. Рамишвили, М. Узунашвили, Ю. Гагошидзе. Предварительный отчет... стр. 15, 85.

¹² К. Н. Пицхелаури. Древняя культура племен, населявших территорию Иор-Алазанского бассейна (на груз. яз.). Тб. 1965, стр. 31—37.

¹³ Р. М. Рамишвили. Работы сионской экспедиции 1962 г. XIV научная сессия (на груз. яз.). стр. 17.

¹⁴ Ш. Ш. Дедабришвили. К вопросу об энеолите восточной Грузии (на груз. яз.) III сессия гурджаанского краеведческого музея. Тб., 1971, стр. 16, 17.

На территории Кахети выявлены памятники Земо Бодбе и Греми, отражающие определенную организацию скотоводчества и межплеменных связей. Им в ареале этой культуры известны т. н. временные стоянки, служившие связующим звеном между сезонными пастбищами и земледельческой базой¹⁵. Кахетские памятники в какой-то степени сближаются с ними, однако отражают иную сторону организации скотоводства. Здесь мы имеем дело с пунктами, где при перегоне овец с сезонных пастбищ, чобаны останавливались на ночевку. Причем, прослеженный нами маршрут скотопрогонных дорог свидетельствует о его стабильности вплоть до наших дней¹⁶. Наряду с этим, временную стоянку Греми, вероятно, использовали при переходе через перевал Кадори, ведущего в горные районы Дагестана и Чечни.

Следующую хронологическую группу памятников рассматриваемой культуры представляют собой погребения у с.с. Хирса и Машнаари, а также серия случайных находок из разных пунктов Кахети (Гулгула, Чикаани, Алазанская долина и др.). Все они содержат керамику которая по общепринятому мнению составляет одну из ранних групп куро-аракской культуры, и примыкают к т. н. дидубе-кикетской группе памятников.

В свете вышесказанного, а также исходя из данных поселения Тетрицкаро¹⁷ и Квемо Картли и других памятников этого края, где в настоящее время сосредоточена большая часть исследованных памятников раннеземледельческой культуры типа Шулаверисгора, мы считаем, что памятники типа Сиони, Тетрицкаро отражают начальный этап развития куро-аракской культуры и последующие за ними памятники (дидубе-кикетская группа) завершают стадию формирования этой культуры, знаменуя наряду с этим, завершение эпохи энеолита и начало эпохи ранней бронзы. То есть этим мы хотим еще раз подчеркнуть, что куро-аракская культура зародилась и начала свое формирование в энеолите, а ее развитая стадия приходится на эпоху ранней бронзы. Следовательно, куро-аракская культура не является культурой одной эпохи, а представлена в двух последовательных археологических периодах — и в этом заключается один из выводов, полученный в результате работ второго отряда КАЭ.

Понятно, что зарождение и развитие куро-аракской культуры не однозначная проблема и она еще далека от своего полного решения, поэтому одной из основных задач работ этого отряда является поиск ранних памятников этой культуры, а также памятников раннеземледельческой культуры, которые, вероятнее всего, будут обнаружены в бассейне р. Иори, еще не попавшем в район интенсивных работ КАЭ.

Примечательно, что более развитые ступени куро-аракской культуры (эпоха ранней бронзы) представлены на памятниках, где отсутствует энеолитический слой. Понятно, что данный вопрос еще ждет своего решения и мы не станем останавливаться на нем подробно, отметим лишь, что вероятно это явилось следствием таких сдвигов экономического порядка, выяснение которых связано с накоплением новых данных. Что же касается собственно развитых памятников куро-аракской культуры, то они представлены, как говорилось, на поселении Ил-

¹⁵ О. Н. Дж а п а р и д з е. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры (на груз. яз.), Тб. 1961, стр. 136.

¹⁶ Ш. Ш. Д е д а б р и ш в и л и. Памятники эпохи ранней и средней бронзы. Труды Кахетской археологической экспедиции, т. 1, стр. 72—75.

¹⁷ Г. Ф. Г о б е д ж и ш в и л и. Поселение Тетрицкаро (рукопись, на груз. яз.).

то (ярче всего) и поселении Телеби (Алаверди II), а также завершающая стадия эпохи ранней бронзы наличествует на вышеупомянутых жилых холмах Алазанской долины (Ткисбологора, Муракебы, Рухигора и др.).

Что же дают нам эти памятники и как они вписываются в ареал куро-аракской культуры? Необходимо отметить, что они практически повторяют общие для этой культуры закономерности развития материальной культуры, но вместе с тем на них наблюдаются определенные своеобразные явления, связанные с определенным географическим положением края — у южных склонов Большого Кавказа. Понятно, что каждая область этой культуры служит связующим звеном или точнее посредником общения смежных областей, однако некоторые из них несут эту нагрузку в большей степени. Так, Триалети является средним звеном, связующим между собой южные и северные области этой культуры, а Кахети осуществляет связь (более интенсивно, чем Шида Картли) с северными областями и через ее территорию проходит обоюдонаправленный поток межплеменных связей. Поэтому мы здесь встречаем большее число элементов северо-восточно-кавказского варианта куро-аракской культуры (обмазанная кухонная керамика), чем в более южных районах. Одновременно в Кахети встречаются т. н. «южные» элементы, неизвестные на севере.

Заключительную стадию эпохи ранней бронзы отражают и такие памятники, как комплекс разрушенного погребения в с. Квемо Кеди, курганные погребения Алазанской долины (цнорский животноводческий комплекс) и др. (табл. I). Последние дали довольно выразительный материал имущественной и социальной дифференциации раннебронзового общества, в недрах которого непосредственно созрели предпосылки «цветущей поры» Триалетской культуры эпохи средней бронзы и непосредственная генетическая связь с ней. Мы не будем приводить общезвестные положения, утверждающие или отрицающие отсутствие между этими культурами генетической связи. Отметим, что именно материалы поселения Илто, вкупе, естественно, с ранее известными памятниками других областей Грузии дали возможность установить более или менее твердо указанную связь. Причем здесь необходимо отметить, что такая связь устанавливалась при отсутствии определенного хронологического или культурного звена, каковым и в настоящее время выглядят памятники типа курганов Алазанской долины и ранее обнаруженные беденские курганы¹⁸.

Но так или иначе генетическую связь культур эпох ранней и средней бронзы следует считать в определенной степени решенной, хотя это не значит, что уже не потребуются дальнейшее накопление материала и его обобщение. Наоборот. Точно так же, как необходимы новые памятники начальной поры эпохи ранней бронзы, так же необходимы и памятники ее заключительной стадии, ибо все же еще нет серии таких памятников, которые позволили бы более полно обрисовать картину подготовки перехода не столько от одной культуры к другой, или перерастание одной культуры в другую, сколько эпохальные сдвиги. Ибо в это время как-будто происходит не только смена культуры, но и смена эпох. Именно этот самый сложный момент в истории развития материальной культуры является еще одной важной проблемой работ второго отряда КАЭ.

¹⁸ Г. Ф. Г о б е д ж и ш в и л и. Беденская гробница. «Дзеглис мегобари», вып. 12. 15.

На примере памятников Кахети мы прослеживаем зарождение многих элементов, которые потом занимают ведущее место в триалетской культуре. Это относится не только к керамике, но и определенным духовным воззрениям, как, например, появление в эпоху ранней бронзы курганных погребений, кремации (Самгори, Мелигеле) и их определенное господство в эпоху средней бронзы.

Касаясь вопроса исследования эпохи средней бронзы, мы вынуждены традиционно отметить, что до начала работ КАЭ памятники этого времени вообще не были известны в Кахети. Лишь единственная случайная находка в Рустави расписного сосуда должна была характеризовать эту эпоху.

В настоящее время их число превышает один десяток.

Одним из главных результатов работы КАЭ следует считать выявление практически первых поселений эпохи средней бронзы. Мы уже упоминали поселения Илто и Ткисбологора. Сюда следует добавить еще около двадцати упомянутых холмов Алазанской долины, где, судя по подъемному материалу, имеется и слой эпохи средней бронзы. Открытие поселений этого времени важно тем, что наше знание о триалетской культуре и вообще об эпохе средней бронзы весьма однобоко — до сих пор были известны лишь погребальные памятники и те так же весьма односторонние — в основном захоронения родоплеменной знати. Значение поселений этого времени определяется степенью наших знаний, а они весьма ограничены. Прежде всего следует отметить, что до настоящего времени не ясен вопрос экономической основы общества, создающие такие образцы «варварского великолепия», которыми представлены триалетские курганы. До сих пор остается нерешенным вопрос о характере хозяйства этого времени, которые, как считают некоторые археологи, основывались на скотоводстве, а другие и на земледелии и скотоводстве. Непонятно происхождение многих элементов культуры этого времени, у которых не обнаружены местные или другие истоки. Следует подчеркнуть и тот факт, что практически еще не очерчены границы триалетской культуры и далеко не решен вопрос о ее идентичности или отличии от памятников других областей Закавказья, где развивается эпоха средней бронзы, берущая истоки из как-будто единой для всей этой территории куро-аракской культуры. Ведь известно, что до последнего времени в специальной литературе господствовало мнение, что Триалети является периферией или самой северной областью культуры эпохи средней бронзы. В настоящее время с этим мнением можно не соглашаться, ибо границы собственно триалетской культуры отодвигаются к самому подножью Большого Кавказа. Кроме того, находки КАЭ позволили говорить о том, что богатые погребальные комплексы характерны не только для собственно Триалети, но и для более северных районов, в частности, Кахети. Известно, что все триалетские курганы были разграблены еще в древности. В Кахети мы впервые встречаем неразграбленное погребение, причем его открытие в какой-то степени ожидалось¹⁹. Это было связано с раскопками в местности Оле, где наряду с погребениями переходного этапа от эпохи средней к эпохе поздней бронзы были раскопаны разграбленные погребения эпохи средней бронзы.

¹⁹ Т. Бугианишвили, Ш. Дедабришвили, К. Пицхелаури, Р. Рамишвили, Ц. Чикондзе, М. Узунашвили. Работы Кахетской... стр. 78, 79.

Садугский курган № 2, раскопанный в 1971 г. (табл. II, III), знаменовал собой некоторый сдвиг в изучении триалетской культуры, ибо практически такие памятники не были известны за пределами южных областей²⁰. Сравнительное обилие драгоценных изделий и оригинальной керамики, орнаментированной путем обжига (табл. II₃), уникальный бронзовый меч (табл. II₂) и другие предметы (табл. II) позволяют говорить о том, что данное погребение принадлежало главе племени. На верность такого же предположения указывает косвенно могильник Швинднани, раскопанный вторым отрядом в 1969—1971 гг. Это родовой могильник эпохи средней бронзы, который на фоне вышеприведенного кургана выглядит весьма бледным по составу инвентаря отдельных погребений. Однако его научная ценность ничуть не меньше, так как он свидетельствует, что имущественная дифференциация в эту эпоху достигает довольно высокого уровня и разница между рядовыми членами общества и его верхушкой принимает все более глубокий характер.

Естественно, мы в настоящей статье не можем полностью отразить все будущие задачи и важность открытий, сделанных за прошедшие годы вторым отрядом КАЭ. Сказанное лишь кратко отражает основные моменты ее работы и нам остается в заключение добавить, что одной из главных задач работы второго отряда является изучение поселений на Алазанской долине. Здесь не лишне отметить, что такие работы будет проводить и третий отряд, с которым зачастую объединялись работы второго отряда. Так, например, совместными трехлетними усилиями были исследованы курганы Алазанской долины.

До начала работ КАЭ на территории Кахети наиболее широко были известны случайные находки предметов эпохи поздней бронзы и железа, т. е. той эпохи, которую изучает третий отряд.

В результате анализа случайно обнаруженных предметов и материалов небольших раскопок создана монография²¹, где впервые были обобщены данные об эпохе поздней бронзы и железа. Со дня выхода этой работы прошло десять лет, т. е. тот срок, за время которого КАЭ ведет интенсивные работы.

Известно, что эпоха поздней бронзы — широкого освоения железа — представляла собой один из важнейших периодов в древней истории человечества. В это время произошли большие экономические и социально-политические сдвиги, отраженные в материальной культуре. Одним из важнейших моментов, характеризующих уровень развития производственных сил и производственных отношений этого времени, явилось открытие железа, революционное значение которого в развитии общества хорошо известно. В это же время происходит окончательное отделение ремесла от земледелия и появление торговцев, т. е. полный распад первобытнообщинного строя. Все это в совокупности составило основу для перехода к классовому обществу. Поэтому ясна важность и актуальность изучения памятников и культур указанной эпохи. Тем более, что в отечественной исторической науке утвердилось мнение о зарождении государственного института на терри-

²⁰ К. П и ц х е л а у р и, Ш. Д е д а б р и ш в и л и. Некоторые Итоги работ КАЭ. В Сб. «Новые археологические находки на территории Груз. СССР», Тб., 1972, стр. 12—33.

²¹ К. П и ц х е л а у р и. Древняя культура племен...

2. Археологические...

тории Восточной Грузии (в том числе Кахети) на местной основе в середине I тысячелетия до н. э.

За прошедшие годы третий отряд КАЭ развернул широкие полевые исследования. За это время в Кахети, наряду с сотнями разведанных памятников, было раскопано пять поселений, три святилища, гончарная, металлургическая и литейная мастерские и многочисленные могильники (около трехсот грунтовых погребений и курганов).

Исследование некоторых памятников Кахети (Земо Бодбе, табл. IV, Оле) явилось фундаментом для выделения целой ступени в шкале развития материальной культуры. Совокупный анализ этих и ранее известных памятников на территории Восточной Грузии позволил выделить новый этап — переходную ступень от эпохи средней к эпохе поздней бронзы, хронологические рамки которой условно определены в пределах второй половины XV и первой половины XIV вв. до н. э.²²

Данный этап в основном выделяется с помощью керамики. Большая часть глиняных сосудов из подобных комплексов характеризуется многочисленными признаками, свойственными керамике эпохи средней бронзы, и единичными, зачаточными признаками керамики эпохи поздней бронзы. Примечательно, что в последнее время в комплексах курганов Земо Бодбе обнаружены кинжалы переднеазиатского типа, которые в определенной степени подкрепляют абсолютную датировку выделенного переходного этапа.

Исследованные третьим отрядом памятники эпохи поздней бронзы поставили перед необходимостью дальнейшего пересмотра хронологической шкалы и выделения, в отличие от ранних разработок, нового комплекса ранней ступени эпохи поздней бронзы.

Характерно, что на памятниках переходного периода от эпохи к эпохе поздней бронзы, как правило, встречаются единичные погребения поздней ступени эпохи средней бронзы (Оле). В это же время могильники раннего этапа эпохи поздней бронзы географически всегда отделены от могильников остальных периодов эпохи поздней бронзы и железа. Это явление, по наблюдению над памятниками Кахети, связано с перемещением поселений.

Поселения эпохи поздней бронзы и железа на территории Кахети, а их кроме раскопанных пяти, обследовано еще 170, располагались на холмах предгорной зоны южных склонов Цивгомборского хребта (Гаре Кахети) лишь с конца II тысячелетия до н. э. До этого они селились на склонах гор в неукрепленных местах, однако основной отраслью хозяйства обитателей этого района было земледелие.

Расположение на холмах и группами, очевидно, является свидетельством процесса разложения большой семьи или рода на более мелкие единицы, имевшие место в конце II и первой половины I тысячелетия до н. э. С другой стороны, появление такого рода поселений свидетельствует о родственных отношениях между жителями этих холмов, а также объясняет возможность возведения защитных укреплений, что не под силу было жителям одного такого поселения.

Поселения западной части Кизики отличаются по своему местоположению — они главным образом находились в ущельях. В восточной же части, где имелись пригодные для земледелия низины (Ди-

²² К. П и ц х е л а у р и. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (авторский доклад докторской диссертации). Тб., 1972.

ди Шираки, Патара Шираки, Зилича, Тарибана) люди селились на окружающих их холмах и горных склонах.

Поселения, обнаруженные в Шида Кахети — в северо-западной части Алазанской долины, как в эпоху ранней и средней бронзы (Илто, Алаверди I и др.), так и в эпоху поздней бронзы — раннего железа, располагались и на склонах гор, и в долине. Более того, в это время люди никогда не селились на холмах, хотя главной отраслью их хозяйства являлось земледелие.

В юго-восточной части Алазанской долины, начиная с конца эпохи ранней бронзы до первой половины I тысячелетия до н. э. поселения обычно устраивались на равнине.

В чем же причина перемены мест поселений в конце II тысячелетия до н. э.? Одной из причин можно считать возникновение какой-то внешней угрозы. Однако, возникновение укрепленных небольших поселений могло быть вызвано не только этим. Ведь в таком случае люди стремились бы к концентрации. Вероятнее всего, что перемена мест поселений была обусловлена социально-экономическими причинами, т. е. процессом разложения первобытнообщинного строя.

Памятники Кахети дают возможность в какой-то степени проследить и причины, по которым примерно к середине VII в до н. э. прекращается жизнь на этих поселениях. В Гаре Кахети этой причиной было нашествие скифов. Как показали раскопки верхнего «В» слоя поселения Мочрили гора, оно было уничтожено именно ими. Здесь обнаружено большое количество «скифских» наконечников стрел. Такая же картина наблюдалась и на раскопанном в 1959 г. святилище в с. Мелаани, которое было также уничтожено и где также найдено большое количество разнообразных скифских стрел. Понятно, что не все поселения и святилища этого времени погибли таким образом, но на всех памятниках, где найдены или нет скифские стрелы жизнь с этого времени прекращается. Однако, вероятно не только это нашествие явилось причиной оставления поселений, не выяснение этого является дальнейшей задачей работы третьего отряда КАЭ и главное, выяснение, куда перемещаются жители этих поселений.

Иное положение наблюдается на Алазанской долине. Уже отмеченные жилые холмы в ее юго-восточной части появляются в конце эпохи ранней бронзы и существуют до айтичного времени. Работы третьего отряда привели нас к выводу, что здесь мы имеем дело с использованием для орошения вод р. Алазани. Наблюдения показывают, что жизнь на поселениях этого района продолжается и в эпоху средней бронзы. Существует мнение, что жители последней ступени эпохи ранней бронзы, в связи с кризисом экстенсивного земледелия, снимаются с насиженных мест и переходят на другие²³. Нами высказано мнение, что уже с конца эпохи ранней бронзы, не говоря уже об эпохе средней бронзы, жители этого района орошают свои поля и это является основной причиной длительного существования поселения²⁴. Причиной оставления этих поселений, вероятно было нарушение ирригационной системы на рубеже II—III тысячелетий до н. э., вызванное, очевидно не только и не столько нашествием врагов, а изменением природных условий. Этот факт подтверждается следующим наблюдением: на протяжении веков Алазанская долина непрерывно повышается за счет раз-

²³ К. П и ц х е л а у р и. Основные проблемы истории племен восточной Грузии (XV—VII вв до н. э.), на груз. яз., Тб., 1973.

²⁴ К. П и ц х е л а у р и. Основные проблемы... (автореферат), стр. 25—28.

ливов Алазани. Так, например, нижние слои зольных жилых холмов располагаются примерно на 2 м ниже сегодняшней дневной поверхности и не исключено, что именно повышение уровня берега заставило отказаться от орошения и поэтому жители поселений устремляются на горные склоны. Однако, все сказанное, естественно, не является окончательным ответом на данную проблему, которая также является одной из основных задач дальнейших работ третьего отряда.

Как отмечалось выше, третий отряд исследовал гончарную мастерскую, расположенную на территории хирсского виноградного совхоза. Керамическое производство эпохи поздней бронзы и железа представляет собой одну из основных отраслей ремесла этого времени. Тем интереснее исследование памятника, непосредственно связанного с ним. А если учесть, что во всей Восточной Грузии до этого был изучен лишь такой памятник (Ховле), то понятна значимость хирсской мастерской.

Этим же временем датируется и Квемокедская металлургическая мастерская, исследованная в 1963—1965 гг.

Как показали исследования, здесь осуществлялось несколько технологических процессов. В частности, получение металла из технически обогащенной руды, а также изготовление и литье металлических предметов. По-видимому, производство снабжалось местным топливом, водой и глиной. Не исключено, что керамические изделия производились ремесленниками на территории самой мастерской, тем более, что здесь найдено несколько ям для старения глины. Основное сырье, вероятнее всего, доставлялось из рудоносных районов в виде технически обогащенной руды.

Таким образом, на территории Кахети исследован один из интереснейших памятников, связанный непосредственно с производством. Не лишне отметить, что на раскопанной территории не обнаружено признаков жилья. Очевидно здесь находился лишь специализированный производственный участок, расположенный, вероятно, неподалеку от крупного поселения. Однако пока что его не удалось обнаружить. Середина I тысячелетия считается в Иберии периодом возникновения поселений городского типа. Поэтому, не исключено, что расположенные в 6 км от квемокедской мастерской два больших холма могли являться поселениями такого типа. Однако данное соображение нуждается еще в своем подтверждении, что может быть достигнуто после раскопочного изучения указанных памятников.

За прошедшие годы третий отряд КАЭ исследовал три святилища изучаемой эпохи и обнаружил еще два аналогичных памятника (Арашенда, Энисели).

Раскопанные памятники находились в местечке Мелигеле и в с. Мелаани Гурджаанского района.

Особый интерес представляет святилище Мелигеле I, где на глинобитной площадке диаметром 40 метров, окаймленной рвом с жертвоприношениями, имелись «инкрустированные» золой и жженными костями барашков, изображения животных и каких-то неясных сцен (охоты—?).

До открытия кахетских святилищ считалось, и не без основания, что поселения являлись одновременно и культовыми местами, т. е. там же они и находились. Однако, как теперь выясняется, на определенной ступени развития общества появляется потребность, наряду с жертвенниками, существовавшими при жилье, создания специальных общих культовых мест (в Иоро-Алазанском бассейне, например, это на-

чалось со второй половины II тысячелетия до н. э.). Причиной этого послужило создание в этот период крупных союзов родственных племен, что вызвало необходимость идеологического единства, выразившееся в появлении общего божества, в честь которого создаются культовые места, общие для нескольких поселений (родов).

Таковы, вкратце, памятники, исследованные третьим отрядом. Еще раз отметим, что на основании проведенных полевых работ выделен новый — переходный этап от эпохи средней к эпохе поздней бронзы. Откорректирован и практически выделен новый — ранний этап эпохи поздней бронзы, и, главное, определены локальные варианты культуры эпохи поздней бронзы. Соотношение же этих вариантов материальной культуры с данными письменных источников позволило с той или иной степенью достоверности определить этническую принадлежность носителей этих культур — племен Кухов, Кахов и Эров. Прделанные работы позволили также утверждать непрерывное развитие материальной культуры, начиная, по крайней мере, с середины II тысячелетия до н. э. и, как мы увидим ниже, вплоть до времени зафиксированного в письменных источниках.

Естественно, прделанная работа не может быть исчерпывающей. Мы мимоходом отмечали некоторые главные проблемы, решение которых связано с дальнейшим накоплением материала, однако одной из важных и актуальной является выяснение во всех деталях тех причин и закономерностей, которые вызвали зарождение государственного института. Здесь следует отметить, что наименее изученным периодом в Кахети является именно этот период, именуемый по археологической терминологии античной эпохой.

Изучением этой эпохи начал заниматься IV отряд КАЭ лишь в 1974 году. Здесь еще не обнаружено таких памятников, на основании которых можно было бы делать широкие исторические выводы. Однако, в археологическом отношении уже исследованные памятники (или те, которые находятся в стадии раскопок, а такими являются практически все) уже дают много нового.

Так, на основании данных селища Садуга, уже можно говорить о наличии в античное время некоторых признаков, сохраняющих традиции предшествующего времени. На такие же непосредственные связи указывают керамические материалы из с. Шрома (бывш. Вачнадзани), что дало возможность выявить местную продукцию и по новому поставить вопрос о т. н. ялойлутепинской культуре, которую необоснованно считали местной²⁵. Однако, наряду с этим, в настоящее время на территории Кахети исследуется лишь один памятник, относящийся к середине I тысячелетия до н. э., который, не исключено, прольет свет на многие стороны возникновения Иберийского государства. Здесь, в местечке Гумбати, были обнаружены каменные базы колонн типично Ахеменидского облика. Следует отметить, что если в восточной части Кахети очень часто встречаются случайные находки позднеантичных предметов неместного происхождения, то в западных — их количество заметно падает. С другой стороны, раннеантичные эллинистические материалы пока что известны в весьма ограниченном количестве и практически в нашем распоряжении имеется лишь два памятника, где могут быть обнаружены материалы указанных периодов — это Гумбати и Садуга, раскопки которых продолжаются.

²⁵ Там же. Основные проблемы... (автореферат), стр. 10.

Таким образом, античная эпоха в Кахети еще слабо изучена и понятно, что основные усилия работы IV отряда будут направлены именно на выявление памятников этого времени, значение которых настолько ясно, что мы не станем на нем останавливаться.

Несколько иное положение было до начала работ КАЭ в отношении памятников эпохи феодализма. На территории Кахети изучались крупнейшие города этого времени — Уджарма²⁶, Рустави²⁷, Грени. Здесь исследовалась крепость Кветера и др. памятники.

В поле зрения V отряда экспедиции попадали такие памятники, которым грозило уничтожение в процессе строительных работ. Поэтому, не всегда была возможность исходить из тех проблем, которые наиболее актуальны, а решать те, которые ставились самими памятниками, попадавшими в поле зрения КАЭ. Однако это отнюдь не значит, что последние не имели научной ценности. Напротив. Так, в 1965—66 гг. была расчищена (а впоследствии восстановлена) одна из древнейших церквей Кахети Эрелаант Сакдари, датируемая V в.²⁸, относящаяся к типу т. н. крестовокупольных церквей.

Здесь же, на территории верхнего течения Алазани, в местечке Иагсари, близ с. Матани изучен раннехристианский могильник, давший интересный материал постепенного проникновения христианства в горные районы Грузии.

Помимо этого, во время разведок 1965 г. было открыто множество феодальных селищ и церквей²⁹, а также велись интенсивные археологические раскопки в г. Телави и его окрестностях.

В 1972 году в с. Дарчети были раскопаны остатки раннефеодальной церкви, на территории которой были обнаружены до сих пор неизвестные на территории Кахети обломки орнаментированных камней, представлявших собой стеллу.

Понятно, что работы данного отряда лишь только разворачиваются, и его основной задачей является выяснение характера многих памятников, отражающих не столько городскую, сколько сельскую жизнь феодальной Кахети. Однако это не исключает изучение поселений городского типа, таких, как например, Карагаджи, которая вероятно попадает в зону строительства цюрского животноводческого комплекса.

Таким образом, как мы увидели выше, диапазон исследований КАЭ охватывает все археологические эпохи и проблематику ее работ почти не испытывает ограничения, находясь в рамках строительных площадок. Однако, в некоторых случаях, это ограничение влияет на получаемые выводы, ибо понять сущность некоторых раскопанных памятников можно лишь изучив другие, зачастую лежащие вне зоны строительства.

Таковы краткие итоги десятилетней работы КАЭ, которые почти полностью были связаны с новостройками.

²⁶ Д. М у с х е л и ш в и л и. Город Уджарма (на груз. яз.). Сб. исторической географии, Грузии т. II, Тб., 1964.

²⁷ Л. Ч и л а ш в и л и. Город Рустави (историко-археологический очерк), Тб., 1958 (на груз. яз.).

²⁸ Р. Р а м и ш в и л и. Исследования раннефеодального могильника «Иагсари», Труды Кахетской археологической экспедиции, т. I, стр. 111—125.

²⁹ К. П и ц х е л а у р и, Ш. Д е д а б р и ш в и л и. Работы Кахетской археологической экспедиции... (Труды...), стр. 9—19.

Ф. М. АБРАМИШВИЛИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ БОЛЬШОГО ТБИЛИСИ

(таблицы V—XII)

Археологическая экспедиция Большого Тбилиси¹ создана в 1972 году на базе Археологической экспедиции Дигомского ущелья². Ее основной целью является выявление, охрана и изучение тех археологических памятников, которым по тем или иным обстоятельствам грозит разрушение-уничтожение. Расширение ареала полевых исследований экспедиции, естественно, вызвало и соответствующее расширение научной проблематики. Первоначально научной целью экспедиции являлось, на примере Дигомского ущелья, проследить развитие ущелья («хеоба») как исторической единицы с древнейших времен до феодальной эпохи включительно. В настоящее время экспедиция, кроме того, изучает развитие и взаимоотношение археологических культур, расположенных на обоих берегах р. Куры в черте исследуемой территории, и существующие предпосылки в создании Тбилиси столичным городом.

Экспедиция начала работу с изучения ранее найденных материалов на территории Тбилиси³. Параллельно велись и разведывательные работы. Изыскания показали, что все районы Тбилиси были заселены весьма рано.

Количество на сегодня выявленных археологических памятников Тбилиси превышает 130.

¹ Под термином Большой Тбилиси подразумевалась и та территория города, которая по генеральному плану к 2000 году должна быть заселена. Эта территория с 1975 года уже вошла в черту города.

² Археологическая экспедиция Дигомского ущелья была создана в 1968 году. Первоначально главной целью экспедиции было исследование культурных слоев на холмах Тре-лигорееби, которые были повреждены и оголены земляными работами, производимыми Управлением «Тбилводопровода», а с 1969 года до настоящего времени экспедиция раскопки производит в основном на той территории, где предполагается строительство т. н. Дигомского узла Военно-Грузинской дороги.

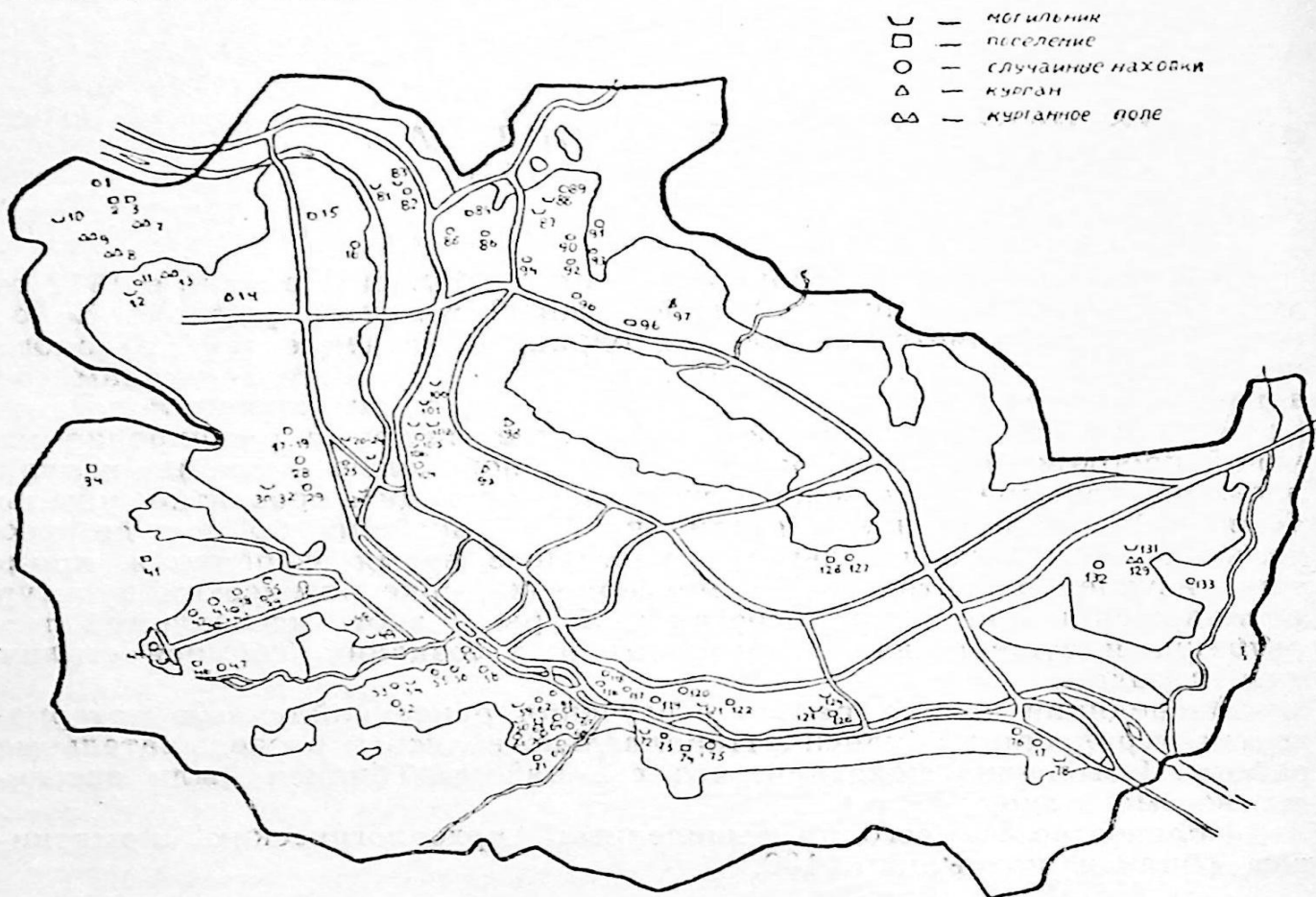
После того, как данная статья была сдана в печать, археологическая экспедиция Большого Тбилиси вновь была переименована в Археологическую экспедицию Дигомского ущелья.

³ По изучению археологических памятников Тбилиси большую и плодотворную работу провели Д. Л. Коридзе, Г. А. Ломтатидзе, И. А. Гдзелишвили и О. В. Ткешелашвили. Результаты их изысканий оказали большую помощь экспедиции.

Безусловно, то, что во время будущих изысканий данное число памятного увеличится. Существующие данные указывают на плотность населения территории города в древности. Древнейшим памятником на территории Тбилиси является Делисское поселение, обнаруженное во время земляных работ на проспекте Важа-Пшавела⁴.

Несмотря на малочисленность обнаруженного материала, этот памятник имеет огромное значение для изучения древнейшей истории

Карта археологических памятников г. Тбилиси.

Грузии и Закавказья вообще. Материал Делисского поселения находит параллели с памятниками т. н. раннеземледельческих культур Закавказья V—IV тысячелетия до н. э., а с другой — материалами т. н. куро-аракской культуры конца IV—III тысячелетий до н. э. Интерес к Делисскому поселению растет и по той причине, что керамика этого памятника несколько отличается от керамики Шулаверо-Шомутепинской раннеземледельческой культуры и проявляет определенное сходство с синхронными материалами Земо Имерети. На основании вышеотмеченного, дальнейшее исследование Делисского поселения имеет огромное значение для освещения до сих пор не-

⁴ Большая часть поселения была уничтожена при разрытии котлована для фундамента здания Министерства сельского строительства.

достаточно изученного вопроса взаимоотношений, с одной стороны, т. н. раннеземледельческой и раннебронзовой культур Закавказья, а с другой т. н. Шулаверо-Шомутепинской культуры с синхронными с ним памятниками Западной Грузии. Делисское поселение нами датируется приблизительно концом V-го, первой половины IV тысячелетия до н. э. Таким образом, история человеческой жизни на территории Тбилиси насчитывает 6000 лет.

По уже утвержденным строительным планам Делисскому поселению грозит уничтожение. До разрушения этот памятник должен быть обязательно всесторонне изучен.

Поселения раннебронзовой эпохи на территории Тбилиси обнаружены уже во многих районах: в Дигомском массиве, Вашладжвари, Дидубе, Сабуртало (в нескольких местах), Земоавчала и поблизости ЗАГЭС.

Памятники среднебронзовой эпохи выявлены в Грмагеле, Лило, Дигомском массиве и Поничала.

Территория Большого Тбилиси была особенно плотно заселена в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Памятники этого периода обнаружены в Авлабари, Ортачала, Навтлуги, Вашладжвари, Дидубе, Грмагеле, Надзаладеви, Авчала, Земоавчала, на склоне горы Мтацминда, у Тбилисского моря, в Сабуртало, Дигомской долине, близ Шавнабада и др. местах. В перечисленных районах часты случаи обнаружения нескольких памятников указанного периода.

Тбилиси достаточно плотно был заселен и в античную эпоху. Памятники этого времени обнаружены: близ площади Ленина, в Ортачала, Авлабари, на склоне горы Мтацминда, в Ваке, Дидубе, Надзаладеви, Грмагеле, на проспекте Плеханова и в его окрестностях, в Дигомском массиве, Вашладжвари, Глдани, Авчала и др. местах. Выявленные памятники в основном относятся к позднеантичному периоду.

Территория Тбилиси плотно была заселена и в феодальную эпоху. Памятники этого времени также обнаружены почти во всех районах города.

Для изучения древней истории Тбилиси необходимо в широком масштабе произвести археологические раскопки на территории Кала и Исани — в древнейших районах раннефеодального города Тбилиси. Следует отметить, что по имеющимся на сегодня данным, эти места были заселены уже с XIII в. до н. э.

Археологическая экспедиция Большого Тбилиси ведет раскопки в основном в северо-западной части г. Тбилиси, на территории Дигомского массива и его окрестностей. На Дигомской равнине у слияния рек Куры и Дигмисцкали, вдоль Военно-Грузинской дороги, растянуты населенные с древних времен холмы «Трелигорееби». Начиная со времен энеолита — ранней бронзы, вплоть до феодальной эпохи, на упомянутых холмах и их окрестностях найдены памятники, свидетельствующие о непрерывной жизни на данной территории.

Остатки селищ эпохи энеолита — ранней бронзы, в основном, выявлены на левом берегу реки Дигмисцкали, у подножья южного холма Трелигорееби. На этом участке экспедицией было раскопано несколько чередующихся культурных слоев, что указывает на длительность существования населения этого периода. Вышеотмеченные слои содержат керамику, характерную для памятников куро-аракской культуры (табл. V). В ямах, связанных с нижним слоем, вместе с упомянутой керамикой найдены глиняные сосуды с растительными примесями (табл. V₈).

Как известно, т. н. саманная керамика характерна для памятников Закавказья V—IV тысячелетий, а в эпоху существования куро-аракской культуры она уже не встречается. Сосуществование ранних форм глиняных сосудов куро-аракской культуры и т. н. саманной керамики является доказательством того, что нижний слой поселения относится к поздней ступени энеолита или к переходному периоду от энеолита к ранней бронзе (приблизительно вторая половина IV тысячелетия до н. э.). Верхние слои этого селища относятся к эпохе ранней бронзы (в основном, III тысячелетие до н. э.).

Вблизи этого поселения существовал синхронный ему могильник. Характерными погребениями этого времени являются грунтовые ямы, окаймленные кругами из камней. В некоторых случаях скелет покойника окрашен охрой (погребение № 26).

Особенно следует отметить, что вопрос о взаимоотношении куро-аракской культуры с предшествующими памятниками еще недостаточно изучен. Главной причиной этого является то обстоятельство, что пока недостаточно выявлены, с одной стороны, памятники раннего этапа куро-аракской культуры, а с другой, памятники конца т. н. раннеземледельческой культуры Закавказья, где были бы отражены взаимоотношения этих двух культур. Поэтому для изучения этого вопроса особое значение приобретает всестороннее исследование Делисского и Трельского поселений.

О далеко зашедшей имущественной и социальной дифференциации общества указывают погребения Трельского могильника конца эпохи средней бронзы. Одно из богатых погребений этого могильника представляет собой удлиненную камеру (5,5 м × 2,0 м), вырытую в грунте и перекрытую бревнами. В этом погребении было обнаружено свыше двадцати глиняных сосудов, а также черепа и конечности быков и целый скелет мелкого рогатого животного. Над бревнами перекрытия было обнаружено еще несколько глиняных сосудов и ребра крупного рогатого скота — остатки погребальной трапезы. Погребальный ритуал предусматривал и человеческое жертвоприношение: над бревнами обвалившегося перекрытия был обнаружен обуглившийся скелет усопшего в сильно скорченной позе. Оставалось впечатление, что покойник предварительно был связан. Возле него были найдены пастовые бусы и бронзовая булава с пирамидальной головкой. Так как в самом погребении не было обнаружено и следа человеческого скелета, предполагается полная кремация главного покойника. Не исключено также, что данное погребение является кенотафом. Это погребение датируется нами серединой II тысячелетия до н. э. Следует особо отметить, что на Трельском могильнике погребения рядовых членов общества этого времени довольно бедны и в некоторых случаях содержат всего один глиняный сосуд.

Инвентарь погребений Трельского могильника этого времени отличается от триалетских памятников среднебронзовой эпохи и, имея свои локальные особенности, ближе всего стоит, с одной стороны, к памятникам Шида Картли (историческая область в центральной части Грузии), а с другой, к памятникам Кахети (восточная часть Восточной Грузии) и Армении, а особенно близко к ее западным районам (погребения Арчского могильника). Связи между упомянутыми районами, в основном, по-видимому, осуществлялись по ущелью и долинам р. Куры, обходя Триалети (историческая область в Южной Грузии), так как, по нашему мнению, отличие между памятниками Триалети и перечисленных областей нельзя объяснить только хроноло-

гической разницей, существующей между ними. Данный вопрос станет более ясным в случае обнаружения памятников раннего этапа эпохи средней бронзы в Дигомском ущелье.

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что биконические сосуды с дугообразными ушками из вышеупомянутых погребений Трельского могильника находят определенное сходство с аналогичными предметами из Малой Азии⁵. Керамика данного типа найдена и в других местах Грузии (Самтаврский могильник, Кахети).

С точки зрения культурно-хронологических взаимоотношений памятников эпохи средней и поздней бронзы, большой интерес представляют материалы погребений Трельского могильника переходного периода, датируемые нами приблизительно XV в. до н. э. Большинство предметов из этих погребений имеют характерные черты памятников среднебронзовой эпохи, а часть — раннего этапа поздней бронзы.

В хронологическом отношении, за вышеупомянутыми погребениями следуют погребения раннего этапа эпохи поздней бронзы. Эти погребения, как и все предыдущие, являются ямными курганами, окаймленными курганами из камней. Исключением является курганный погребение № 37, четырехугольно огражденное большими нетесанными камнями. Площадь этой ограды больше 100 м². Погребение, по-видимому, принадлежит знатному воину. В нем, кроме глиняной посуды и бронзового оружия, обнаружено 7 скелетов мелкого рогатого скота, что, со своей стороны, говорит о развитом скотоводстве, по-видимому, яйлажного типа.

Памятники раннего этапа эпохи поздней бронзы Дигомского ущелья находят ближайшие параллели с памятниками Кахети, Триалети и Западных районов Армении. Памятники упомянутого времени датируются нами концом XV—XIV в. до н. э.

На Трельском могильнике с XIII в. до н. э. появляется новый тип погребений — грунтовые ямы с каменной насыпью. Этот тип погребений существует до VI в. до н. э. включительно. С изменением типа погребений меняется и инвентарь. В упомянутое время памятники Дигомской долины ближайшие параллели находят с памятниками Самтаврского могильника. На Трельском могильнике раскопано уже около ста погребений эпохи поздней бронзы — раннего железа. Среди них богатством инвентаря выделяются погребения знатных воинов (табл. VI—VIII), содержащие многочисленную глиняную посуду, украшения из разных металлов, пасты, стекла и полудрагоценных камней, бронзовые пояса и бронзовое и железное оружие. Среди них разнотипные мечи, кинжалы, копья, стрелы и проч. предметы. В этих погребениях найдены также кости крупного, чаще, мелкого рогатого скота.

Экспедицией раскопаны также две могилы с погребальными залами. Эти погребения представляют собой срубы с плоским перекрытием. В обоих случаях зафиксирована кремация самого погребения. Богатством и многочисленностью инвентаря особо выделяется могила с погребальным залом № 1. Площадь погребального зала достигает 70 м², а высота превышает 4 м. В погребении было обнаружено до ста глиняных сосудов, несколько десятков бронзовых и железных предметов, пастовые и сердоликовые бусы и т. д. Среди обнаруженных предметов своей высокой художественностью и изяществом выделяются: отлитое из бронзы божество, стоящее на ажурной подставке (знак от-

⁵ О сходстве аналогичных сосудов из Армении и Малой Азии уже неоднократно указывалось в специальной литературе.

личия), два скульптурных изображения голов лошади (навершие штандартов), глиняная скульптура животного (лошади), зооморфные сосуды, чернолощенные кувшины, украшенные геометрическим орнаментом, сквозные биконические сосуды ритуального назначения и глазурованные сосуды.

Кроме этого, в погребении были обнаружены: бронзовый шлем, дротик, черенковые стрелы и 14 конских сбруй — удила разных типов, шейные гривны с колокольчиками, бляхи и т. д. (табл. IX—X).

Погребение принадлежало знатному воину, по-видимому, вождю племени.

Второе погребение было обнаружено недалеко от первого. Оно сравнительно меньшего размера — 42 м². Несмотря на то, что это погребение было разграблено, в нем обнаружены многочисленные предметы, среди которых высоким искусством выделяются: винный сосуд — бычек (табл. X₁), алебастровая пиала (табл. X₄), большие глиняные орнаментированные сосуды, золотые бусы и др.

Обе могилы с погребальными залами синхронны и датируются VIII—VII вв. до н. э.

Эти погребения по своей конструкции, погребальному обряду, богатству и некоторыми найденными в них предметами резко отличаются от синхронных погребений Грузии и сохраняя свои особенности, находят определенное сходство с памятниками Азербайджана и северо-западного Ирана.

Расположение Трельского поселения в центральной части Закавказья, в районе встреч отдельных археологических культур и на перекрестке древних торгово-обменных путей, обусловило то обстоятельство, что на данном памятнике в разное время проявляется преобладание влияния той или иной археологической культуры.

Упомянутые изменения в погребальных обрядах и инвентаре Трельского могильника являются, по-видимому, отражением передвижения разных этнических групп.

В эпоху поздней бронзы — раннего железа (приблизительно вторая половина второго и первая половина I тысячелетия до н. э.) на Дигомской равнине существовало поселение, грандиозных для того времени масштабов. Экспедицией установлено, что в ту эпоху террасообразно были заселены все холмы Трелигорееби, растянувшиеся на 1,5 км. О величине этого населенного пункта говорит и плотность самого населения. Особенно густо были заселены восточные склоны упомянутых холмов. На этих склонах обычно одно помещение непосредственно примыкает к другому. Нередко перекрытие одного здания являлось двориком для жителей дома, расположенного на верхней террасе за этим помещением. О плотности этого населения говорит также то обстоятельство, что здесь неоднократно встречаются следующие друг за другом строительные слои.

Помещения этого поселения представляют собой однокомнатные полуземлянки с плоским перекрытием. Стены этих домов выложены из рваных камней и булыжников. В некоторых зданиях обнаружены остатки опорных бревен. Стены жилых комнат изнутри были оштукатурены глиной. В каждом жилом помещении обнаружены печи, к которым, обычно, примыкают невысокие площадки с жертвенниками разных форм. По-видимому, эти печи заменяют очаги как в практическом, так и в религиозном отношении. Помещения хозяйственного назначения, в некоторых случаях, непосредственно примыкают к жилым комнатам. В них нередко встречаются закопанные в землю кувшины для

хранения вина, уксуса и разных сельскохозяйственных продуктов. В одном помещении VIII—VII вв. до н. э. обнаружены зерна пшеницы, виноградные косточки и винный кувшин.

На данном поселении все строительные слои носят следы пожара и разрушения, что, по-видимому, в основном является результатом вражеских нашествий.

Дигомская равнина довольно интенсивно заселена и в античную эпоху. Обнаружены кувшинные и грунтовые погребения эллинистической эпохи и грунтовые погребения римского периода (табл. XI).

Из погребения позднеантичной эпохи богатством инвентаря выделяется погребение знатного воина с захоронением коня и собаки. В погребении были обнаружены: длинный железный меч, кинжал, копье, трехлопастные стрелы, бронзовые застёжки и бляхи, золотой браслет (табл. XII), два железных перстня с вставными сердоликовыми геммами инталий. На одной из гемм изображен сосуд на высокой ножке с неугасающим огнем, а на другой — Афина Паллада с копьем и мечом. Кроме того, в погребении было найдено два серебряных динария римского императора Августа и др. Погребение датируется второй половиной III в. до н. э.

На территории Дигомского массива, недалеко от упомянутого погребения, частично раскопана баня⁶ позднеантичного времени, что, со своей стороны, указывает на существование поблизости и дворца.

Трелигорееби и Дигомская равнина были населены и в феодальную эпоху. Выявлены остатки поселения и марани (место для хранения вина), раннефеодальной эпохи и погребения позднефеодального периода.

Экспедиция раскопки вела и на Вашладжварском могильнике, расположенного у Военно-грузинской дороги, на правом берегу р. Дигмисцкали. На этом могильнике обнаружены погребения позднеантичного времени и раннефеодального периода. Одно погребение этого могильника заслуживает особого внимания, над каменным ящиком которого, была воздвигнута надгробная стелла с древнегрузинскими буквами⁷. Погребение датируется VI в. н. э.

Из обнаруженных материалов явствует, что население Дигомского ущелья, во всяком случае, с эпохи поздней бронзы — раннего железа, довольно интенсивно занималось как земледелием, так и животноводством и было заселено развитыми в экономическом и культурном отношении племенами. Этому способствовало то обстоятельство, что Дигомское ущелье имеет хорошие зимние и летние пастбища, занимающие огромную территорию, и плодородные земли, орошаемые с древнейших времен. Следует отметить, что через Дигомское ущелье проходила дорога к Триалетским летним пастбищам. Развитию населения на холмах Трелигорееби и в их окрестностях способствовало также то обстоятельство, что эти холмы, в стратегическом отношении расположены на очень выгодном месте. Жители этих холмов, с одной стороны, охраняли дорогу, ведущую в Триалети, а с другой — контролировали магистральную дорогу, проходящую по ущелью р. Куры.

Добытый экспедицией материал свидетельствует о том, что столь крупное поселение Дигомского ущелья являлось той экономической единицей, которая сыграла определенную роль в создании Тбилиси как столичного города.

⁶ Баня частично была разрушена во время строительства здания «Полиграфкомбината».

⁷ Стелла оказалась поврежденной и на ней сохранились всего 5 букв.

Р. М. РАМИШВИЛИ, В. А. ДЖОРБЕНАДЗЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИНВАЛЬСКОГО ГИДРОТЕХНИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

(таблицы XIII—XX)

В Арагвском ущелье Институтом истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР ведутся археологические раскопки, финансируемые строительством Жинвальского гидротехнического комплекса.

Перед Жинвальской экспедицией была поставлена задача раскопать городище Жинвали и изучить основные историко-археологические памятники в зоне будущего водохранилища¹.

До начала работы нашей экспедиции, еще в 1964 году Институт истории, археологии и этнографии в районе будущего строительства провел значительные разведочные работы (руководитель экспедиции Г. Ф. Гобеджишвили, разведочного отряда — Л. Г. Цитладзе), в ходе которых выявлены весьма интересные памятники². Тогда же была составлена соответствующая смета, но в связи с временной задержкой строительства археологические исследования были приостановлены до 1971 года, когда по решению XXIV съезда КПСС строительство водохранилища стало реальным.

Стационарным раскопкам в Душетском районе предшествовали большие разведочные работы с целью уточнения количества и характера памятников, находящихся в зоне строительства, объема и приблизительной стоимости работ, определения сложности изучения памятников и возможности применения технических средств при раскопках.

Полевые и разведочные работы за прошедшие годы оказались весьма результативными. Лишь только были вскрыты котлованы под

¹ Р. М. Рамишвили, Л. Г. Цитладзе, В. А. Джорбенадзе, Л. Д. Церетели, Дж. Г. Гвасалия, Т. Д. Арчвадзе, И. Я. Бедукадзе, З. А. Каландадзе. Предварительные результаты работ Жинвальской археологической экспедиции в 1971 году. В сб.: Археологические исследования в Грузии в 1971 году. Тб., 1972, с. 117—118. (Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

² Л. Г. Цитладзе, З. Г. Шатберашвили, А. Кахидзе. Итоги работ разведочной археологической экспедиции в 1964 году в связи с строительством Жинвальской ГЭС. В сб.: XIV научная сессия посвященная итогам полевых-археологических исследований 1964 года. Краткие отчеты. Тб., 1965, с. 21—23. На груз. яз. (Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

первые здания, как были обнаружены остатки древних поселений и ряд уникальных памятников. За прошедшие годы Жинвальской экспедицией на 26-и участках исследуемой территории были обнаружены богатые археологические материалы, дающие возможность в новом аспекте увидеть ряд проблем, связанных с историей Арагвского ущелья и Грузии с древнейшего времени до позднего средневековья.

Палеолитические памятники в ущелье двух Арагви, как в зоне затопления, так и в целом, до последнего времени не были изучены. Во время разведочных работ выявлено несколько памятников каменного века (руководитель отряда Л. Д. Церетели)³.

Довольно плодотворными оказались поиски на Душетско-Базалетском плато, где в 1971—73 годах было обнаружено несколько местонахождений, содержащих материалы каменного века. В этом отношении особенно выделяются окрестности Базалетского озера, образовавшиеся в нижнем четвертичном периоде (в конце бакинского и начале хазарского периодов). Что касается арагвских террас (в зоне Жинвали-Арагвиспири), они образовались еще позднее, в верхне-четвертичном периоде.

На протяжении всего четвертичного периода, в ущельях обеих Арагви и, особенно на Душетском плато, обилие природных ресурсов, сухой и умеренный климат создавали благоприятные условия для существования первобытного человека.

В окрестностях Базалетского озера, в местечке Млаше-гора собраны в большом количестве обсидиановые отщепы. Предварительное изучение подъемного материала дает возможность предположить наличие на Млаше-гора остатков поселения неолитического времени.

Плодотворными оказались разведочные работы в верховьях Арагвского ущелья. На Кайшаурской долине, на высоте 2000 м от у. м. найдено несколько остроконечников мустьерского облика и скребла неолитического типа.

Поиски памятников каменного века в Арагвском ущелье продолжаются.

В с. Жинвали, на левом берегу Арагви, на крутом склоне прилегающей горы, у головного сооружения водоотводного тоннеля в 1973—74 гг. велись большие работы с целью выявления самого архаичного памятника на территории будущего водоема (М. Г. Глonti)⁴. На крутом склоне прилегающей горы были заложены главный раскоп (10×2,5 м) и 20 контрольных траншей, с целью выявления стратиграфии и характера памятника, а также установления границы ее распространения. С помощью контрольно-изыскательных работ выяснилось, что перемещение и срыв культурных слоев не были такими интенсивными, как предполагалось до начала работ. Вещественный материал в большинстве случаев представлен многочисленными обломками глиняной посуды, в основном обнаруженный на средней полосе склона.

Толщина слоя в этом секторе достигает до трех метров. Культурный слой включает в себя остатки разных периодов. Толщина чернозе-

³ Л. Д. Церетели. Первые находки каменного века в Душетском районе. В сб.: Жинвальская экспедиция (Краткие отчеты первой научной сессии). Тб., 1975, стр. 92—94 (Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

⁴ М. Г. Глonti. Древнейший памятник на Жинвальском городище. В сб.: Жинвальская экспедиция (Краткие отчеты первой научной сессии). Тб., 1975, стр. 94—95 (Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

ма с гумусной поверхностью составляет 0,9 м, а более светлого, щебенчатого слоя достигает 1,8—2 м.

Контрольными траншеями выяснилось, что культурные отложения распространяются почти до гребня хребта, а у подножия постепенно исчезают. Культурные слои более интенсивно распространяются в сторону севера и включают в себя всю территорию Квирацховели. В гумусном слое вместе с отдельными обломками из нижних слоев в большом количестве встречаются черепки глиняных сосудов феодальной эпохи, а так же фрагменты позднеантичной керамики из хорошо отмученной глины красного и соломенного обжига. В щебенчатом слое содержатся в основном мелкие фрагменты керамики раннего и среднебронзового периодов; костяные кремневые и обсидиановые орудия (табл. XIII₂), а также в незначительном количестве металлические (медь, свинец, бронза) предметы. Керамика раннебронзового периода представлена обломками розовато-коричневатой, лощеной посуды, которые украшены выпуклинами и процарапанными орнаментами, а также рельефными изображениями змей и туров (табл. XIII₁). Сосуды изготовлены вручную, глина грубая, часто с примесью толченого обсидиана, обожжена неравномерно. По предварительным наблюдениям некоторая часть керамики, возможно предшествует раннебронзовому периоду. Чернолощенная керамика среднебронзового облика снабжена богатой орнаментацией геометрического стиля. Параллели к этим материалам находятся как в Грузии (особенно в Восточной Грузии) и в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Данный памятник можно считать местом, где в эпоху ранних металлов совершались связанные с культом ритуальные обряды⁵.

Отряд по изучению памятников бронзового и раннежелезного периода (Л. Г. Цитладзе) проводил работы в зоне строительства с 1972 года, но явно выраженных памятников этого периода тогда пока не было выявлено. Зато, отряду пришлось вести раскопки на аварийном могильнике раннеантичного периода в с. Варсимаанткари⁶, где в индивидуальных грунтовых погребениях с сильно скорченными костями были обнаружены довольно богатые погребальные комплексы. Обязательным компонентом комплекса являются глиняные сосуды (от 1 до 4) как красного, так и буро-серого обжига, а также железные оружия (наконечники копий, кривые ножи, наконечники стрел), наконечники бронзовых стрел т. н. скифского типа и украшения (железные и бронзовые браслеты с вогнутой спинкой, булавки, и др.).

Памятники армазского (позднеантичного) и раннесредневекового периода раскапывались в нескольких местах (Р. М. Рамишвили)⁷.

⁵ Р. М. Рамишвили, В. А. Джорбенадзе, З. А. Каландадзе, В. В. Николайшвили, Г. М. Рчеулишвили, М. Г. Маргвелашвили, В. В. Чихладзе, И. Д. Циклаури, В. О. Асланишвили, Н. У. Бакрадзе, М. Г. Глonti, И. Я. Бедукадзе. Исследования в зоне Жинвальского водохранилища. В сб.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975, стр. 458. (АН СССР Институт археологии).

⁶ Л. Г. Цитладзе. Работы отряда по изучению эпохи поздней бронзы и раннего железа. В сб.: Жинвальская экспедиция (Краткие отчеты первой научной сессии). Тб., 1975, стр. 97—98. (Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

⁷ Р. М. Рамишвили. Археологические исследования в Ахали Жинвали. В сб.: Жинвальская экспедиция (Краткие отчеты первой научной сессии). Тб., 1975, стр. 98—102 (Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

В Ахали Жинвали за прошедшие годы основные усилия были направлены на изучение двух могильников и поселения между ними.

Первый могильник, частично оказавшийся в котловине административного здания Жинвальского гидроузла, занимал довольно обширную территорию в восточной части Ахали Жинвали. На разных участках могильника всего раскопана площадь в 1500 м² и выявлены 34 погребения, из которых два оказались богатыми. Все погребения на могильнике I оказались грунтовыми. Рядовые грунтовые погребения за некоторым исключением, индивидуальные и находились на глубине 0,8—1,1 м. Костяки лежали на правом или левом боку со скорченными конечностями. В сравнительно ранних погребениях данного могильника наблюдается более скорченная поза. Погребальные комплексы представлены в основном украшениями: бронзовые, серебряные серьги, перстни и бусы разных форм из стекла, сердолика, янтаря, агата, горного хрусталя и стекловидной массы. В некоторых погребениях встречались глиняные сосуды соломенного цвета из хорошо отмученной глины.

Богатые погребения могильника I вызывают особый интерес. В этих, тоже грунтовых погребениях, были найдены комплексы армазского типа.

В погребении № 1, на глубине 1,1 м обнаружено парное захоронение женщины с ребенком. У костяка женщины найдены: два кувшинчика соломенного обжига, два стеклянных сосуда, пара золотых серег, золотой и серебряный перстни, небольшой золотой слиток и многочисленные бусы, в основном сердоликовые. У костяка ребенка: серебряная чаша под головой, три серебряных перстня с геммами, римская серебряная монета, бусы, среди которых несколько янтарных.

В погребении № 5, на глубине 1,5 м обнаружен скелет мужчины вытянутый на спине со скрещенными руками, головой на запад. В обоих концах погребения обнаружены две пары серебряных ножек погребального ложа (табл. XV₁), серебряная чаша под головой с ар-

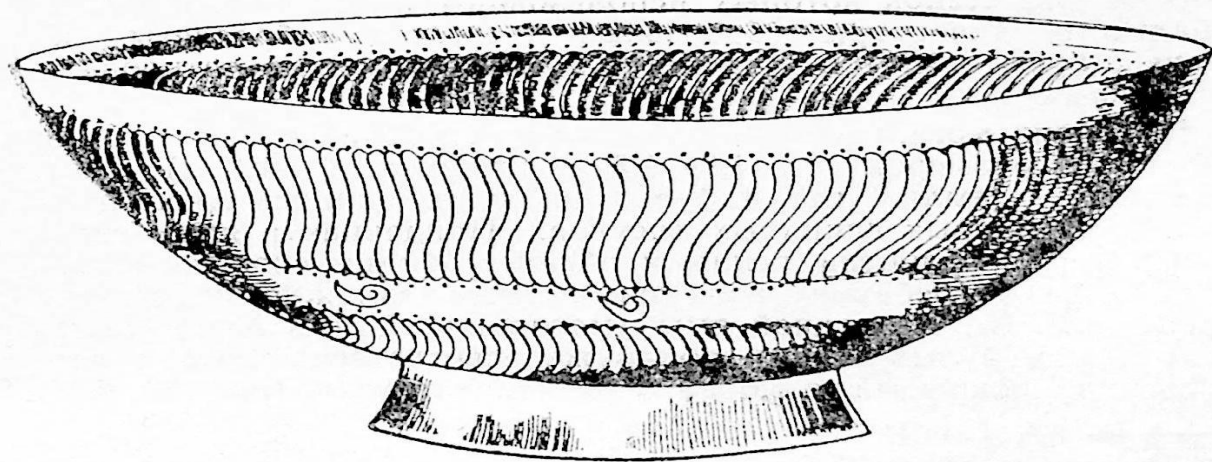

Рис. 1. Ахали Жинвали. Могильник I. Погребение № 5. Серебряная чаша с армазской надписью.

мазской надписью (рис. 1), три серебряных перстня (два с геммами), пара золотых серег, одна золотая и четыре серебряных монеты, серебряные пряжки (табл. XIV₁), пять стеклянных сосудов, глиняный кувшин с двумя ручками, многочисленные бусы. В восточной части погреб-

бения обнаружены остатки конского захоронения без инвентаря. Богатые погребения, особенно № 5 с конем, находят близкие аналогии с погребениями Армазисхеви, Эрцо, Згудери, Клдееи, Бори, Уреки и др. Среди погребальных комплексов особый интерес вызывают серебряные ножки и чаша из пятого погребения. Изучение этой группы памятников позднеантичной торевтики, обнаруженных в Ахали Жинвали, представляет значительный научный интерес. Вполне возможно, что образцы художественного серебра и особенно серебряные ножки из Ахали Жинвали изготовлены михетскими мастерами.

По примеру Армазисхеви, Клдееи, Згудери и др. богатые погребальные комплексы из Ахали Жинвали принадлежат представителям местной аристократии — ранга питнахшов-эриставов.

Сравнительное изучение комплексов данного могильника в целом, и особенно богатых погребений позволяет датировать их III и началом IV в. н. э.⁸

Могильник II выявлен в западной части Ахали Жинвали на склоне прилегающей горы при рытье котлованов больничного комплекса. Всего на втором могильнике обнаружено 55 погребений, из них 16 — позднеармазского периода, а 39 — раннехристианского.

Погребение позднеармазского периода, за исключением одного, индивидуальные, поза — скорченная. В погребениях предхристианского периода констатируется сравнительно свободная поза покойников. Погребальный инвентарь беден и в основном представлен глиняными сосудами разных форм и бусами. Он близко сходен с рядовыми погребальными комплексами первого могильника как по инвентарю, так и по возрасту (III в. — первая половина IV в. н. э.).

Среди погребений раннехристианского периода выделяются две группы. В первую сравнительно большую группу (25 погребений) входят грунтовые ямы с каменными перекрытиями, которые по обряду захоронения и инвентарю, кажутся ранними и датируются IV—V вв. Во вторую группу входят 14 каменнаящичных коллективных погребений для стенок которых использованы песчаные плиты. По погребальному инвентарю (бронзовые и железные браслеты, кольца, булавки, бусы и др.) и устройству могил их можно датировать VI—VIII веками.

На обоих могильниках обнаружены многочисленные ямы довольно больших размеров (дм. 1,2—1,5 м, глубина 1,1—1,8 м), в которых кроме золы, земли, угля и булыжников, находились многочисленные обломки различных глиняных сосудов. Найденная в ямах керамика по характеру обработки глины и общему облику схожа с глиняными сосудами из погребения, хотя сами ямы возможно предшествовали погребениям. На дне одной ямы (могильник I, яма № 2) на глубине 1,15 м между булыжниками обнаружен светлочерепковый, толстостенный сосудик, покрытый голубовато-зеленой глазурью (рис. 2, инв. № 292).

⁸ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета. Тб., 1955, стр. 70—82; А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета. I. Археологические памятники Армазисхеви. Тб., 1958, стр. 25—151. Г. Немсадзе. Итоги работ Згудерской археологической экспедиции в 1964—66 гг. В сб.: Археологические экспедиции гос. музея Грузии. Тб., 1969, стр. 45—56; К. Г. Мацабели. Несколько памятников сасанидской торевтики в Грузии. «Мацне», серия истории... 1972, № 3, с. 48—72.

высота 7,5 см), напоминающий глазурованный сосудик из Армазисхеви из погребения №9⁹.

В Ахали Жинвали особый интерес представляет довольно обширное поселение с двумя строительными горизонтами. В верхнем, находящемся близко от поверхности земли, сохранились остатки булыжных

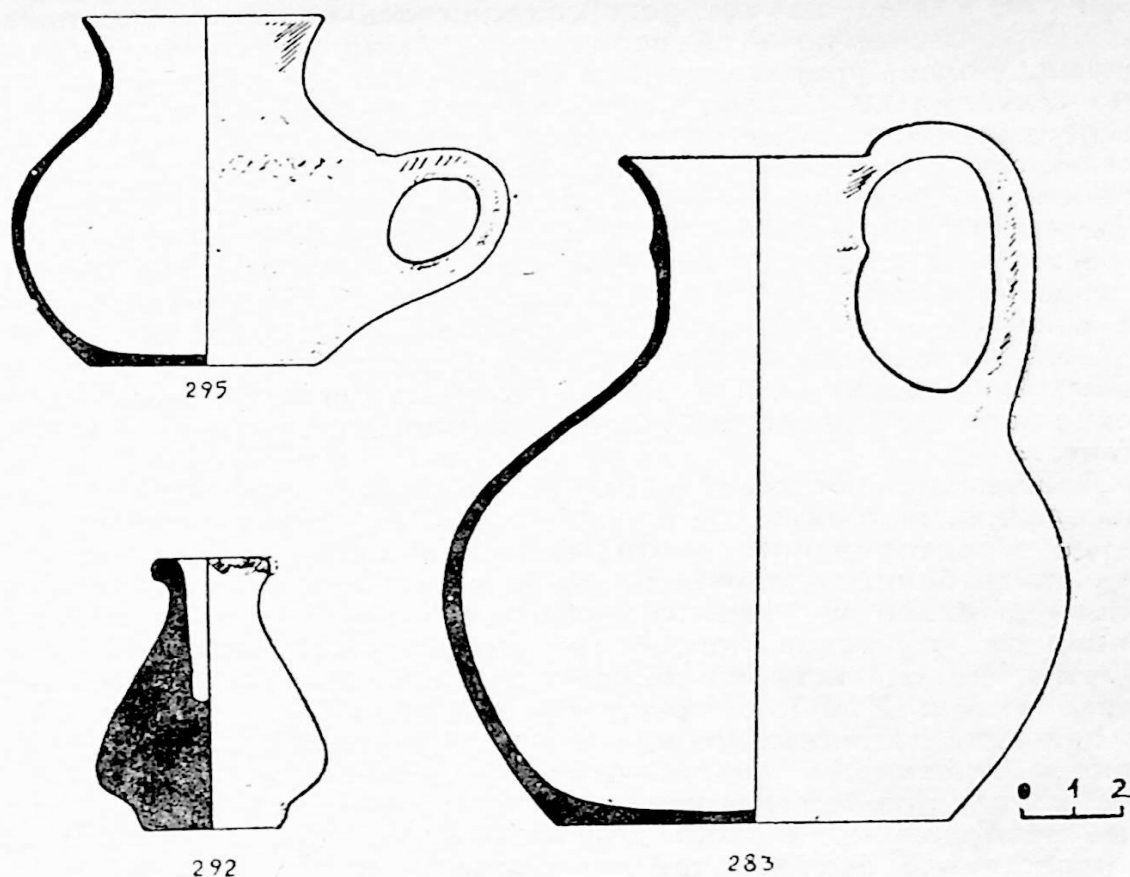

Рис. 2. Ахали Жинвали. Могильник I. Глиняные сосуды.

стен с фрагментами отдельных помещений. По обломкам разнообразной керамики и черепицы, из хорошо отмученной глины, верхний строительный уровень датируется позднеармазским периодом и, возможно, началом раннехристианского. Нижний горизонт, состоящий из сплошных развалин булыжных стен, находится на глубине одного метра и отделен от верхнего — слоем земли толщиной 0,5—0,7 м. В виду плохой сохранности, характер этого строительного уровня не совсем ясен, но по стратиграфическим данным и по инвентарю (особенно по плоской и желобчатой черепице) очевидно, что он непосредственно предшествует позднеармазскому периоду.

Из памятников армазского (позднеантичного) периода немало-важные открытия были осуществлены и в с. Арагвиспир и в с. Жинвали.

⁹ Мцхета, I, стр. 101, таб. XI.

В с. Арагвиспири с 1973 года ведутся интенсивные изыскания на территории совхозного виноградника, где при прокладке подземных коммуникаций были обнаружены уцелевшие от плантажа поселение и могильник.

На поселении¹⁰ четко выделяются два строительных слоя. Строительный материал верхнего уровня представлен хорошо подобранным булыжником, кладка из которого сохранилась на уровне фундамента (табл. XIX₁). Стены по всей вероятности были возведены сырцовыми кирпичами. Более фрагментарно дошел до нас нижний строительный уровень (глубина 0,8—1,2 м). Для обоих строительных слоев характерны обломки глиняной посуды из хорошо отмученной глины, кухонная керамика, плоская и желобчатая черепица и т. д. Черепица обнаруженная в нижнем слое более крупных размеров, выведена на гончарном круге и покрыта красным ангобом. Верхний строительный горизонт по строительной технике, а также по археологическому материалу очень схож с поселением Ахали Жинвали, что дает возможность датировать его III-началом IV вв. н. э. Что касается нижнего слоя, хронологически не очень глубоко уходящего вниз, то он требует дополнительных исследований. По подъемному материалу Арагвиспирское поселение занимало довольно обширную площадь, но было уничтожено плантажом.

В Арагвиспири большой интерес вызывает могильник синхронный поселению, находящийся в юго-восточной части поселения (и частично на территории поселения). Всего выявлено 46 погребений. Одна часть погребений обнаружена на глубине 0,6—0,8 м, другая часть расположена более глубоко — 1—1,5 м.

Типичное грунтовое погребение представляет собой яму овальной формы, на дне которой лежат один или два костяка в скорченной позе (табл. XIV₂). Для инвентаря рядовых погребений характерны один-два глиняных сосуда и украшения (бусы, бронзовые или серебряные перстни).

На могильнике обнаружена также группа богатых погребений, которые расположены близко друг к другу. В двух погребениях зафиксировано захоронение на спине, в вытянутой позе, головой на запад.

По данным Эрцо и Ахали Жинвали в погребениях знатных мужчин видимо уже в предхристианский период принят христианский обряд захоронения. Из богатых погребений следует отметить грунтовое женское погребение № 9. В нем костяк находился на левом боку, в скорченной позе, головой на запад. У изголовья покойника обнаружено два изящных глиняных кувшина соломенного цвета (табл. XVI₃). Кроме того, в погребении обнаружены два золотых перстня (один из них инкрустированный плоскими алмандиновыми пластинами), золотой медальон, инкрустированный такими же каменными

¹⁰ Р. М. Рамишвили, В. А. Джорбенадзе, Л. Г. Цитлаиладзе, З. Д. Церетели, З. А. Каландадзе, Г. М. Рчеулишвили, М. Г. Маргвелашвили, В. В. Чихладзе, И. Д. Циклаури, В. О. Асланишвили, И. У. Бакрадзе, Г. Г. Гамбашидзе. Жинвальская экспедиция. В кн.: Полевые археологические исследования в 1973 г. Тб., 1974, стр. 55—56.; И. У. Бакрадзе. Арагвиспирское поселение. В сб.: Жинвальская экспедиция (Краткие отчеты первой научной сессии), Тб., 1975, стр. 102—104. (Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

пластинами (табл. XIV_{3,4}), золотые нашивные бляшки, золотые серьги и т. д.

Погребение № 10 было расположено на северо-востоке раскопа. В нем был захоронен более молодой человек. Он лежал в вытянутой позе, головой на запад. Правая нога ниже колена, видимо еще при жизни была отсечена. В погребении обнаружены: позолоченная серебряная чаша с изображением орла (табл. XVII₂), пара золотых серег с гранатовыми вставками, золотые и серебряные перстни, стеклянный сосуд, раковина, и другие вещи.

В погребении № 13 костяк лежал в вытянутой позе, головой на запад. Под голову была подложена серебряная чаша, на дне которой изображен конь стоящий перед жертвенником (табл. XVII₁). Обнаружены также: два серебряных кувшина с рельефными изображениями сцен охоты (табл. XVIII), миниатюрное серебряное блюдо, золотой браслет (табл. XV₂), три золотых перстня (табл. XV₂) (два из них с геммами), золотое ожерелье с плетеной цепочкой (табл. XVI₁) и инкрустированным круглым медальоном (в центре перегородчатой эмалью изображена розетка), золотые пуговицы, золотая инкрустированная бляха (табл. XV₂), три золотых ауреуса (табл. XVI₂), серебряные монеты (8), стеклянные сосуды и т. д.

Могильник находит близкие аналогии с погребальными комплексами из Армазисхеви, которые в основном датируются концом III и началом IV в.

При анализе добытого материала в первую очередь следует отметить стилистическое единство и идентичность украшений из богатых погребений Арагвиспири с аналогичными памятниками Армазисхеви и особенно Уреки.

В Квемо-Араниси (Р. Рамишвили) экспедиция обнаружила остатки поселения и могильника позднеармазской эпохи, которые сильно пострадали во время проводки водопроводной трассы.

Несколько погребений позднеармазской эпохи обнаружены также в с. Жинвали у истока водоотводного тоннеля (XIV участок, М. М. Рчеулишвили) и в самом селении (XXV участок, В. В. Чихладзе, В. В. Николаишвили), где на правом берегу р. Арагви был выявлен многоярусный могильник. По предварительному предположению могильник распространяется примерно на 1 гектаре.

На XXV участке было раскопано 80 м² площади. Обнаружено 25 погребений разных периодов (позднеантичный и раннефеодальный). Из них 7 без инвентаря. В большинстве случаев погребения стратиграфически расположены друг над другом в одной вертикали. Отмеченное обстоятельство способствует установлению относительной хронологии.

На жинвальском могильнике были выявлены погребения четырех типов: грунтовые погребения, каменные ящики, грунтовые погребения с перекрытием из каменных плит и грунтовые погребения с каменными каймами (кругами). На могильнике встречаются как индивидуальные, так и коллективные захоронения. В некоторых погребениях засвидетельствовано сосуществование языческого (на боку, в скорченной позе) и христианского (на спине, в вытянутой позе) обряда захоронения.

Инвентарь жинвальского могильника в основном состоит из украшений и предметов связанных с одеждой. Обнаружены также керамика и оружие. В одном погребении обнаружена серебряная монета (Готарз).

В погребении позднеантичного времени (№ 18) выявлен именной перстень с резным сердоликом-интальей овальной формы. На поверхности камня вместе с характерным сюжетом из круга Диониса вырезана греческая надпись «Бакур...»

Следует отметить бронзовый перстень с щинком (погребение № 23), на котором изображено капище (жертвенник) с огнем и крест с равными рукавами.

Погребения жинвальского могильника делятся на две хронологические группы. Погребения первой группы датируются II—III вв., а второй — IV—VIII вв. нашей эры.

Памятники раннефеодальной эпохи раскапывались в нескольких местах. В частности у с. Магаро, около святилища «Копала» начаты исследования могильника и полуразрушенной церкви (XXVI участок, Г. М. Рчеулишвили). На могильнике раскопано 20 рядовых и каменных погребений и один большой склеп. Погребения сложены из тонких и низких плит. Обряд захоронения явно христианский, лишь в трех случаях была фиксирована поза покойника с слегка согнутыми ногами. Большинство погребений коллективные.

Особого внимания заслуживает склеп, сложенный из рванного камня на извести. Он в плане удлиненный прямоугольник и имеет плоское перекрытие. Несмотря на ограбление в нем были найдены украшения, указывающие синхронность склепа с каменными ящиками. По инвентарю (перстни с геммами, стеклянные кольца, бусы, серьги и др.) могильник можно датировать VIII—IX вв. н. э.

Большой интерес вызывают развалины церкви зального типа (табл. XIX₂) раскопки которой пока еще не закончены. Открытие ее на территории исторической Пшавы следует считать фактом весьма примечательным. Археологические наблюдения и художественно-стилистический анализ памятника, думается, позволяет считать ее одновременно с могильником. Неподалеко от церкви сохранились остатки довольно солидного крепостного сооружения с башней.

Все это вместе взятое, а именно: крепость, церковь, погребения с комплексами, характерными для крупных могильников низменной части Грузии, а также большой склеп, социальная принадлежность которого не подлежит сомнению, думается, ярко свидетельствует о крупных сдвигах экономического и социально-политического порядка, имевшее место в глубине ущелья Пшавской Арагви еще в эпоху раннего средневековья.

Могильники раннефеодального периода изучаются также в сс. Хахмати, Жинвали, Ахали Жинвали (могильник II) и др.

Основные усилия экспедиции были направлены на изучение памятников эпохи Руставели. Главным объектом, естественно, является городище подлежащее затоплению. На Жинвальском городище раскопки велись на 12-и участках, в основном в средней зоне местности «Накалакари». Накалакари является одним из основных частей древнего Жинвали и занимает обширную территорию от Хевсуретского моста до ущелья Лалаури. В свое время интенсивнее всего была заселена средняя ее часть у подножия «Крепости Тамари», где и были завернуты работы. На X, XVII, XXIII участках (М. Г. Маргвелашвили) раскопаны довольно большие кварталы городища, где на склоне, прилегающей горы от берега р. Арагви до церкви Джварипатиосани, жилые комплексы расположены террасообразно: (табл. XX₁). Пока выявлено 7 террас. Из них вторая терраса была разрушена при строительстве Хевсуретской дороги еще в 30-ых годах. Помещения вы-

строены на подравненном грунте без фундамента. Для строительного материала использованы скальные камни, которые в фундаментальных опорных стенах уложены на извести, а в перегородках на глиняном растворе. Террасообразно расположенные помещения, по всей вероятности имели плоские перекрытия, где кровля помещения нижней террасы служила двором и средством коммуникаций для последующей террасы. Полы в комнатах в основном грунтовые, но в некоторых помещениях частично вымощены из плоских камней. Для укрепления стен сохранились следы деревянных стоек, которые выполняли роль дополнительных опор для плоского перекрытия. Обязательной принадлежностью жилых комплексов и помещений являются очаги, устроенные квадратными кирпичами и плоскими камнями, печи для выпечки хлеба («тоне»), большие продовольственные ямы бочкообразной формы. Стены ям выстроены из скального камня на известковом растворе. В отдельных комплексах встречаются винохранилища («марани») с несколькими кверри.

Раскопанный материал в основном представлен в виде керамических, железных, бронзовых, стеклянных и каменных изделий. Поливные чаши и сосуды, обломки глиняных сосудов соломенного обжига, фаянс, неполивная и кухонная керамика, стеклянные браслеты и монеты дают возможность основной материал и само городище датировать XII—XIV вв.

На территории «Накалакари» раскапываются также: остатки огромного сооружения, по всей вероятности караван-сарая (XV участок, В. В. Чихладзе), часть стены южной ограды (табл. XX₃) «Накалакари» с воротами (XXVIII участок, М. М. Рчеулишвили) и комплекс Квирацховели (XIV участок М. М. Рчеулишвили) с могильником позднеармазского и раннесредневекового периодов.

На Жинвальской крепости (IV участок, З. А. Каландадзе, Г. А. Джавахишвили) проведены большие работы по выявлению большого винохранилища «марани» на первой террасе внутреннего двора и большой башни, где под развалинами и гумусом выявлен трехметровый культурный слой, обильно содержащий разнообразные обломки поливной и неполивной керамики, фаянсовой посуды, стекла, строительной керамики. В южной части подвального этажа башни обнаружены большие винные сосуды. Суммарный анализ материала обнаруженного в башне, дает возможность датировать ее концом среднефеодалного и переходным периодом к позднефеодалному времени. Сама башня возможно более раннего происхождения.

На Хертвисской крепости (VII участок, Г. М. Рчеулишвили), полностью завершены раскопки архитектурного комплекса с остатками ограды. Внутри ограды, кроме пятиэтажной башни, обнаружены хозяйственные помещения пристроенные к башне, винодавильни, большой марани с винными сосудами (около 50-ти), продовольственная яма и довольно большая церковь зального типа с пристройкой. В Хертвисском комплексе прослеживаются два строительных периода. Предварительный анализ найденного материала (поливная керамика, посуда светлого обжига, фаянсовая чаша, кухонная керамика, монеты) даст возможность представить интенсивным периодом жизни Хертвисской крепости XII—XIV вв.

С большим размахом изучается самый крупный средневековый могильник городища на территории «Накалакари» (III участок, В. А. Джорбенадзе, Д. К. Циклаури) расположенный у слияния двух Арагви, ниже Хевсуретской дороги, на покатой к Пшавской Арагви полян-

ке. Раскопки велись в двух местах могильника. Вокруг первой церкви изучено 246 погребений (рис. 3) расположенных плотно, в некоторых случаях в два и три яруса. Около второй церкви раскопано 118 погребений, расположенных сравнительно реже и один большой подземный склеп. Вторая церковь была огорожена круглой оградой под фундамент которой попали ранее существовавшие здесь некоторые погребения.

На христианском могильнике «Накалакари» выделяются следующие типы погребений: 1. Каменная щитовая и коллективные погребения, продольные стены которых состоят из одного или нескольких плитняков, а поперечные — из одного камня. Плоское перекрытие состоит из скальных плитняков.

2. Грунтовые погребения с христианским обрядом захоронения (сравнительно небольшая группа).

3. Многочисленные коллективные, погребения с возведенными стенами. Погребения перекрыты приставленными друг к другу плитняками. Захоронение в этих погребениях происходило с западной стороны, где приподнимался камень перекрытия.

4. Семейные сводчатые склепы стены которых возведены из плоских и квадратных камней разных размеров (7—10 рядов). В западной части перекрытия находилось отверстие для проникновения в склеп. Склепы этого типа в плане овальной формы. Число покойников колеблется от 10 до 30.

5. Подземный, сводчатый склеп, обнаруженный и ограбленный в 30-ых годах нашего столетия при строительстве хевсуретской дороги. Сооружение в плане удлиненной четырехугольной формы. С юга-западной стороны дромос-лестница с шестью ступеньками. Внутри склепа, вдоль трех стен, устроена тахта, в середине которой находится четырехугольная камера, глубиной 0,9 м для захоронений, где зафиксировано до 60-ти перемешанных скелетов. Среди костей найдены стеклянные, бронзовые и серебряные украшения и монеты, в том числе царя Руси. Монеты обнаруженные на дне погребальной камеры, наряду с другими находками дают возможность датировать сооружение склепа в первой половине XIII столетия.

Погребальный инвентарь могильника «Накалакари» (глиняные сосуды соломенного обжига, обломки стеклянных сосудов, бронзовые, железные и стеклянные браслеты, кольца, серьги, височные кольца, сферические пуговицы, золотые серьги, золотая вислая печать с бирюзовой вставкой с тремя древнегрузинскими буквами, монеты и др.) дает возможность датировать его XI—XIV вв.

К югу от первой церкви выявлены стены большого архитектурного сооружения предшествующему могильнику.

Тотальное изучение данного могильника (как уникальный случай в нашей практике) в дальнейшем даст возможность вместе с материалами из городища воспроизвести более или менее полную картину истории средневекового Жинвали, а также поставить на прочную основу изучение средневековых могильников Грузии вообще.

Весьма интересные результаты получены при раскопках на XII и XIII участках (Ц. Ш. Ломидзе). На XII участке, около нынешнего Жинвальского моста расчищена каменная опора древнего моста и выявлены остатки четырехугольной башни.

Что касается XIII-го участка, расположенного в сторону Цобени, у входа в Арагвское ущелье, на левом берегу реки, расчищена мощная стена с башенными воротами, переграждающая доступ в ущелье.

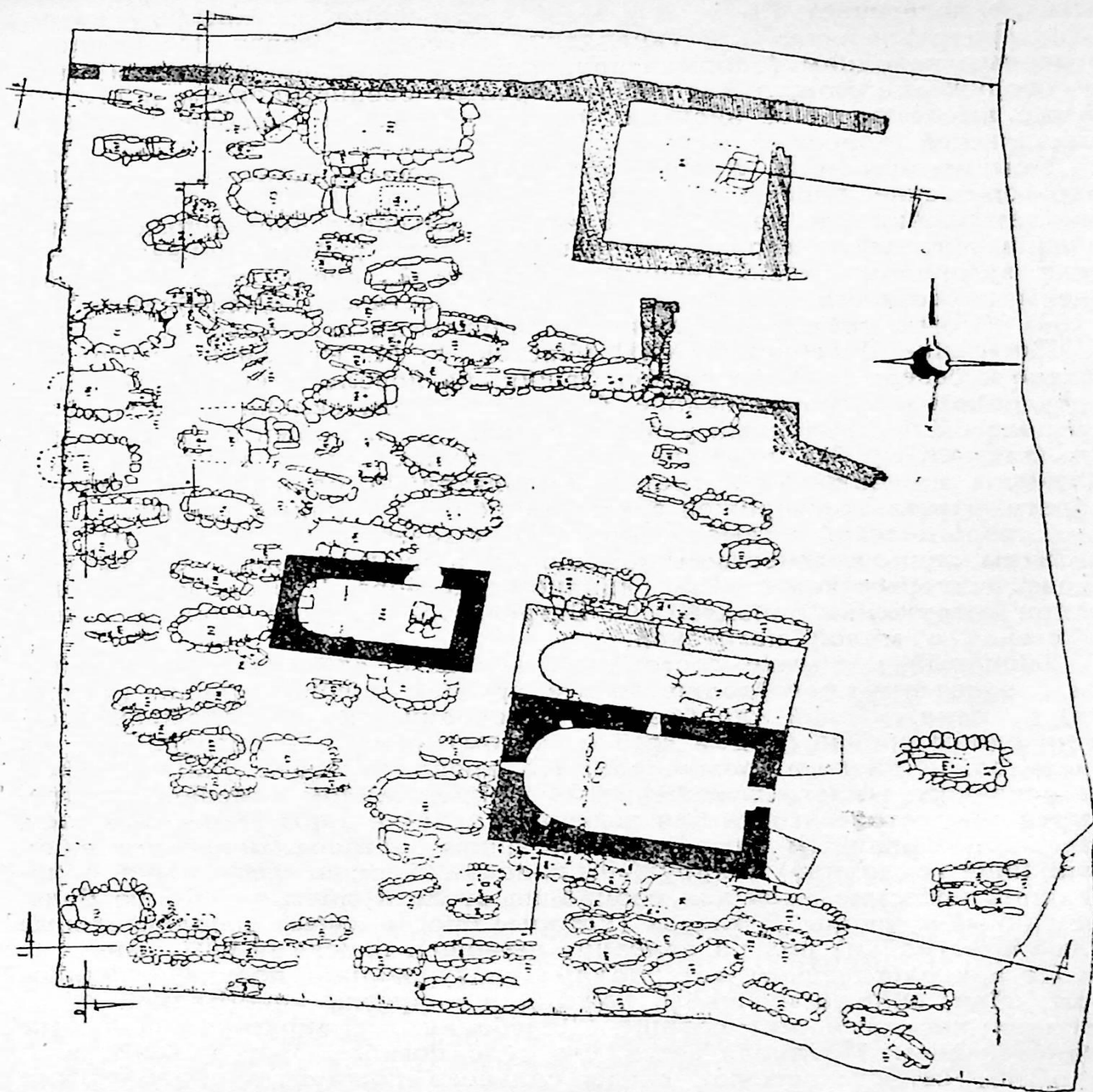

Рис. 3. Жинвали. Могильник «Накалакари». План 1 участка.

и в город. Она была возведена из специально подобранных камней на прочном известковом растворе. Стена западным концом нависала на скальный обрыв реки Арагви, другой же ее конец направлялся в сторону труднодоступной Мгвимевской горы. В нижней части башнеобразного сооружения были устроены ворота. Ширина ее проходной части не превышает 1,6 м. В южной части ворот, на крыльце сохранился продольный паз для укрепления спускных дверей. По немногочисленным находкам (обломки поливной и неполивной керамики) данное сооружение можно датировать зрелым средневековьем и его открытие имеет большое значение для определения основной трасы Жинвальской дороги с юга.

Помимо изучения собственно исторической Жинвали, крупные археологические работы ведутся в окрестностях города, особенно в зоне затопления, где находился один из сельскохозяйственных микрорайонов, питающих город. Разведывательные работы показали, что среди загородных хозяйственных предместий, очень густо были заселены окрестности Хертвисси, особенно местность «Девебиани», где в 1971 г. был найден довольно большой клад монгольских монет.

Поселение Девебиани (XXII участок, Г. М. Рчеулишвили) расположено к северу от Хертвисской башни, на довольно крутом лесистом и неудобном для жизни склоне. Селище на этом склоне тянется длинной полосой. Раскопанный участок селища расположен на двух террасах (табл. XX₂). Из них два изолированных жилых комплекса расположены на нижней, а третий, сравнительно большой, на верхней террасе. Комплекс огорожен сухой кладкой из крупных камней.

Типологически жилые комплексы «Девебиани» одинаковы, они различны лишь количеством помещений и их размерами. Стены возведены скальным камнем на глиняном растворе. Известь использована при сооружении винодавилен. Встречается и сухая кладка, только на стенах с малой нагрузкой.

Типичный комплекс состоит из зального «дарбазного» помещения (по объему превосходящего все другие), винохранилища («марани») и хлева. Жилой «дарбази» и винохранилище расположены всегда на одном уровне (рядом друг с другом), а хлев — впереди них, на сравнительно низком уровне, так, что кровля хлева служила двором для основного жилого помещения. В каждом жилом помещении встречаются очаг, «тоне» (печь для выпечки хлеба) и нары вдоль трех стен, возведенные рваным камнем на глиняном растворе. В каждом винохранилище («марани») обнаружены винодавильни, со специальной облицованной известью ямой для собирания сусла и врытые в землю большие винные кувшины. В хлевах (которые иногда имеют дополнительные малые пристройки) пол на половину вымощен плоскими камнями.

По археологическим материалам (глазурованная посуда, кувшины, маслостойка, винные кувшины, ножи для подрезки виноградной лозы, кухонная посуда и др.) селище «Девебиани» датируется развитым средневековьем. Предполагается, что село погибло от вторжения врага, о чем свидетельствуют следы сильного пожара, в результате чего завалены почти все помещения.

По материалам поселения «Девебиани» в окрестностях Жинвали ведущими отраслями хозяйства являлись виноградарство и скотоводство.

О ведущей роли виноградарства и виноделия в сельском хозяйстве края наглядно указывают и другие материалы. За прошедшие годы в разных уголках Арагвского ущелья в зоне Жинвальского гид-

роузла обнаружено свыше 30-ти давлений и множество одичалых форм виноградной лозы (Рев. М. Рамишвили), которые стационарно изучаются в ампелографической лаборатории при Грузинском сельскохозяйственном институте.

Значительная работа проделана экспедицией за прошедшие годы и в других пунктах Арагвского ущелья и исторической Пхови (Цихисдзирская крепость, Бебрисхихе, Питави, Авениси, Душетисхиви, Анатори и др.), где собраны богатые материалы феодальной эпохи. Среди этих памятников особенно выделяется Анаторское поселение с остатками крепостного сооружения, церкви раннефеодального облика и с крупным могильником, где рядом с обычными фамильными подземными склепами «жинвальского» типа встречаются полуподземные сводчатые и лжесводчатые склепы. По найденным в разрушенных склепах материалам вновь открытые склепы явно предшествуют известным анаторским большим склепам и их предвортельно датируем зрелым средневековьем.

Большую, трудоемкую работу выполнили разведывательные отряды экспедиции (Р. М. Рамишвили, В. А. Джорбенадзе, Дж. Г. Гвасалиа, Г. М. Рчеулишвили, И. Д. Циклаури, К. Б. Церетели, Г. К. Баканидзе). Исследовано множество ущелий, малых притоков реки Арагви (Хорхское, Саканапское, Шарахевское, Чаргальское и др. ущелья), где зафиксированы десятки неизвестных до сих пор памятников материальной культуры (крепости, церкви, селища, могильники и др.). Неоднократно пройдены разведкой древние дороги, связывающие между собой культурные провинции Тианети и Саарагво. Собраны большой этнографический материал, а также данные к археологической карте Арагвского ущелья. Особое внимание уделялось новым, строящимся дорожным магистралям, где в связи земляными работами оказались под угрозой уничтожения множество селищ, могильников и других памятников.

В поле зрения разведгруппы оказалась система предупреждающих сигнальных башен (И. Д. Циклаури), сетью которых покрыто все Арагвское ущелье со всеми своими притоками. Требуется специального изучения группа весьма оригинальных памятников (Магацали, Кучеча, Хмала, Ахуннацвери и др.), размещенных по вершинам альпийской зоны, природа которых подобно абхазским Ацангуарам, не совсем пока ясна.

Архитекторы (М. С. Вачнадзе, Н. И. Бакашвили, Т. Н. Кипаронидзе) вместе с разведывательной группой провели большую работу по обмерам, фиксации и паспортизации памятников Арагвского ущелья.

За прошедшие годы был добыт также довольно богатый краниологический материал (В. О. Асланишвили). Из собранных на разновременных могильниках 554 человеческих черепов для краниологических измерений пригодны 126 единиц.

О большой, трудоемкой работе, проделанной полевой фотолабораторией (рук. В. А. Астахов), свидетельствуют 6000 с лишним фотонегативов, находящихся в распоряжении экспедиции. Систематический ведется кинофиксация (Р. М. Рамишвили) полевых работ и памятников в зоне затопления.

Коллектив Жинвальской археологической экспедиции, среди сотрудников которой подавляющее большинство приглашенные специалисты (на правах временной штатной единицы), ведет почти круглогодичную трудоемкую полевую работу, но несмотря на максимальные

усилия пока что на территории будущего водохранилища изучена только четвертая часть обнаруженных памятников.

Помимо практической деятельности, т. е. выявления и фиксации археологических памятников, расположенных в зоне строительства, экспедиции пришлось заняться некоторыми проблемами, среди которых выделяются вопросы взаимоотношения населения горных и низменных районов Восточной Грузии и культурных взаимоотношений с народами Северного Кавказа.

Жинвали, возникший в предгорье Кавказского хребта, у стыка горных и низменных районов, как значительный экономический и стратегический пункт, контролирующий большие дороги идущие на Север (через Казбеги и Шатили), дает значительный и многогранный материал для уяснения этих важных вопросов.

Г. Г. ПХАКАДЗЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В с. КОДА НА ТЕРРИТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПТИЦЕФЕРМЫ

(таблицы XXI—XXII)

В 1970 г. в Квемо (нижней) Картли в с. Коды Марнеульского района во время строительных работ птицефермы было разрушено несколько могил эпохи раннего металла. Министерство сельского хозяйства ГССР, которое финансировало строительство, во время выделило определенную сумму для археологических работ. На место находок была командирована археологическая экспедиция института истории, археологии и этнографии им. акад. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР.

Работы велись на нескольких участках; в результате раскопок были выявлены поселение и два могильника куро-аракской культуры.

Поселение было расположено непосредственно на территории строительства и выделялось в виде зольных ям, насыщенных культурными остатками: фрагментами керамики, глиняной обмазки, обсидиановыми отщепами, каменными орудиями и обломками зернотерок.

Эти зольные ямы являются помещениями полуземлянками. Полуземлянки представляют собой вырытые в глинистом грунте круглые ямы диаметром от 2,30 до 4 м (табл. XXI₁). Они расположены недалеко друг от друга, а два из них (№ 2 и № 3) имеют общую стену. В некоторых жилищах удалось выделить несколько уровней глинобитных полов. В каждом жилище был очаг, представленный пережженной землей и золой.

В жилище № 5, около остатков очага, лежали два раздавленных сосуда: большой горшок и толстостенный пифос. К каждому помещению примыкала яма хозяйственного назначения, глубина которой превышала глубину уровня полуземлянки.

Особый интерес вызывает полуземлянка № 2, в юго-восточной стене которой было расчищено нишеобразное углубление. В нише обнаружен череп ребенка. Вокруг ниши и по краю землянки были круглые ямочки (диаметром 5 см глубиной 8 см). Несомненно, это — углубления в которые вставлялись деревянные шесты верхней плетеной части полуземлянки. Очевидно, плетенка с обеих сторон была обмазана глиной; куски глиняной обмазки со следами плетенки были найдены во всех жилищах в большом количестве.

Было раскопано 5 полуземлянок. На этой же территории были обнаружены следы еще нескольких помещений, к сожалению уже разрушенных строителями. Землянки и полуземлянки являются в это время, очевидно, довольно распространенным типом поселения.

Они известны из Арухло¹, Цопи, Хизанаант гора², Мингечаури³, Баба-Дервиш⁴.

На этом же участке была раскопана хозяйственная яма округлой формы (д. 1,70). Яма выделялась из грунта своим цветом и была заполнена золой, углями, кусками глиняной обмазки и другими культурными остатками. На поверхности ямы лежали камни.

В яме удалось выделить 3 разных уровня. I уровень был зафиксирован на глубине 1,3 м. Он состоял из толстого слоя пережженной глиняной обмазки и почерневших от огня камней.

В стенку ямы горизонтально были вставлены несколько крупных кирпичей, как-будто в определенном порядке. Обмазка, камни, кирпичи носили след сильного огня. Здесь же были обнаружены куски угля в большом количестве (табл. XXI₂). На II уровне (1,80 м) была такая же картина; III уровень совпадает со дном ямы (глубина — 2,2 м). Оно было покрыто толстым слоем обожженной глиняной обмазки. По всей площади были разбросаны почерневшие от огня сланцевые плиты, куски угля, керамического шлака и пережженного кирпича. Встречались обломки очажных выступов, обсидиановые отщепы, фрагменты красной керамики; найден целый маленький сосудик-солонка.

Характер заполнения ямы (пережженная обмазка, почерневшие камни, керамический шлак и др.) дает нам возможность предположить существование здесь, в свое время, очажной ямы.

Полуземлянки и хозяйственная яма заполнена землей, золой, фрагментами керамики, обсидиановыми и кремневыми изделиями. Среди них выделяются ретушированные пластинки, скребки и скребла, кремневые вкладыши для серпов (2 шт.) (табл. XII₂), треугольные черенковые наконечники стрел (3 шт.) (табл. XII₁), песты, терочники, точильники, фрагменты зернотерок и др. Обнаруженные в помещениях в большом количестве обсидиановые и кремневые отщепы и заготовки указывают, что изготовление этих орудий происходило на месте.

Наряду с поселением на той же территории раскопывался и могильник. На могильнике представлены два типа могил: грунтовые погребения под каменной насыпью (8) и каменные ящики (табл. XI₃).

Грунтовые погребения (1,25 м × 0,75 м) представляют собой овальные или четырехугольные неглубокие ямы, над которыми сделана каменная насыпь. Грунтовые погребения индивидуальные, покойник лежит на боку в скорченном положении с головой на запад. Инвентарь состоит из одного сосуда.

Каменные ящики очень распространенный тип погребения. Они представляют собой четырехугольные ямы, стены которых выложены и перекрыты каменными плитами разных размеров. В одном случае и пол был выстлан каменными плитами. Размеры каменных ящиков

¹ Т. Н. Чубинишвили, Г. Г. Пхакадзе, Л. Д. Неберидзе, Г. И. Мирцхулава. Отчет Квемо Картлийской археологической экспедиции. Тб., 1975.

² Я. А. Киквидзе, Раннебронзовое поселение Хизанаантгора (на груз. яз.). Тб., 1972, стр. 46, XIV.

³ Г. Асланов, Р. Вандов, Г. Ионс. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 56.

⁴ И. Нариманов, Г. Исмаилов. Акстафчайское поселение близ г. Казах. С. А. 1962, № 4.

превышают размеры грунтовых погребений (1,90×1,30 м; 1,70×1,40 м. и т. д.), они коллективные. В результате последующих захоронений, часть костяков отодвинута к стенам и лишь последний покойник лежит на боку в типичной скорченной позе.

Инвентарь состоит из нескольких сосудов, разбросанных в разных частях могилы.

Очень схожими по конструкции являются каменные склепы, раскопанные в западной части деревни.

Было раскопано 5 склепов. Они построены более тщательно из поставленных на ребро каменных плит, почти одинаковых размеров, плотно пригнанных друг к другу, свободные места заполнены более мелкими камнями. Пол обычно вымощен плитами. Погребения перекрыты двумя или тремя массивными плитами, ориентированы с запада на восток. Их длина от 1,60 до 2,30 м, ширина от 0,6 до 1,4 м, глубина от 0,7 до 1,3 м. Погребения коллективные, семейные, обряд захоронения тождественен захоронениям в каменных ящиках.

Немного различным является склеп № 1 (табл. XXII₆). Яма строго прямоугольной формы, стены разной высоты, задняя стена самая высокая и состоит из двух поставленных друг на друга четырехугольных плит, боковые стены ниже, самая низкая передняя часть, которая вероятно и служила входом. Перекрытие не сохранилось. Обряд захоронения такой же, как захоронение в каменных ящиках. Погребальный инвентарь представлен керамикой от 7 до 17 сосудов.

Абсолютная однородность инвентаря указывает на синхронность всех вышеописанных типов могил. Грунтовые погребения, каменные ящики и склепы по конструкции, обряду захоронения и инвентарю имеют близкие аналогии в синхронных могильниках Квемо Картли: Кижети, Тамариси⁵, Самшвилде⁶, Гомарети, Тетрицкаро⁷, Бормакси⁸ и др.

Основная часть находок в с. Коды представлена керамикой. Абсолютная идентичность материала из поселения и могильников дает нам право рассматривать их вместе.

Керамика Коды леплена от руки из глины с примесью песка, неравномерного обжига, розовато-бурого или серого цвета с черными пятнами. В большинстве случаев черепок трехслойный, со следами ангобирования и лощения. На некоторых сосудах видны остатки красной краски. Найдены фрагменты сосудов, изготовленных ленточным способом. На поселении встречаются также сосуды черного и коричневого лощения.

По форме и назначению в керамике можно выделить следующие группы: миски, кружки, горшки, пифосы и сосуды с вогнутой стенкой.

Миски плоскодонные, с оттогнутым венчиком, короткой шейкой и округлым туловом; переход от шейки к плечу обозначается легким уступом (табл. XXII₅). Они обычно украшены шишковидными и овальными выступами; некоторые из них имеют и ручки, прикрепленные к венчику и плечу сосуда. На мисках встречаются и рельефные налеты в виде полукругов и ямочный орнамент.

⁵ Г. Г. П х а к а д з е. Энеолит Нижней Картли. Тб., 1964, стр. 74. (на груз. яз.).

⁶ Р. И. М и р ц х у л а в а. Самшвилде. Тб., 1975, стр. 37

⁷ Г. Ф. Г о б е д ж и ш в и л и. Поселение Тетрицкаро. Рукопись.

⁸ Б. А. К у ф т и н. Археологические раскопки в Триаleti. Тб., 1941, стр. 126.

Аналогичные сосуды известны во всех памятниках куро-аракской культуры: Кикети, Дидубе, Кулбакеби⁹, Озни, Тамариси, Тетрицкаро.

В Кодэ есть и другой тип миски с округлыми стенами и вогнутым во внутрь венчиком, аналогичный мискам Хизанаантгора, Згудрисверда, Великент, Каякент¹⁰, обычно гладкие без шишек и налепов.

Кружки одноручные, плоскодонные с цилиндрической шейкой и округлым туловом (табл. XXII₃). Переход от шейки к плечу обозначается легким уступом. Овальная в сечении ручка прикреплена к шейке и плечу сосуда. Встречаются и полушарные ручки. Кружки обычно украшены резным прямолинейным узором.

Миски и кружки описанного типа почти всегда встречаются в одном комплексе не только в памятниках Грузии и Закавказья, но и Передней Азии и Анатолии. Геой-тепе¹¹, Караз, Вани, Эрниси¹², Полатли¹³ и др.

В группу кружек можно включить цилиндрические тонкостенные сосуды с шишками у венчика и маленькие солонки той же формы.

Горшков сравнительно меньше. Они двуручные; имеют отогнутый венчик, цилиндрическую шейку, округлое тулово и плоское дно. Переход от шейки к плечу обозначается уступом. Ручки приделаны к шейке и плечу сосуда. Пифосы той же формы, что и горшки, только более четкого профиля.

В керамике Кодэ выделяются сосуды средних размеров цилиндрической формы, прямыми стенками и плоским дном. Диаметр дна и венчика сосуда почти одинаковы. Следы огня и золы указывают, что они употреблялись для приготовления пищи. (табл. XXII₄).

Найдено несколько фрагментов низких сосудов с вогнутой стенкой, с выступом в этой части. Такие сосуды известны из памятников Арахло, Квацхелеби¹⁴, Хизанаант-гора¹⁵, Шенгавит и др.

Керамика Кодэ по составу глины, цвету и обжигу, а также по формам сосудов имеет близкие аналоги с материалами таких памятников, как Тамариси, Кикети, Дидубе, Самшвилде, Гомарети, Тетрицкаро, которые составляют т. н. Дидубе-Кикетскую раннюю группу и принадлежат к начальной стадии куро-аракской культуры. На этой основе Кодское поселение и могильники можно отнести приблизительно к последней четверти IV тыс. до н. э.

⁹ О. М. Джанаридзе. К истории Грузинских племен на ранней стадии развития металла. Тб., 1961 (на груз. яз.), стр. 44.

¹⁰ Р. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА 100. стр. 92.

¹¹ I. Burton-Brown. Excavations at Azerbaijan 1948. London 1951 г. рис. 10.

¹² C. Burney. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze age. Anatolian studies VIII, 1958 г. стр. 154.

¹³ S. Lloyd and N. Güksee. Excavations at Polatli. Anatolian Studies I. 1951 г. рис. 11.

¹⁴ Л. Глonti, А. И. Джавахишвили. Урбисей, I, Тб., 1962, стр. 31, таб. IV.

¹⁵ Я. А. Киквидзе. Указ. соч., стр. 63.

Н. Н. ТУШИШВИЛИ, Дж. Ш. АМИРАНАШВИЛИ, Г. И. МИРЦХУЛАВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА АЛГЕТСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

(таблицы XXIII—XXIV)

Археологическая экспедиция по изучению памятников материальной культуры Алгетского ущелья была создана в 1963 году в связи с постройками, осуществляемыми нашим государством в Тетрицкаройском и других районах Южной Грузии, на территории, входящей в бывшую историческую провинцию Грузии — Квемо (Нижняя) Картли.

Удобное географическое положение, разнообразие полезных ископаемых (медь, железо, серебро, свинец, нефть, литографский камень, известняк, туф, базальт, аметист, агат, яшма, мрамор, обсидиан, слюда, различные сорта глины и др.) и геоклиматических условий, богатство водных ресурсов благоприятствовали развитию земледелия, животноводства, металлургии, гончарного дела. Все это способствовало заселению этого края с древнейших времен и развитию здесь человеческого общества. Об этом сами по себе говорят обнаруженные здесь памятники материальной культуры разных эпох человеческой цивилизации.

В 1963—64 годах, в местечке Маднисчала (ныне здесь уже вырос поселок Мадани), при строительстве завода по обработке высококачественного литографского камня, на левом берегу среднего течения р. Алгети был обнаружен могильник. С 1973 года начато строительство Алгетского водохранилища и ирригационных сооружений, работы которые будут продолжаться и в последующие годы. В зоне затопления окажутся выявленные разведками разновременные археологические памятники: могильники, поселения, селища, культовые сооружения и др., работа по изучению которых уже начата.

В Маднисчала изучен интересный могильник позднебронзового периода, где были обнаружены почти одновременные, дошедшие до нас неограбленными, несколько типов погребений: грунтовые, каменные ящики, курганы и срубное погребение. Всего здесь было раскопано 40 погребений и 2 кургана. Могильник занимает площадь около 7 га. Очевидно, захоронения совершались на протяжении довольно длительного времени, возможно, в течение 100—150 лет. Это тем более вероятно, так как некоторые погребения были частично повреждены при сооружении поздних могил, содержащих почти идентичный материал.

Грунтовые погребения — двух видов: в плане четырехугольные или овальные. Все они перекрывались известняковыми плитами. Не-

которые из них сверху засыпались только землей, другие же покрывались еще и каменной насыпью, диаметр которой не превышал 1,5 м. Размеры погребений колебались $1,1-1,9 \times 0,7$ — $1,5 \times 0,7-1,35$ м.

Каменные ящики четырехугольной формы размером $0,90-1,55 \times 0,60-0,90$ м, удлиненные стенки которых были составлены из двух-четырех, короткие же — из одного-двух вертикально положенных известняковых плит. Все они перекрывались аналогично грунтовым погребениям.

Некоторые погребения (как грунтовые, так и ящичные) окаймлялись кругами из камней, составленными из булыжника. Ни размерами, ни конструкцией они не отличались от вышеописанных погребений, но строились они намного аккуратнее. Только перекрытия некоторых из них были больших размеров и, благодаря дополнительно уложенным плитам и камням, имели в плане округлое или овальное очертание.

Кругом из камней было окаймлено и единственное срубное погребение, впервые зафиксированное в эпоху поздней бронзы не только в Маднисчала но на всей территории Восточной Грузии вообще. В этой связи ставится вопрос: не заключали ли в себе срубов часть грунтовых могил? Возможно, они не дошли до нас только потому, что в обычных условиях дерево не может долго сохраниться в земле. Существование срубных погребений в позднебронзовый период косвенно подтверждают материалы Бешташенского и Цопского могильников, а в период ранней бронзы — сооружение из срубов в Беденском кургане.

Исследуя рассмотренные погребения, можно сказать, что грунтовые могилы с плиточным перекрытием позднебронзовой эпохи в Восточной Грузии встречаются на территории Квемо и Шида (внутренней) Картли. В Квемо Картли они бытовали с раннего этапа позднебронзовой эпохи, а в Шида Картли появились с XI—X вв. до н. э., что дает основание предполагать, что указанный способ перекрытия могил в Шида Картли распространился из Квемо Картли.

Ящичные погребения в период поздней бронзы на территории Восточной Грузии бытовали только в Квемо Картли. Этот тип могил, в основном, охватывал более южные районы Закавказья (Кедабек, Калакенд, Тазакенд, Гюзалдары, Гехарот и др.) и западную часть Ирана (Луристан и др.). Кроме того, они были распространены в Центральном и Восточном районах Северного Кавказа.

Распространение погребений с кругами из камней почти полностью совпадает с ареалом распространения каменных ящиков.

В Маднисчала раскопано несколько могил с дугообразной кладкой камней и кладкой, точно изображающей форму полумесяца. Здесь применялся и обычай устройства кенотафов.

Обкладка могил каменными кругами, полукругами, дугой, в виде полумесяца и диска является отражением религиозных представлений, связанных с астральным культом, приверженность к которому очевидна и по могильному инвентарю и по распространенным орнаментальным мотивам. В Квемо Картли этот культ прослеживается начиная с энеслита и до раннеантичной эпохи включительно.

Изученные в Маднисчала курганы были построены из булыжника ($h=1,0-1,2$ м; $d=13,0-14,0$ м).

В 1-м кургане под насыпью было 2 кромлеха. В центральной части кургана рядом с основным грунтовым погребением, где была захоронена женщина, находился жертвенник. В Ю-З секторе, между

кромлехами, находился пустой каменный ящик, по всей вероятности, сооруженный для ритуальных целей.

Под насыпью II-го кургана на плиточном перекрытии основного грунтового погребения, в котором был захоронен мужчина, было еще 2 маленьких погребения. Первое из них (каменный ящик) заключало маленькую маслобойку ритуального назначения. Рядом с первым находилось второе, весьма оригинальное, погребение: на перекрытии основной камеры лежал закругленный плоский камень, на котором находился раздавленный булыжником сильно скорченный человеческий скелет без всякого инвентаря, накрытый известняковой плитой. Этот скелет, видимо, принадлежал военнопленному или рабу, принесенному в жертву при погребении вождя.

Своеобразен погребальный обряд Маднисчальского могильника, где покойников хоронили по половому и возрастному признакам. Так, например, вокруг первого кургана располагались женские могилы, вокруг второго кургана — мужские. Детей и подростков хоронили отдельно. Указанные участки отделялись друг от друга сотней метров. Покойников хоронили в позе спящего человека, женщин — на левом, мужчин — на правом боку; соответственно и детей. Все признаки говорят за то, что главенствующее положение в семье принадлежало мужчине.

Могильник достаточно хорошо отражает ту социальную и имущественную дифференциацию, которая существовала среди населения того времени. По всем данным, в курганах хоронились вожди племен или очень высокопоставленные лица; в погребениях с курганами из камней — лица хотя и знатные, но стоящие социальной ступенью ниже. Их могилы были расположены вокруг курганов, а сопровождающий инвентарь был богаче инвентаря, найденного в обыкновенных грунтовых и ящичных погребениях, расположенных на периферии могильного поля, где, должно быть, хоронились рядовые члены общества. Прослеживается и существующее имущественное неравенство.

Как уже отмечалось, рассмотренные типы могил находят параллели по всей территории Ю-В Закавказья и в Центральном и Восточном районах Северного Кавказа. Но по инвентарю закавказские могильники в корне отличаются от северокавказских, поэтому, в отличие от закавказских, их нельзя отнести к разряду родственных.

Материал Маднисчальского могильника в основном делится на 3 группы: I — керамика, II — оружие и III — украшения.

Большинство сосудов (ок. 80%) изготовлено из качественной, хорошо обработанной глины квалифицированными гончарами. Остальная часть — намного низкого качества. Последние, видимо, изготовлялись самим потребителем. Среди керамики можно выделить столовую (разные кувшины, кружки, миски, блюда и др.), кухонную (разные горшки, предназначенные в основном для изготовления пищи) и хозяйственную (большие сосуды для хранения продуктов и маслобойки) посуду, красиво украшенную резанными концентрическими кругами, волнистыми линиями, разного рода насечками, елочко-гребенчатым штампом, зооморфными ручками и выступами в виде рогов и ушей животных, валиков, катушек и др. Часто встречается лощеный орнамент (параллельные и пересекающиеся линии, треугольники, пучок лучей и др.). Особо надо выделить встреченный на одном кувшине рельефный орнамент, имитирующий колосья пшеницы.

Оружие состоит из разного рода бронзовых листовидных кинжальных клинков и наконечников копий.

Среди разнообразных украшений своим изяществом выделяются сурьмяные подвески, в точности повторяющие форму секирообразных топоров и — с солярным изображением. Много разнотипных бронзовых булавок, браслетов, серег и височных колец. Имеются шипчики, розетки и др. Многогранен ассортимент бус, изготовленных из полудрагоценных камней, пасты, стекла и металла.

Маднисчалыцы разводили крупнорогатый скот, свиней, овец, коз, о чем свидетельствует хорошо представленный многочисленный остеологический материал.

Анализируя весь добытый материал, Маднисчалский могильник датируется второй половиной XIV — первой половиной XIII в. до н. э.

В 1964 году в местечке Нахидребисчала был исследован курган раннебронзовой эпохи и велись раскопки более позднего поселения. Нахидребисчала — это левобережная территория р. Алгети в 1,5 км западне Маднисчала.

Под каменной насыпью кургана четко вырисовывались три дугообразные кладки, составленные из крупного булыжника. Эти дуги располагались в разных плоскостях: наружная на уровне подошвы кургана, а внутренняя на 0,5 м выше наружной. К югу от внутренней дуги находилась погребальная камера, пол которой был выстлан известняковыми плитами. С севера камеру окаймляла дугообразная стена из плоских камней. В погребении, ориентированном В-З (3,0×1,7×0,55 м) лежало 4 человеческих скелета головой на север. Инвентарь состоял из 4-х одинаковых по форме высокогорлых тонкостенных глиняных сосудов, из которых два сосуда имели по одному ушку, а два — без ушек. Курган датируется началом III тысячелетия до н. э. Интересно, что сосуды носят следы, дающие основание предполагать использование примитивного гончарного круга или вертушки.

В 60 м восточнее кургана была раскопана одна комната площадью 32 м² какого-то крупного жилого помещения. К четырехугольной комнате со всех сторон примыкают другие комнаты, с одной из которых сообщалась дверью. Стены выложены из ломанных камней на сухой кладке.

Найденный здесь материал (керамика, железный изогнутый нож и др.) датируется II половиной I тысячелетия до н. э.

В 1973 году экспедиция открыла еще один могильник позднебронзового периода в трех километрах от Маднисчала по течению р. Алгети на правом ее берегу, по местонахождению названный Чальским могильником. Работы по изучению Чальского могильника начаты в середине 1975 года. Судя по уже раскопанным грунтовым погребениям (табл. XXIV₂) этот могильник синхронен с Маднисчалским могильником, о чем свидетельствуют найденные здесь бронзовые листовидный кинжал и булавки с петельчатыми головками, рубленые бусы из сердолика, сурьмяные бусы с выпукло-вогнутыми краями, часть глиняных сосудов (маслобойка, миски) (табл. XXIV₃).

По предварительным данным, Чальский могильник заложен на месте более раннего поселения. В процессе раскопок здесь появляется керамика, явно характерная для т. н. куро-аракской культуры. Кроме того на этой же территории обнаружена яма хозяйственного (?) назначения, заполненная золой, в которой найдены обожженные кости мелкого рогатого скота, характерная для указанной культуры керамика и отщепы

обсидиана. Интересно, что на территории могильника и в некоторых могилах явно позднебронзового периода встречаются обломки чернолощенной керамики на розовой подкладке, характерные для раннебронзового и среднебронзового периодов. Эта керамика, видимо, попала сюда из существующего здесь более раннего культурного слоя во время рытья могил позднебронзовой эпохи.

В 1973—75 годах археологические раскопки велись во многих пунктах среднего течения р. Алгети. В этой маленькой статье невозможно объять всю проделанную работу, поэтому вкратце остановимся на некоторых из них.

В сел. Мацевани раскопано 3 ящичных погребения, обнаруженных при строительстве дороги, в которых покойников хоронили в скорченном положении на правом или левом боку. По могильному инвентарю (керамика, бронзовая булавка, железный нож, браслеты и др.) этот памятник датируется VI—V вв. до н. э. (табл. XXIV₁).

На территории Бужгулетского селища в местечке «Цкарозби» изучены остатки жилых строений (табл. XXII₁) и сацнахели (винодавильни). Здесь выявлены как землянки, так и каменные жилые сооружения на глиняном и известковом растворах, которые имели плоское (банури) перекрытие. В комнатах найдены глиняные тонэ (печь для выпечки хлеба) и глиняные очаги. Поселение было уничтожено пожаром, о чем наглядно свидетельствуют обуглившиеся балки от перекрытия, обожженная и почерневшая обмазка, пережженная и деформированная керамика, в том числе и глазурованная и т. д. (табл. XXIII_{2,6}).

Археологический материал датирует комплекс строений в Цкарозби X—XIII вв.

На «Шуа Кеди» при раскопках большого каменного здания, во время очистки южной стены найден дирхем (табл. XXIII₈), чеканенный в 713/714 годах в городе Васите при арабском халифе Омейядской династии Велиде. Наличие этой монеты дает основание предполагать, что каменное здание на Шуа Кеди было разрушено в VIII веке во время одного из арабских нашествий. Позднее, указанное строение было использовано как марани (винохранилище), о чем свидетельствуют вкопанные в землю огромные «квеври» (сосуды для хранения вина). На возвышенности, расположенной в 5-ти м севернее «марани», раскопана однефная церковь зального типа с примыкающим к ней могильником. Этот комплекс датируется так же, как и марани, ранним средневековьем.

В местечке «Телиант дабали» при проведении новой автодороги было повреждено погребение, в котором найдена сассанидская печать, сделанная из цельного агата светло-коричневого цвета. (табл. XXIII₃). На печати изображены два козла с огромными рогами. По форме печати, стилю и манере исполнения изображения, гемма датируется IV—VI вв. Там же был выявлен христианский могильник.

На селище Чала ведутся раскопки каменного строения, южная часть которого смыта рекой. Здесь можно выделить три строительных периода. Найденный во время раскопок верхнего слоя керамический материал можно отнести к позднеантичной и раннесредневековой эпохам. Под этим строением, после стерильного песчаного слоя, в разрезе видна булыжная стена.

На «Хопис Кеди» ведутся раскопки могильника и поселения раннесредневековой эпохи (табл. XXIII_{4,5,7}). На могильнике раскопано не-

сколько каменных ящиков, где встречаются элементы культа захоронений как христианской, так и дохристианской эпох.

Около с. Тбиси на территории церкви найдена четырехугольная база каменного креста VI—VII вв., с изображением равноконечного креста типа «болнисского» и с восьмистрочной древнегрузинской надписью — асомтаврули.

Алгетское ущелье в период средневековья являлось одной из развитых и сильных областей Грузии. О развитии и выдвижении этого края в указанный период сами за себя говорят множество поселений, могильников, крепостей, церквей, монастырей, дворцов, винодавлен, водохранилищ, маслодавлен и других памятников материальной культуры.

Здесь проходили да и сейчас проходят кратчайшие пути, связывающие друг с другом Шида и Квемо Картли. Триалети, Джавахети и Кахети. Именно стражами этих дорог были воздвигнуты знаменитые «алгетские крепости» — Орбети, Биртвиси и Парцхиси.

Исследование этого края представляет огромный интерес для изучения истории Грузии.

Т. Н. ЧУБЕНИШВИЛИ, Л. Д. НЕБИЕРИДЗЕ,
Г. Г. ПХАКАДЗЕ, Г. И. МИРЦХУЛАВА

ПАМЯТНИКИ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (VI—IV ТЫС. ДО Н. Э.) В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА АРАХЛИНСКОЙ ОРОСИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

(таблицы XXV—XXVI)

Спустя десять лет после первых раскопок, вблизи сел. Арахло (Болнисский р-н, Южная Грузия), в зоне поселений раннеземледельческой культуры VI—IV тыс. до н. э.¹, началось строительство новой оросительной системы.

Квемокартлийская археологическая экспедиция производит раскопки на левом берегу р. Машавера, где расположены искусственно возникшие холмы Арахло I—III. Вышеупомянутое строительство в 1974—75 гг. послужило началом расширения полевых исследований². В сети оросительной системы оказалась часть археологических памятников, вследствие чего на Арахло II—III были потревожены культурные слои, содержащие значительные материалы. Новый раскоп на Арахло II был увеличен и увязан со старым раскопом (с юго-востока) в результате чего, в основном, повторилась ранее полученная картина. Начиная с поверхности земли, примерно, до 40 см, культурный слой потревожен. На глубине, примерно, 40—45 см (от поверхности раскопа) показалась кладка из камней.

Сохранившиеся стены указывали на то, что сооружение было четырехугольным. Внутри него встречались обрушенные стены в виде скопления камней и керамика античного или феодального периодов. В центре сооружения был найден большой фрагмент зернотерки. В западной его части обнаружен очаг и скопление поздней по облику керамики, возле него. Кладка стены уходила вглубь, примерно до

¹ Т. Н. Чубенишвили. Основные итоги работ Квемо-Картлийской экспедиции за 1966 г. «Краткие сообщения» (на груз. яз.), 1967, стр. 21; Т. Н. Чубенишвили, К. Х. Кушнарева. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа, «Мадне», № 6, 1967, стр. 537—541; Т. Чубенишвили. К древней истории Южного Кавказа, Тб., 1971, стр. 31—33; Т. Н. Чубенишвили, Л. М. Челидзе. Итоги работ Квемо-Картлийской экспедиции за 1972 г. «Полевые археологические исследования в 1972 г. (Краткие сообщения)», Тб., 1973, стр. 22—27.

² Археологические раскопки за 1974—1975 гг. финансировались дирекцией водхоза Тбилисской зоны Министерства меллиорации и водного хозяйства ГССР (директор А. С. Чачава).

80 см. На этом же уровне находился глинобитный пол. В этой толще культурного слоя было найдено лишь несколько черепков ранней керамики Арахло II. Остальная часть керамики принадлежала к позднейшим эпохам. На этом же уровне был встречен бесспорно поздний каменный материал: рабочая часть серпантинного топора с отличной двусторонней полировкой и овальным рабочим краем; кремневый вкладыш серпа с заполированным зубчатым лезвием и двусторонней обработкой отжимной техникой; просверленное точило из удлиненной гальки. Кроме этих явно поздних каменных орудий, найден малочисленный обсидиановый материал, часть которого, надо полагать, не принадлежит к ранним слоям Арахло II. Obsидиановый материал представлен невыразительными отщепами и осколками, крупными ножевидными пластинками и несколькими нетипичными орудиями — скребковидным и стамесковидным орудиями, а также несколькими резцами.

По мере углубления в нижние горизонты раскопа, количество материала не увеличилось, изменился лишь его состав. Исчезает позднейшая керамика, и увеличивается количество арахлинской древней керамики, хотя общее ее количество все же незначительно. На глубине 2 м (от 0 линии) был найден глинобитный, обожженный и окрашенный в красный цвет пол. На этом уровне обнаружена характерная для ранних слоев Арахло — керамика-нелощеная, украшенная конусовидными шишками. Черепки имели следы огня. Были найдены костяные орудия — шилья, стреловидное орудие с листовидным наконечником и с крупным черенком, а также малочисленный обсидиановый материал — отщепы и осколки, крупные пластины и несколько пластинчатых скребков. На втором уровне раскопа стали появляться остатки стен сырцовых сооружений. Оказалось, что сырцовая стена появившаяся во втором раскопе, является частью круглого сооружения, обнаруженного ранее. Диаметр этого помещения равен 2,60 м. В западной части раскопа выявилась часть сырцовой стены второго сооружения. На обгорелом глинобитном полу были найдены шлакообразные обломки. На уровне 2,30 м (от 0 линии) обнаружены фрагменты сырцовых стен. Керамика здесь только ранняя, украшенная конусовидными шишками.

Во время раскопок материал снимался послойно, но пока не представляется возможным уловить существенную разницу между отдельными древнейшими строительными горизонтами Арахло II. Это, возможно, удастся в результате дальнейшего изучения памятников.

Материал Арахло II имеет близкие аналогии на Арахло I и Арахло III. Из-за малочисленности материала Арахло II и III пока нет возможности установить хронологическую последовательность памятников этой группы.

Продолжая работу предшествующих лет на поселение Арахло I (высота холма 6 м), экспедиция углубила контрольные траншеи у основания холма, где были вскрыты контуры разновременных рвов — внутреннего и внешнего. Предыдущими работами полностью не были установлены их взаимоотношения и особенности. Были получены лишь несколько разрезов рвов, по которым полностью не удалось определить их хронологию путем увязки последних, с одной стороны, с определенными культурными слоями холма, а с другой — с почвой, по нашему мнению, погребенной в эпоху энеолита.

В этом отношении важным является исследование внешнего, т. н.

мокрого рва, т. к. он со всех сторон оторван от культурных слоев жилого холма внутренним, сухим рвом.

В связи с вышесказанным, необходимым являлось и определение характера заполнения «мокрого рва», а также датировка полуземлянок, в некоторых случаях, зафиксированных в заполнениях рва.

В траншее № 13 возвышенная материковая толща к северу от сухого рва спускается седловидным изгибом в другой «мокрый ров», дно которого расположено на 1.20 м выше дна сухого рва; вершина северного склона в этой части «мокрого рва» на 0.60 м возвышается над грунтом и завершается снаружи двумя небольшими выступами. На низшей утрамбованной площадке найдены фрагменты керамики черного цвета с ручкой и отогнутым венчиком. Эта керамика и другие материалы не относятся к энеолиту, а принадлежат к более поздней эпохе.

На дне «мокрого рва» залегает метровый слой тонкозернистой глины с органическими (растительными) остатками, которые в разрезе представлены в виде волнистых слоистых изгибов заржавленной земли. Следует предполагать, что эти слои здесь возникали в разное время. Под этим слоем на самом дне «мокрого рва» были найдены кости лягушки (*Rana sp.*)³. На уровне 0.60 м от дна уже находятся материалы эпохи энеолита, на отметке 1.18 м выше дна обнаружен фрагмент венчика керамики с наленным орнаментом в виде «шеvronа», там же находятся три костяные проколки. На отметке 1.22 м от дна, среди других находок имеется фрагмент черной баночной посуды с шероховатой поверхностью, над венчиком которого вертикально расположены небольшие шишкообразные налепы.

На высоте 1.72 м обнаружен венчик энеолитической керамики с налепом в виде серпа, луны и трех шишек, расположенных в ее пределах (табл. XXV₈).

Лишь выше южной вершины рва, на уровне 2 м, помимо энеолитических материалов (зернотерки, фрагментов архаической керамики и др.) встречаются невыразительные обломки античного времени.

Встречаемые выше «мокрого рва» (от дна на высоте 2.60 м.) материалы, и, в частности, изделия из камня, в основном, однородны и в них не отмечается существенной разницы. Материал, главным образом, представлен обсидиановыми отщепами, макропластинами и изготовленными из них орудиями. Исключением являются лишь несколько орудий из кремня, базальта и аргелита, а также остатки производства.

Материалы архаического облика представлены тонкими ножевидными неретушированными или ретушированными пластинами.

Здесь же обнаружены микролиты в виде треугольников, с затупленными и зазубренными краями, скребки, резцы раннего облика. Очень мало вкладышей типа Шому-Тепе.

Очень интересно расположен материал в самом «мокром рве» по высотам. Верхние глубины содержат больше материалов, а в нижних их количество значительно уменьшается.

По нашему мнению, в заполнении «мокрого рва» представлена обратная стратиграфия энеолитических слоев. «Мокрый ров», шириной 3,75—4,20 м и глубиной до 2-х метров, дно которого заполнено

³ Фаунистический материал определен проф. Н. И. Бурчак-Абрамовичем и канд. биол. наук О. Г. Бендукидзе.

водными отложениями толщиной в 0,6—1 м, по мнению члена экспедиции Г. Н. Лисицыной, по своей конфигурации и размерам больше всего соответствуют стандартам оросительных каналов как ранних, IV—III тыс. до н. э., (Геоксюрская оросительная сеть, каналы периоды Джемдет-Насра), так и более поздних, I тысяч до н. э. — средние века (юго-западная Туркмения, древний Хорезм).

В траншее № 5, находившийся к востоку от холма, рядом с сухим рвом, открытым в предшествующие годы, полностью выявлены контуры еще одного «рва». Своей конфигурацией он отличается от ранее открытого рва — в его заполнениях, на разной глубине, обнаружены материалы энеолитической эпохи.

В центре поселения на раскопочной площади до глубины 2-х метров вскрыты слои раннеземледельческой культуры, лишь местами сохранившие обрывки стен круглых и одиночных или целых прямоугольных домов, относящихся к трем верхним строительным горизонтам (табл. XXV₁) ниже которых в стратиграфическом шурфе и в разрезе траншей на восточном склоне были выявлены еще 4 строительных горизонта.

Инвентарь верхних строительных горизонтов представлен значительным количеством груболепной керамики с рельефным орнаментом, каменным, обсидиановыми и костяными орудиями. Среди каменных орудий имеются зернотерки, ступки, песты, шлифованные топоры, отбойники, снаряды для пращи. Obsидиановый инвентарь представлен пластинами и отщепами с ретушью, стамесками с одним и двумя рабочими краями, угловыми резцами на пластинах, скребками на отщепах, небольших по величине, и концевыми скребками на пластинах с различными по форме рабочим краем, проколками и остриями, пластинами и отщепами с выемками, комбинированными орудиями. В этом же слое обнаружены три мелких трапеции, два сегментовидных орудия и три микропластины с мелкой ретушью по краю. Нуклеусы мелкие, призматические.

Костяной инвентарь представлен шильями, молотками и мотыгами с просверленными отверстиями для рукоятки, ложилами и т. д. Интересна находка оленьего рога с обрезанными отростками. Конец рога имеет следы залощенности и продольные борозды, образовавшиеся в процессе работы. Не исключена возможность, что рог мог быть использован в качестве сохи (табл. XXV₅).

Нижние культурные слои этого же поселения представлены исключительно круглоплановой архитектурой с диаметром, часто превышающим 3 м. Во всех случаях дома сооружались из планоконвексных сырцовых стандартных кирпичей (табл. XXVI₂).

Отличительной особенностью материальной культуры Арахло I, по сравнению с другими энеолитическими памятниками Южного Кавказа, является обилие налепного орнамента, а также находок налепных мужских фаллических изображений на сравнительно поздней керамике (табл. XXV_{3,6}).

В верхнем строительном горизонте в прямоугольном помещении был найден фрагмент женской глиняной статуэтки.

Керамика всех слоев Арахло леплена от руки, хорошего обжига, в большинстве случаев одноцветная, но встречаются и трехслойные черепки. Керамика, розовато-сероватого, серовато-бурого или серовато-черного цвета. Глина с примесью крупнозернистого песка и дробленого базальта. Такая керамика с обеих сторон заглажена. Встреча-

ются более тонкостенные фрагменты без примеси базальта (краше-
ная).

По профилю венчиков и днищ можно выделить 3 типа сосудов:

1. Плоскодонные баночные формы с цилиндрическим корпусом и прямым венчиком.

2. Плоскодонные горшки с округлым туловом и слегка вогнутым во внутрь венчиком.

3. Плоскодонные миски (табл. XXV₇, XXVI₅).

Большинство днищ характеризуется слегка выделенной пяткой, меньшинство же — прямым переходом от дна к корпусу. На днищах встречаются отпечатки плетения. Сосуды безручные, но иногда снабжены крупными выступами. В одном случае выступ имеет вертикальное отверстие. Керамика Арахло часто орнаментирована маленькими выступами в виде шишек, овальных и угловатых налепов, расположенных, как правило, под венчиком попарно или в одиночку. Встречаются и вертикальные ряды налепов.

У подножья восточного склона Арахло I, на поле открыты рядом расположенные, синхронные поселению полуземлянки (табл. XXV₁). Одна из них находится в заполнении наружного рва, остальные — вырыты в грунте и имеют неправильную округлую форму, (диаметр 4,10—4,60 м, сохранившаяся высота 0,50—0,75 м).

Во всех полуземлянках было зафиксировано два уровня пола. Верхний уровень (I пол) на глубине 6.10 от 0 точки, а нижний (II — пол) — на 6.35 м. Полы глинобитные, неровные и состоят из нескольких слоев. В землянках встречаются керамика, обсидиан, кости.

Особое внимание заслуживает полуземлянка № 14, в которой первый верхний пол покрыт толстым слоем, а от середины нижнего пола к западной стене примыкает возвышение (платформа) высотой 35 м. На возвышении зафиксирована маленькая яма, заполненная костями животных, обсидиановыми отщепами и керамикой.

Обнаруженный материал представлен керамикой, обсидиановым и каменным инвентарем. Здесь же был найден фрагмент керамики с налепом антропоморфной фаллической фигурки (табл. XXV₃).

За прошедшие годы раскопками Арахло I—II в верхних строительных горизонтах были обнаружены стандартные сырцовые plano-конвексные кирпичи. Членом экспедиции Л. В. Прищепенко в этих кирпичях были обнаружены и определены остатки и отпечатки культурных и дикорастущих растений.

Культурные растения представлены следующими видами: пшеница мягкая (*Triticum aestivum* L), двузернянка (*Triticum dicoccum* Schrank) карликовые (*Triticum compactum* Host), однозернянка (*Triticum monoccum* L), спельта (*Triticum Spelta* L), ячмень (пленчатый, двурядный, многорядный и ячмень голозерный, просо (*Panicum miliaceum* L), чечевица (*Lens esculenta* L) и горох посевной (*Pisum sativum* L).

Здесь же обнаружены остатки дикорастущих растений, часть которых произрастает как на яровых, так и на озимых посевных участках⁴. Большинство из них являются сопутствующими яровым посевам; вика четырехсеменная (*Vicia tetrasperma* L), воробейник полевой

⁴ Эти данные нам представил проф. Тбилисского сельскохозяйственного института З. П. Кешелашвили.

(*Lithospermum arvense* L), гелiotроп европейский (*Heliotropium europaeicum* L), горец перечный (*Polygonum hydropiper*), дымянка Шлейхера (*Fumaria Schleicheri* soy-will), капуста полевая (*Brassica campestris* L) костер кровельный (*Bromus tectorum* L), лебеда ломящаяся (*Atriplex nitens* Schkuhr), мак гибридный (*Papaver hybridum* L), просо волосовидное (*Panicum capillare* L), щирица запрокинутая (*Amaranthus tetraflexus* L).

На озимых посевных участках произрастали следующие дико-произрастающие растения: Синек обыкновенный (*Echium vulgare* L), глациум желтый (*Glacium flavum* crantz), клевер шуршащий (*Trifolium strepens* crantz).

Для обеих посевов характерны: грижник гладкий (*Heriara glabra* L), клевер луговой (*Trifolium pratense* L), люцерна посевная (*Medicago sativa* L), щавель обыкновенный (кислый) (*Rumex acetosa* L), щавель конский (*Rumex confertus* willd) и т. д; всего определено свыше 45 дикорастущих растений.

По мнению Г. Н. Лисицыной⁵ и проф. Л. Л. Декаприлевича, яровые посевы, с целью получения урожая в условиях приближенных к современному климату на изучаемой территории, могли быть возможны в энеолитическое время лишь только при осуществлении нерегулярного (сезонного) орошения.

Экологические данные⁶ и анализы пыльцы подводят к выводам, что на территории Квемокартлийской равнины в поймах имела лесная растительность, а господствующий ландшафт приближался к аридному.

Все вышесказанное свидетельствует, что в условиях чрезвычайной теплоты и сухости климата в V—IV тыс. до н. э. в Квемо Картли интенсивно развивалось «пашенное» земледелие с применением орошения небольших участков земли, где по-видимому, главным образом, произрастала мягкая пшеница.

Таким образом, сравнительно широкий масштаб раскопок и комплексное изучение всех данных подводит нас к выводу, что Арахло I, представляет собой сложный и единый комплекс, в который в эпоху энеолита входят основное поселение на холме, окружавшие его глубокие защитные разновременные рвы, а также находившиеся за пределами холма полуземлянки, синхронные верхним строительным горизонтам поселения на холме⁷.

Все вышеотмеченное подтверждает, а в некоторых случаях и уточняет ранее полученные данные, по которым поселение Арахло I резко выделяется среди других энеолитических памятников Южного Кавказа своими особенностями.

Вместе с тем, особое значение приобретают последующие целеустремленные раскопки «мокрого» и сухого рвов, само наличие кото-

⁵ Г. Н. Лисицына. Культурные растения и их роль в развитии производящей экономики на территории Кавказа. Конференция — Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тезисы докладов. Москва. 1974.

⁶ О. Г. Бендукидзе. Об остатках диких позвоночных животных из Арахло I, его же. Голоценовая фауна позвоночных Грузии, Тб., 1975.

⁷ В конце сезона 1975 года у подножия юго-восточного склона холма было открыто грунтовое погребение энеолитического периода. Судя по всему, в эпоху энеолита на Арахло I могильник также находился за пределами поселения.

рых уже позволяет предполагать о существовании хронологического разрыва между культурными слоями в эпоху энеолита на самом поселении Арахло I.

В свете очень интересной концепции акад. Н. А. Бердзенишвили, о функциональном и социальном значении поселений на холмах⁸, следующие раскопки поселений Арахло I—III, безусловно, дадут весьма важные данные для изучения далекого прошлого всего Южного Кавказа.

⁸ Н. А. Бердзенишвили. Одна страница историко-географического дневника. Вопросы истории Грузии I, Тб., 1964, стр. 408—411. Его же. Страна. Вопросы истории Грузии. Т. VIII, Тб., 1975, стр. 23—61 (оба на груз. яз.). Ср. Т. Н. Чубинишвили, Н. А. Бердзенишвили, О значении орошения в Грузии в древнейшую историческую эпоху. Разыскания по истории Грузии и Кавказа, Тб., 1976, стр. 28—32 (на груз. языке).

Л. Г. ЦИТЛАНАДЗЕ, Г. И. МИРЦХУЛАВА, М. Н. ГОЧИАШВИЛИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ДОЛИНЕ р. НАРЕКВАВИ

(таблицы XXVII—XXIX)

Нареквавская археологическая экспедиция института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, два года ведет археологические исследования в Душетском районе в бассейне р. Нареквави, в зоне строительства новой оросительной системы.

Одним из главных объектов раскопок является древний жилой холм, расположенный вблизи сел. Мчадиджвари, на высоком правом берегу р. Нареквави. Холм занимает естественную возвышенность посреди равнины и имеет продолговатую форму. Общая его площадь равняется 1000 м², высота от подножья 7 м. На восточном и на западных склонах холма было заложено два раскопа, площадью 140 м² и 120 м².

В результате раскопок было обнаружено три разновременных культурных слоя: верхний раннефеодальной эпохи, средний — позднебронзовой эпохи и нижний — раннебронзового периода. Феодальная эпоха представлена остатками каменных стен жилища и вспомогательного помещения с закопанными в землю глиняными кувшинами. Вся площадь раскопа была заполнена черепицей которая видно принадлежала и соседним строениям. Большие кувшины красного обжига с плоским дном и с высоким горлышком, доньшко стеклянного сосуда, керамика светло-желтого обжига с напылом на горлышке датируют памятник раннефеодального периода.

Во время очистки стен в большом количестве встречалась черная и чернолощенная керамика раннего облика.

Под каменной кладкой стен феодальной эпохи выявились остатки разрушенных сырцовых построек. В разрезе раскопок можно различить несколько слоев позднебронзового периода: на одной из утрамбованных площадок сохранился глиняный очаг овальной формы, жернова, пестики, ложила, керамика, в большом количестве остеологический материал.

После бронзовых пластов следует стерильный 80 см слой, затем появляется керамика раннебронзового периода, представленная двумя слоями.

На западном склоне не обнаружены жилища феодального периода, что лучше сказалось на сохранности стратиграфии культурных слоев. Раскопанная площадь состояла из нескольких культурных слоев: верхний содержал керамику желтого и красного обжига, относящуюся к периоду поздней бронзы, стены жилищ были обмазаны

глиной, на фрагментах которых остались отпечатки дерева, пол был утрамбован.

Во втором слое выявилась площадка, на которой лежали булыжники являющиеся, как видно, фундаментом стен разрушенного помещения. Здесь найдена черная и чернолощенная керамика. Такая же керамика обнаружена, в третьем слое, пол которого также был обложен булыжником.

В керамике нижнего горизонта преобладают традиции средне-бронзового периода, но материал, относящийся, к эпохе средней бронзы, не был обнаружен.

Поэтому нижний слой можно отнести к раннему этапу поздне-бронзового периода. Керамика главным образом черного обжига, изредка коричневая лошенная, или лошением выведены геометрические узоры. Встречается вдавленный и рельефный орнамент. Вдавлением воспроизводятся клинообразные изображения, кружочки, треугольники, рельефные концентрические линии, линии с насечками. Формы сосудов не сохранились, но предполагается, что это главным образом сосуды больших размеров, сохранились профилированные фрагменты кувшинов с низким горлышком и с круглым отогнутым венчиком (табл. XXVII₉₋₁₁).

Керамика верхнего культурного слоя более богата формами и орнаментом. Наряду с большими сосудами встречаются маленькие горшки, миски, кувшинчики, кружки, цедилки, взбивалки. Некоторые формы и орнамент повторяется во всех периодах. Часто встречаются кружочки, вырезанные из керамических обломков.

Во всех слоях собрано много костного материала, как крупного, так и мелкого рогатого скота, встречаются останки диких животных. Особенно часты олени рога, иногда они обработаны, или являются полуфабрикатами каких-то орудий. Нужно отметить обработанный рог в виде лопаты, из нижних бронзовых слоев, рог с заостренным концом вероятно применявшийся для земельных работ. Из костей животных изготовлялись иглы, удочки, дротики (табл. XXV_{3,6}).

Каменные орудия во всех слоях представлены слабо, всего несколько кремневых вкладышей и обсидиановая стрела, довольно грубой обработки. Много зернотерок, пестиков, лошил изготовленных из базальта и гальки. Изделия из металла почти отсутствуют. Несколько обломков бронзовых игл, амулетик обернутый в бронзовый лист. Скудно представлены украшения, всего несколько бус. (табл. XXVII₇).

Весьма интересны две глиняные печати, обнаруженные на склонах холма. Одна из них представляет собой печать с ручкой, на плоской стороне которой изображена свастика, на ручке же — геометрический мотив. Печать хорошей сохранности. На плоской поверхности второй дано изображение креста. Аналогичной формы печать была найдена в Мчадиджвари во время археологических разведок. Этот тип печати относят к первому типу местных печатей и датируют XIV—XIII в. до н. э.¹ (табл. XXVII₄).

Среди многочисленных находок нужно отметить глиняную статую мужчины со свастикообразными выемками на груди (табл. XXIX).

Археологический материал позднебронзовой эпохи с холма Мчадиджвари находит аналогии среди памятников культуры Картли, Кахети. Все находки — стена и пол жилищ несут следы сильного пожара.

¹ М. Лордкипанидзе. Корпус памятников глиптики Древней Грузии, Тб., 1969, 12, 69.

Вслед за нижним слоем позднебронзовой эпохи следует стерильный слой земли, а затем пласты, относящиеся к раннебронзовому периоду. Выделяются два слоя этой эпохи, нижний и верхний.

Керамика в основном серого, темносерого, коричневого перовного обжига с черными пятнами, чувствуются следы лощения. На некоторых сосудах сохранилась красная краска, часто с обеих сторон. Сравнительно в малом количестве встречается керамика черного цвета, чернощенная почти отсутствует. В большинстве случаев орнаментов на сосудах нет, редко встречаются вдавленные линии и примитивный геометрический рисунок. Нужно отметить, что на сосудах нет характерных для ранней бронзы шишечек и выступов. Ушки (ручки) сосудов довольно разнообразной формы, в сечении они круглые, овальные лентообразные, угловатые. Обнаружено несколько глиняных подставок для счагов: четырехугольных с ручкой посередине, катушковидная, в виде полукруга и т. д. Много костного материала. В нижнем слое сохранились контуры жилища четырехугольной формы с округлыми углами. Стены жилищ были сделаны из деревянной плетенки и обмазаны глиной, на что указывают находки глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Орудия из камня представлены скудно: несколько отщепов обсиана и зернотерка. Оба нижних слоя принадлежат куро-аракской культуре ранней бронзы. Следы пожара ясно видны.

У подножья холма с южной стороны был проложен разведочный раскоп длиной 10 м. Культурных слоев здесь не оказалось, хотя фрагменты керамики встречались часто. Особо нужно отметить два фрагмента. Один из них профилированный обломок миски со сложным рельефным геометрическим орнаментом, поверхность миски лощенная, второй фрагмент также профилирован, принадлежит тонкостенной миске черного обжига с вдавленным орнаментом в виде завитков. Оба обломка принадлежат к последнему этапу куро-аракской культуры, археологических слоев, одновременных этим сосудам, на холме обнаружить пока не удалось.

В селе Мчадиджвари вышеуказанный холм не является единственным. На западном конце деревни существует другой аналогичный холм большей величины, чем первый. Подъемный материал с этого холма указывает на синхронность двух холмов.

Третий, меньшей величины, холм был обнаружен экспедицией в 3—4 км западнее села Мчадиджвари в селе Шуа-Хеви. Подъемный материал идентичен с Мчадиджварским материалом. Из Шуа-Хеви происходит клад замечательных бронзовых орудий и бронзовые слитки, хранящиеся в Душетском краеведческом музее и Государственном музее Грузии.

Южнее холма Мчадиджвари, в обрыве над рекой Нареквави, в местечке «Клдис-тавеби» было выявлено поврежденное грунтовое погребение античного периода. Погребальный комплекс состоял из глиняной посуды красного обжига, раскрашенного красной краской и черного изящного кувшинчика с канелюрованными боками; железного оружия (наконечников копей, топора, меча) и украшений, также сделанных из железа (браслет, перстень, кольцо), серпантинной крупной каменной бусы (табл. XXVIII₁₋₃).

Несколько каменных ящиков феодальной эпохи (VIII—IX вв.) были раскопаны в селе Млаше.

Могильный инвентарь состоял главным образом из украшений. Особый интерес представляет бронзовая булава с головкой в виде

гранатового цветка, украшенная жемчугом и сердоликовая буса с вырезным изображением оленя (табл. XXVIII_{6,7}).

Таким образом, выявленные экспедицией памятники, принадлежат разным археологическим эпохам, но все они относятся к перво-степенным археологическим памятникам.

Дальнейшие археологические изучения памятников, расположенных в зоне строительства Нареквавской оросительной системы продолжаются.

А. В. БОХОЧАДЗЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА НОВОСТРОЙКАХ ДВУРЕЧЬЯ КСАНИ И АРАГВИ

(таблицы XXX—XXXVII).

В 1972—1974 гг. археологическая экспедиция финансировалась дирекцией гидроузла ЖинвальГЭС. Работы проводились в Настакиси, а также на территориях городищ Саркинэ и Дзалиса.

Настакиси расположено у слияния Мтквари и Ксани, на левом берегу реки Ксани.

В древних грузинских исторических источниках, в хронике «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли») и «Картлис цховреба» (История Грузии) Настакиси упоминается в связи с походом Александра Македонского в Картли. По «Мокцевай Картлисай», когда Александр Македонский уничтожил города и крепости, «он остановился в западной части Саркинэ, разбил виноградники, провел оросительный канал из Ксани; называется место это Настагиси»¹. В «Картлис цховреба» Настакиси также упоминается в связи с походом Александра Македонского — «И поставил войска с востока на запад, с юга на север и остановился у Ксани на местности, называемой Настакиси»².

Эти сведения, сохранившиеся до нас в исторических источниках переносят нас в IV в. до н. э. По обоим источникам, Настакиси расположен на берегу реки Ксани, где Александр Македонский остановился со своим войском, занялся хозяйством...

По этим сведениям, Настакиси является довольно интересной местностью для изучения ранней истории Царства Иберии. Именно на этом заострил свое внимание акад. Н. Бердзенишвили, подводя итоги разведочных работ, проведенных им в Настакиси³.

По разведочным раскопкам, проведенным в 1971 г. в Настакиси было обнаружено поселение городского типа, расположенное вдоль левого берега реки Ксани. С 1972 г. начались изучение и раскопки городища. В 1972—1974 гг. раскопки проводились на трех основных

¹ Мокцевай Картлисай. Источники древнегрузинской агнографической литературы, часть I, Тб., 1964, стр. 81.

² Картлис цховреба (История Грузии). Текст воспроизведен по основным рукописям Симона Каухчишвили, т. I, Тб., 1955, стр. 18.

³ Н. А. Бердзенишвили. Вопросы Истории Грузии, т. I, 1964.

участках. Вместе с этим было заложено свыше 10 разведочно-исследовательских траншей. Были обнаружены могильники раннего средневековья и производственные участки с остатками обжигательных печей.

На первом участке были найдены остатки двух независимых друг от друга сооружений (табл. XXX₁). Первое сооружение, которое построено конгломератом и большими камнями из грубо обработанного песчаника (0,75—1,00 м × 0,5×0,2 м), относится к позднеантичной эпохе. Фундамент сооружений построен из булыжника, стены приблизительно до 1 м высоты построены конгломератом и большими камнями из песчаника, а выше применен сырцовый кирпич. Сооружение перекрыто красноокрашенными черепицами двух типов. План представляет собой правильный прямоугольник площадью 9,7 м × 7,55 м.

Второе сооружение, обнаруженное на этом участке с несколькими помещениями, построено в основном из булыжника с применением обломков конгломерата и песчаника. Сооружение перекрыто характерной для раннего средневековья плоской черепицей; редко встречается желобчатая черепица. Кладка стены елочная.

В остатках сооружений можно выделить три слоя. К первому (сверху вниз) слою относится целое сооружение вместе с церковью. Высота сохранившейся стены 0,7 м. Хорошо прослеживаются план сооружения, расположение помещений, кладка стен, входы, очаги, пристройки и др. Сооружение этого слоя состоит из 11 помещений различного назначения, одно из которых вместе с абсидой представляет собой церковь. Она непосредственно встроена в сооружение и соединяется с другими помещениями дверьми. С восточной стороны церкви имеется нартекс. Сооружение такого типа с встроенной церковью обнаружено впервые.

Сооружение с несколькими помещениями первого слоя получено в результате реконструкции сооружения второго слоя. Между этими слоями хронологически небольшой период времени.

Из третьего слоя выявлены лишь только две стены. Здесь тоже нет большой хронологической разницы.

В северной части первого участка расположен остаток здания, построенного большими камнями, которое состоит из двух небольших помещений. Думается, что этот остаток печи-мастерской и относится к более раннему периоду, так как стены второго сооружения надстроены позже.

На втором участке выявлены два независимых друг от друга сооружения с несколькими помещениями (табл. XXX₂). На этом участке городища сооружения построены также из булыжника. Кладка елочная, в стенах встречаются обломки песчаника. Сооружения были перекрыты плоскими черепицами с приподнятыми краями. По некоторым признакам, как например, подравнивание углов эти черепицы относятся к позднеантичной эпохе. Этот факт указывает, что традиции античной эпохи еще не забыты.

В остатках сооружений, выявленных на этом участке, имеются жилые помещения с очагами, залы площадью 120 кв. м., винные погреба и церкви. Следует особо отметить капители дорического ордера из базальта в южной пристройке церкви первого жилищного комплекса. По всей вероятности, эти капители относятся к IV—III вв. до н. э. и использованы вторично.

Особое внимание заслуживают материалы, обнаруженные на Горийском участке (табл. XXXI₁). Следует особо выделить из обнаруженных материалов обломки больших кувшинов, расписанных красной краской, посуду разных размеров и назначений, чашу с загнутыми краями, окрашенными в красный и коричневый цвета, и кувшины с воронкообразным горлышком. Тут же обнаружено большое количество красноокрашенной черепицы двух типов ручной лепки. Обнаружены также обломки железчатой черепицы очень большого размера, диаметр которой достигает 0,75 м.

Из материалов, выявленных на горийском участке, нужно особо отметить обломки греческой черно-лаковой керамики. На одном обломке нарисованы листья плюща и имеется изображение плода, а второй обломок горлышка тонкостенного сосуда с двумя греческими буквами является атической продукцией и датируется концом IV и первой половины III в. до н. э. Обломки чаши и блюда для рыбы малоазиатского происхождения, они датируются II в. до н. э. К этой эпохе относятся также обломки бальзамария и др.

Раскопки, проведенные в Настакиси, выявили, городище, существование которого до сегодняшнего дня было неизвестно. Совершенно очевидно, что Настакиси был городом, который возник на рубеже IV—III вв. до н. э., а может быть и несколько раньше. Это соотношение подтверждается наличием дорических капителей, камня архитрава, зданиями, построенными из тесанных камней, сырцового кирпича, конгломерата и песчаника, покрытыми черепицей ручной лепки, окрашенной в темно-красный цвет.

По раскопкам, проведенным в 1972—1974 гг., было выяснено, что длина городища — 1 км., а ширина — 600—700 м. Город достиг вершины своего развития в IV—VI вв. н. э. В это время сырец уже не встречается, и в качестве стройматериала применяются конгломерат, булыжник и песчаник.

Выявленные жилые комплексы с несколькими помещениями хорошо распланированы. В центре помещений имеются четырехугольные очаги, пол из утоптанной глины, в винных погребах по 8—10 кувшинов. Городище IV—VI вв. имеет свой могильник. Могилы сооружены из плит песчаника.

По раскопанным материалам, в каждом жилом комплексе одно помещение представляет собой церковь с хорошо выраженной абсидой. К церкви с западной стороны пристроены нартексы. До сегодняшнего дня не было известно жилое сооружение такого типа.

В шестом раскопе обнаружена церковь, которая имеет хорошо подравненный фундамент из булыжника. На фундаменте возведены стены из сырца. Здание было перекрыто покрашенными в красный цвет черепицами позднеантичной эпохи. Судя по этим признакам, церковь относится к III в. н. э. Это единственная известная церковь, построенная из сырца (табл. XXXI₂).

Очевидно, город был покинут населением, которое все забрало с собой. На территории городища не наблюдается каких-либо следов разрушения, как это встречается на территории сегодняшнего Мцхета. Здесь следует вспомнить слова летописца: «Когда Мцхета угасал, Тбилиси строился».

По материалам раскопок, проведенных в 1972—1974 гг., видно, что на территории Настакиси с IV в. до н. э. по VII в. н. э. существовало поселение городского типа. Дорические капители и камни архитрава указывают на то, что в эллинистическую эпоху в городе, распо-

ложенном на территории Настикаси, имелись архитектурно оформленные здания. А что касается найденных обломков посуды чернотеной керамики, то можно сказать, что на территории Настикаси к этому времени существовал экономически развитый город, в котором жили люди высокой культуры, большого вкуса и довольно состоятельные, которые могли позволить себе приобретать дорогостоящую посуду, завезенную издалека. Это открытие указывает на то, что город, обнаруженный на территории Настикаси, не является простым, посредственным городом.

В «Картлис цховреба» Настикаси упоминается в связи с событиями IV в. до н. э. «Войдя в Картли, Александр Македонский разместил свое войско в городах и крепостях, а сам остановился во Мцхета, войска расположились с севера на юг, с востока на запад, а сам остановился над Ксани, на местности, называемой Настикаси»⁴.

Из этого сообщения видно, что поле Настикаси должно быть называлось Мцхета, так как Александр Македонский со своим войском «остановился во Мцхета... над Ксани, на местности, называемой Настикаси». В связи с этим следует вспомнить, что по «Мокцевай Картлисай», «Александр Македонский оставил Мцхета сыну царя Картлонии Ариана — Азо. Азо, уходя к отцу, взял с собой 8 родов и обосновался в старом Мцхета»⁵. Исходя из этого, можно полагать, что существовал город, который отличался от нового Мцхета и упоминается как «старый Мцхета» и что этот город не был расположен на территории сегодняшнего Мцхета. Для подтверждения этого соображения, можно привести сведения, сохранившиеся в «Картлис цховреба», в котором речь идет о деятельности Азо: «Азо разрушил ограды города Мцхета и оставил четыре крепости, из которых первая — основная крепость — Армази, вторая крепость расположена у конца Армазской, третья над Мцхета, а четвертая с западной части Мцхета, над Курой. Азо укрепил эти крепости и заполнил войсками»⁶.

В этом сведении отчетливо именуются две крепости Армази, из которых одна является армазской крепостью, а другая, должна быть была расположена на территории «Мта-Картли», где сохранились развалины крепости до наших дней. Предполагают, что третья крепость — это «Бебрисихе». А что касается интересующей нас четвертой крепости — она расположена на западной стороне и именуется «Мцхетой над Курой». Так как эта крепость является Мцхетой и расположена с западной стороны Армази «над Курой», получается, что кроме Мцхета, расположенной около слияния Куры и Арагви, существовала вторая Мцхета с западной стороны «над Курой». Следовательно, было два Мцхета и оба расположены были на берегу Куры. Если внимательно посмотреть вдоль побережья Куры, с запада Армази можно заметить два известных городища эллинистической эпохи, первое из которых Саркине, которое К. Григолия считает четвертой «крепостью Мцхета»⁷. Исключается, что это городище «крепость Мцхета», так как город Саркине имел собственную крепость. Кроме того, раскопки подтверждают, что Саркине был хорошо защищенным большим городом.

⁴ Картлис цховреба, т. I, стр. 18.

⁵ Мокцевай Картлисай, стр. 81.

⁶ Картлис цховреба, стр. 19.

⁷ К. Григолия. Новая история Картли. 1956.

Еще дальше к западу расположена гора «Самадло», которая несмотря на разрушения, сегодня хорошо известна, как сильный, населенный пункт эллинистической эпохи. По выявленным материалам, на этой территории, а также по вышеназванным источникам, мы предполагаем, что гора Самадло и городище, выявленное на поле Настакиси, не что иное, как «Старая Мцхета», первая Мцхета, «Старый город». Перечисленные наименования являются синонимами и представляют одну и ту же местность. Таким образом, по существующим источникам и проведенным раскопкам за последние годы, мы приходим к заключению, что «первая Мцхета», «Старая Мцхета», «Мцхета над Курой» была расположена у слияния Куры и Ксани на обоих берегах Куры и являлась первой, древней столицей Картли⁸. Этим объясняется тот факт, что в древнегрузинской исторической письменности именно Настакиси, а не другое, являлось местом, где происходили большие перемены в IV в. до н. э., описанные в исторических источниках в связи с походом Александра Македонского, так как существующий здесь город являлся одним из основных участков «Старой Мцхеты» — первой столицы Царства Картли.

* * *

В 1971—1974 гг. раскопки проводились на территории городища Саркине, которое расположено в восьми километрах с западной стороны от сегодняшнего Мцхета, на левом берегу Куры, в окрестностях монастыря Шиомгвиме, на юго-западном склоне хребта, называемом Саркинети. Территория города защищалась природными укреплениями, оврагами и оградой, построенной сырцовым кирпичом.

Город Саркине упоминается в древних источниках неоднократно. По хронике «Мокцевай Картлисай», Саркине относится к числу древних городов, который существовал во время похода Александра Македонского в Картли. По этому источнику, Александр Македонский «увидел грозных родственников бунтурков, восседавших над Курой»; четыре города — Саркине, Каспи, Урбниси, Одзрахе и их крепости — Цихедиди города Саркине, Уплисхихе — города Каспи и городов Урбниси и Одзрахе⁹. Из этого источника хорошо видно, что Саркине был независимым, сильным и хорошо укрепленным городом, который Александр Македонский не мог покорить. «Пришел Александр Македонский царь всей страны и разрушил три города со своими крепостями. С городом Саркине борьба продолжалась одиннадцать месяцев, но без результата, и остановился он с западной стороны города»¹⁰.

В летописи «Картлис цховреба» город Саркине упоминается в связи с событиями, которые происходили до Александра Македонского. Леонтий Мровели описывает, как обратились турки, изгнанные из Персии, к «мамасахлиси» Мцхета и попросили место для поселения. «Мамасахлиси», посоветовавшись со всеми грузинами, «выделили место в западной стороне Мцхета, высеченное среди скал... оградил место это и назвали Саркине»¹¹.

⁸ В связи с локализацией «Старой Мцхеты» нами подготовлена специальная работа, которая будет опубликована в ближайшем будущем.

⁹ Мокцевай Картлисай, стр. 81.

¹⁰ Там же, стр. 81.

¹¹ Картлис цховреба, т. I, стр. 15.

Далее, в летописи «Картлис цховреба» рассказывается о походах Александра Македонского в Картли и перечисляются города Картли, среди которых неоднократно упоминается Саркинэ. Большинство исследователей считает Саркинэ участком Мцхета, что вполне справедливо опровергается Л. Чилашвили.

В летописи сохранилось несколько сведений, указывающих на то, что Саркинэ был независимым, сильным и хорошо защищенным городом. Александр Македонский покорил города Картли и окружил Саркинэ. Одиннадцать месяцев защищали жители Саркинэ свой город. Когда стало очень трудно, как передает летописец, жители города были вынуждены прорубить скалу и уйти, оставив пустой город¹².

Описанные события, должно быть, происходили во второй половине IV в. до н. э. В дальнейшем город Саркинэ в источнике не упоминается. Можно полагать, что город прекратил существование.

Археологические раскопки, проведенные на территории городища Саркинэ, выявили территорию города, его границы, систему укрепления, тип поселения, планировку, развитие и культурно-экономический уровень.

Первым долгом бросается в глаза стратегическое значение территории, выбранной для постройки города. Город занимает территорию свыше двух десятков гектаров. По месторасположению, системе укрепления и архитектурному оформлению. Саркинэ типичный представитель городов того времени. Так как городище расположено на склонах горы, жилые постройки и помещения разного назначения расположены на искусственно созданных террасах.

По результатам раскопок можно точно определить, что основным материалом для постройки зданий здесь служило дерево. Редко встречаются обтесанные камни из песчаника и сырцовый кирпич. Применены также камни черноватого цвета из местных скал, которые не обрабатываются, рассыпаются. Стены, построенные из таких камней, сохранились до наших дней. Кладка сухая, следов соединительных материалов не обнаружено.

На пятом участке, который находится в центральной части городища, раскопки закончились (табл. XXXV). Выявлены насыпи черепиц, которые имели форму плана строения. После уборки черепиц обнаружили пол из утопанной глины, следы больших бревен из деревянных конструкций и железные гвозди с плоскими головками.

Из раскопанных на этом участке сооружений хорошо вырисовывается план одного строения, в юго-западной части которого в 1972 г. были обнаружены маски и остатки терракотовых скульптур. Восстановление плана других зданий затрудняется из-за неимения капитальных стен. На этом же участке было обнаружено своеобразное устройство стен, не встречавшееся до сих пор. Панцыри стен были возведены бревнами или толстыми досками, свободное пространство между ними заполнено щебнем местной скалы. Толщина такой стены не превышает 0,9 м.

Строения, расположенные на территории городища, были перекрыты красноокрашенными черепицами двух типов — плоскими, с приподнятыми краями и желобчатыми. Встречаются также черепи-

¹² Картлис цховреба, т. I, стр. 15.

цы различных форм и размеров, которые отличаются и хронологически.

Черепицы первого типа сделаны из отмученной глины, хорошо выжжены, желтоватого цвета, с приподнятыми низкими краями, а колена короткие, выведены красиво. Над коленом угол черепицы округлой формы, длина 54—56 см.

Черепицы второго типа не отличаются от первого. Только здесь колена не выведены, они срезаны прямо и верхняя часть образует угол.

Черепица третьего типа широко распространена в Восточной Грузии, античной эпохи. Изготовлена из отмученной глины в форме, хорошо выжжена, длина 47 см.

По этим описаниям видно, что черепицы первого типа изготовлены в конце IV в. и в первой половине III в. до н. э. К концу III в. и началу II в. до н. э. более распространенной является черепица второго типа, а с II в. до н. э. до IV н. э. применяется черепица третьего типа с некоторыми изменениями.

Желобчатые черепицы тоже бывают трех различных типов по размеру и форме. На территории городища еще не встречается черепица ручной лепки.

Гигантские желобчатые черепицы первого типа диаметром 42 — 48 см и длиной 50—55 см применялись в качестве кровки заградительных стен.

Черепица второго типа сравнительно меньшего размера, длина составляет 47 см, имеются некоторые различительные черты от черепицы первого типа.

Черепица третьего типа меньшего размера. Остальные черты те же, что и у черепиц второго типа.

Вышеописанные гигантские черепицы хронологически не отличаются друг от друга. Они вместе применялись долго — от начала III в. до н. э. до III в. н. э. включительно.

Во время раскопок, проведенных в 1971—1974 гг. на территории городища были обнаружены уникальные материалы, которые очень важны при изучении культурно-экономических вопросов как города, так и Картлийского царства. Из материалов, найденных в третьем раскопе, можно назвать: стеклянные чаши, среди них и александрийского происхождения, обломки фаянсовых и краснолаковых пиал. На пятом участке под обваленными крышами на уровне пола были обнаружены: обломки масок (сделанных из глины), и терракотовых скульптур, украшения из костей, серебряный колокольчик, бронзовые петли от шкатулки для хранения драгоценностей, обломки мегарских чернолаковых чаш, обломки амфориска малоазиатского происхождения, золотые бусы и подвески, килиты, розетки, бипирамидные бусы и стружки, серебряная пряжка, бронзовая розетка, кольца, глиняные поддувала, железные наконечники стрел, четырехгранные гвозди с плоскими головками и др.

Вышеперечисленные вещи по аналогии датируются концом II и началом I в. до н. э.

Из материалов, выявленных на территории Саркинэ, уникальными являются маски и терракотовые скульптуры. Более-менее восстановлены четыре маски и две терракотовые скульптуры, одна восстановлена частично, осталось несколько десятков обломков.

Терракотовая скульптура мужчины имеет выпуклую грудь, одежда из тонкой ткани, на груди покоится кисть левой руки, с правой стороны имеется петля, один конец которой изображает ногу козы, лоб украшен лентой, в волосах по обеим сторонам лба выведены маленькие рога. Скульптура изображает юношу. Это молодой бог — бог-покровитель растений, виноградарства и виноделия. Высота скульптуры 38,5 см (табл. XXXII₁).

Терракотовая скульптура женщины тоже представлена по пояс. Одевание из тонкой ткани, на плечах накидка, с правой стороны имеется петля, один конец которой изображает ногу козы, на лице грустная улыбка. Скульптура изображает молодую женщину — эта жена Диониса Ариадне. Высота скульптуры 38 см (табл. XXXIII₂).

Маска, изображающая женщину, имеет лицо овальной формы, вместо ушей выведены листья лозы, на которых вылеплены виноградные гроздья. Широко открытый рот указывает, что женщина с чувством поет (табл. XXXIII₁).

Маска изображающая женщину, имеет лицо овальной формы, на голове повязана широкая лента, которая у виска скрывается в локонах. Уши изображены продолговатым треугольником. Лицо в движении, создается впечатление, что женщина поет (табл. XXXIII₂).

Была выявлена еще одна маска, аналогичная вышеописанной. Разница только в прическе (табл. XXXIV₁).

Маска мужчины — лицо представляет широкий овал, голова покрыта шапкой, лицо в движении, создается впечатление, что он поет с грозным выражением (табл. XXXIV₂). Все маски натуральной величины, размером с голову человека.

Часть маски — сохранились только лоб, правый глаз, волнистая шевелюра и башнеобразный головной убор. Полагаем, что эта маска изображает богиню земледелия и плодородия — Деметру.

Маски и терракотовые скульптуры, изготовленные из чистой отмоленной глины в форме, покрашены были в красный цвет.

Изображения Диониса и Ариадны всеми признаками связаны с греко-римской культурой, а маски, должно быть, изображают местный типаж. Это прежде всего можно сказать о маске мужчины. Сморщенный лоб, нос с горбинкой и головной убор не имеют ничего общего с масками, распространенными в греко-римском мире. Здесь сказывается слияние эллинистического мира с местной культурой.

Кроме изображения Диониса и Ариадны, все маски даны в движении и создается впечатление, что они поют. Можно предполагать, что подобно эллинистическим маскам, маски, выявленные в Саркине, изображающие сильные эмоции и богатую мимику, не представляют собой маски актеров. Это предположение подтверждается тем фактом, что они не имеют глазных дыр. Их применяли в качестве декора в интерьерах, и они были размещены на стене в один фриз. Все маски на затылке имеют две дырки для подвешивания их на стене. Странные, в развалинах которых были обнаружены эти маски, были деревянные, очевидно, культурно-административного назначения. По всем признакам, выявленные маски и терракотовые скульптуры датируются II в. до н. э.

Судя по выявленным материалам, город Саркине по развитию и культуре стоял на уровне городов эллинистического мира.

Результаты археологических исследований, проведенных в 1971—1974 гг., дают возможность дополнить список городов античной эпохи, существование которых было неизвестно в древнегрузинских исторических источниках. К таким городам относится выявленное нами городище античной эпохи в районе Мцхета, на Мухранской долине, на берегу реки Нареквави. Городище расположено в окрестностях села Дзалиси¹³.

Раскопки подтвердили существование большого города. Хорошо выявлены архитектурное лицо и планировка города; развалины дворцового, храмового, жилого сооружений, которые построены сырцовым кирпичом и перекрыты черепицами, стены оштукатурены и разрисованы; главный коллектор канализации и канализационная система, водопровод; баня, пол которой покрыт мозайкой; улицы и площади, вымощенные кирпичом, и др.

В 1972—1973 гг. была раскопана баня с мозаичным полом, которая в плане представляет четырехугольник. Хорошо сохранился гипocaust, построенный булыжником и песчаником на известковом растворе.

Баня представляет собой симметричное здание, состоящее из трех отделений. Отделения в плане дают продолговатые овалы. Длина ванного отделения вместе с абсидной составляет 5 м, ширина 2,45 м. Ванная расположена в северной абсиде. Стены абсиды вдвинуты от продольных стен на 0,27 м. Аналогично построены теплый и горячий отделы.

Ванна от ванного помещения отделена перегородкой, которая построена кирпичами в один ряд. Сохранившаяся часть этой перегородки высотой в 5 кирпичей. Для входа в ванную сделана одна ступень. В юго-западном углу ванной комнаты, на месте соединения ступеньки, сделана площадка.

Пол ванного помещения сделан мозайкой из мелких камушков семи цветов. Мозайка окаймлена двумя широкими бордюрами, шириной 4,8 м, цветные камушки разложены в шахматном порядке. В пространстве между каймами, шириной 10,5 см, изображен растительный орнамент — цветы и ветки (табл. XXXVI₁).

На расстоянии 3,5 см от двойных бордюров имеется еще одна кайма, шириной 2,5 см. Остальная часть мозаики изображает морскую фауну. Хорошо вырисовываются ракушки, голова дельфина, сеть и рыбы.

Ванная соединена с теплой баней дверью. Пол теплой бани сооружен на калориферах, в длину расположено 11 рядов калориферов, а в ширину 5 рядов, расстояние между ними 35—40 см.

Теплая баня отделена пилонами и квадратными столбами от горячей бани. Пилоны построены вдоль северной и южной стен плоскими кирпичами на известковом растворе. Между пилонами два квадратных кирпичных столба высотой в 1,08 м. Пилоны и столбы на уровне пола были перекрыты большими обтесанными камнями, на которых возведена кирпичная перегородочная стена.

Пол горячей бани сооружен также на калориферах, в длину имеется 9, а в ширину 5 рядов. Столб калорифера, построенный из плоских

¹³ Вопрос о локализации Дзалиси освещен нами в статье, которая будет опубликована в ближайшем будущем в журнале «Мнатоби».

плит содержит 20, а из круглых — 19 кирпичей. Они связаны известковым раствором (табл. XXXVI₂).

Пол бани сделан из больших керамических плит (0,56 см × 0,58 см × 5 см), которыми покрыты сверху калориферы. На нем налит известковый раствор толщиной 10—12 см.

С восточной стороны бани имеется топка. Для того, чтобы удобно было спуститься истопнику, сделана лестница из двух ступеней. Над топкой расположена «котельня», в которой хорошо прослеживается обмазанная известковым раствором площадка с закругленными углами длиной 1,3 м и шириной 0,85 м. Площадку окаймляет изоляция из вставленных в стенку с двух сторон плоских керамических плит. Свободное пространство между плитами заполнено известковым раствором.

Стены были оштукатурены известью снаружи и внутри; внутри помещение отделено керамическими квадратными плитками, имеющими 5—9 см-ые выступы, которыми они закреплены в стены таким образом, что между ними остается свободное пространство. Плитки снаружи обмазаны известковым раствором. Между плитками и стеной проходил горячий воздух, нагревавший баню. Через свободное пространство нагретый воздух попадал в «горячую баню» третьего отделения посредством вертикально вставленного в абсиды обыкновенных керамических водопроводных труб.

Баня, по-видимому, ремонтировалась неоднократно. Пол, находящийся в абсиде, содержит несколько слоев, из них хорошо заметны два слоя. Считаем, что за долгое время существования баня ремонтировалась капитально по крайней мере два раза.

Во время очистки бани были обнаружены обломки черепиц обоих типов позднеантичной эпохи; плоские четырехугольные кирпичи; обломки лутериума и кувшин; обломок бронзового зеркала и костяная игла. По обнаруженным материалам можно с уверенностью сказать, что это здание относится к позднеантичной эпохе, датируется II в. н. э.

Баня, по-видимому, принадлежала богатому и влиятельному человеку, занимавшему высокое положение в обществе того времени, так как даже в резиденциях царя бани не имели мозаику.

На втором участке раскопан комплекс бани, состоящий из нескольких строений. Сохранились пол и цоколь первого сооружения, построенные из хорошо обтесанных больших плит туфа. Более или менее сохранились два отдела этого строения. Первый условно назван алтарной частью, а второй представляет собой атриум. Если судить по пристройкам и надстройкам с восточной и западной сторон, то это сооружение можно считать частью большой бани. Во всех случаях после реконструкции бани сооружение с полом из обтесанных камней было непосредственно ее частью (табл. XXXVII₁).

Алтарная часть в плане представляет прямоугольник, длина 9,95 м, ширина южной части 2,6 м. С северной стороны пристроен выступ длиной 3,2 м и шириной 2,22 из обтесанных камней туфа. В пристройке проход расположен между двумя колоннами шириной 1,38 м. В северной стене алтарной части для отмеченных колонн встроены две базы. К северу от базы на расстоянии 1,16 м были возведены колонны. Такие же колонны стояли в восточной и западной сторон базы, на что указывает четырехугольная площадь с вырытыми в центре ямами.

В пристройке, на расстоянии 1,98 м от цоколя северной стены, вырыта яма диаметром 0,45 м. Можно полагать, что в этой яме на пьедестале стояла скульптура какого-то бога.

К вышеописанному алтарному отделению с востока пристроен атриум. Сохранился пол атриума из обтесанных камней, который находится на 15 см ниже пола алтарной части. Атриум в плане почти четырехугольный (7,75 м × 6,96 м). В центре сделан низкий четырехугольный бассейн для фонтана. Бассейн обведен бордюром. В камнях, расположенных в углах, имеются по две ямы (4 см × 4 см × 5 см). В углах бассейна находились четырехугольные колонны. Вода поступала из северо-западного угла и стекала в канализационный коллектор в юго-восточном углу.

От юго-восточного угла на расстоянии 1,70 м, для контроля канализационного коллектора, в полу сделано круглое отверстие диаметром 0,4 м, покрытое каменной крышкой.

Второе строение представляет собой баню, пристроенную с западной стороны к первому. Сохранился гипocaust бани из булыжника на известковом растворе. Раскопками, проведенными в 1974 г. (они пока не завершены), обнаружены три отделения бани — холодное, т. е. ванная, теплое и горячее. Северная стена бани построена фундаментально. Восточная стена надстроена на цоколь первого строения с полом из обтесанных камней. С южной стороны все три отдела имеют красиво округленные абсиды. Баня была построена кирпичом. Стены с обеих сторон оштукатурены известковым раствором. Видно, что баня ремонтировалась неоднократно.

Пол в ванном отделении имеет два уровня, второй пол находится выше первого на 0,6 м. Сооружение второго пола связано с общей реконструкцией бани. Хорошо заметно, что здание с полом из обтесанных камней вошло в комплекс бани во время реконструкции. В это время проведен также канализационный коллектор под пол первого сооружения, чем и вызвано повреждение цоколя и пола.

Длина ванного отделения вместе с абсидой составляет 6,3 м, ширина 3,65 м. Ванная занимает почти половину отдела и расположена в абсиде. В северо-восточном углу ванны имеется площадь. В юго-восточном углу на уровне пола в стене находится труба, по которой грязная вода стекала в канализационный коллектор. Впоследствии в этом отделе ванная была ликвидирована и сделан пол из плоских кирпичей. Ванная в этот период, непосредственно была связана с первым строением дверью.

Ванная отделена стеной от теплой бани и имеет дверь шириной 0,95 м. Под полом теплой бани в длину размещены 11, а в ширину 7 рядов калорифера. Большинство из них из плоских кирпичей. Кирпичи разных размеров связаны между собой известковым раствором. Встречаются и круглые калориферы. До нас сохранились столбы из 19 кирпичей.

Теплая баня отделена от горячей бани стеной. Этот отдел является аналогичным теплой бане. Раскопана лишь только его часть. В северо-восточном углу была очищена топка, выложенная кирпичами и оштукатуренная известковым раствором.

После реконструкции первое строение стало непосредственной частью банного комплекса. На периметре первого строения сделали надстройку из булыжника на известковом растворе. Видно, что строители максимально старались, чтобы первое строение было похожим на баню. Поэтому надстроенная стена на южной стене строения с ал-

тарем имеет некрасивую абсиду, а к продольным стенам пристроены пилястры.

Как видно из раскопок, чуть позже в северо-восточном углу к бане и к первому строению были пристроены две стены и тем самым получилось большое сооружение с двумя помещениями, которые имели дверь с северной стороны и двухступенчатую лестницу.

С восточной стороны атриума, на расстоянии 0,8 м была выявлена часть строения из булыжника на известковом растворе, с толщиной стены 0,3 м. Выявлены 15 столбов из круглых калориферов, над которыми сделан пол известковым раствором.

В северной части второго участка обнаружены остатки нескольких строений различного назначения, построенные сырцовым кирпичом. Сохранились фундаменты из булыжника и водопроводы из глиняных труб.

На этом участке было выявлено архитектурно оформленное большое здание типа дворца, фасадом к юго-западу. Со стороны фасада строения имелись колонны. Были раскопаны четыре базы, высеченные из базальта, на которых были возведены деревянные или каменные колонны диаметром 28 см.

В восточной части строения типа дворца, на расстоянии 10 м в разведочной траншее была обнаружена мозаика, сделанная из мелких камушков пяти цветов.

Между комплексом бани и строением с колоннами были выявлены фундаменты сырцовых стен; трубопроводы канализации и водопровода, толстые слои золы и угля, что свидетельствует об уничтожении города. На этом участке заметны хорошо отдаленные друг от друга пять слоев. Первые три слоя, вместе с остатками строения относятся к I—IV в. н. э., последующие два слоя образовались до VII века (табл. XXXVIII₂).

Остатки строений, раскопанные на пятом участке, связаны с предполагаемым комплексом дворца (табл. XXXII₂).

Все строения, раскопанные на территории городища, были перекрыты черепицами. Обнаружено большое количество обломков красно-окрашенных черепиц обоих типов.

Во время раскопок, проведенных на территории Дзалиси, было обнаружено большое количество обломков керамической посуды, оконных стекол и стеклянных сосудов; железные гвозди, круглые маленькие светильники. Эти материалы дают возможность определить период существования городища.

Выявленное на втором участке первое строение с полом из обтесанных камней туфа по характеру и технике строения датируется I—II вв. н. э., а банный комплекс и другие постройки относятся ко II—IV вв. Предстоящие раскопки дадут возможность уточнить хронологию городища.

Материалы выявленные в 1971—1974 гг. указывают, что на Мухранской долине, на территории сегодняшнего Дзалиси, на берегах реки Нареквави существовал архитектурно богато оформленный экономически и культурно высокоразвитый город. По обнаруженным материалам город относится к I—IV вв. н. э. В IV веке город был разрушен, сожжен и покинут.

Выявленное нами городище в древнегрузинских исторических источниках упоминается как «Мухнарит кердзи калаки», что можно считать эквивалентным «Дзалиса» по Птоломею. Город расположен на

территории сегодняшнего Дзалиси; был резиденцией спаспета Картли, а в период двоецарствия — царей Картли¹⁴.

Таким образом, материалы, выявленные экспедицией, чрезвычайно важны для изучения истории царства Картли античной эпохи, для исследования культурно-политических и социально-экономических вопросов и градостроительства.

¹⁴ Данный вопрос широко освещен в труде «К вопросу локализации Дзалиси».

Г. М. НАСИДЗЕ

СЕЛИЩА В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВ ЛЕСНЫХ ДОРОГ БОРЖОМСКОГО РАЙОНА

(таблица XXXVIII)

Боржомский район является частью южногорного массива Восточной Грузии.

Узкие склоны Боржомского ущелья, расположенные вдоль реки Куры, изрезаны многочисленными речками и оврагами. Благодаря своему географическому расположению это ущелье стало основным связывающим звеном между Картли и Самцхе, поэтому понятно то большое стратегическое значение, которое ему придавалось с древнейших времен. Это подтверждается развалинами крепостей и башен, которые часто встречаются на этой территории.

С 1968 года в Боржомском районе Государственный комитет лесного хозяйства при Совете Министров Грузинской ССР для вывоза леса начал строить дороги в лесных массивах. Первые метры строившихся дорог показали, что при строительстве будут повреждены многие памятники материальной культуры, поэтому было решено, на основании Постановления Совмина СССР от 1948 года «Об охране памятников материальной культуры» перечислить институту истории, археологии и этнографии соответствующую сумму для проведения археологических исследований на территории строящейся дороги.

Исследование показало, что распространенные в Боржомском ущелье сельские жилища в корне отличаются планировкой и техникой строительства от известных до сих пор жилых помещений Восточной Грузии.

Селище Надикреби расположено на правом берегу р. Куры ниже с. Чобисхеви. Оно занимает большую территорию, здесь имеются многочисленные сохранившиеся следы комплексных построек, расположенных, как правило, на террасе.

На селище раскопан жилой комплекс нижней террасы. В его состав входят: две ложнокупольные постройки из крупных подогнанных друг к другу каменных глыб без скрепляющегося раствора, которые в плане имеют круглую форму и две четырехугольные жилые комнаты, кухня, два марапи (винохранилище), трапезная, хлев и передняя.

При раскопках было установлено наличие трех культурных слоев, отделенных друг от друга стерильными прослойками толщиной в 0,2 — 0,3 м.

Ложнокупольные постройки, как уже указывалось, выстроены из крупных, плотно подогнанных друг к другу, не обработанных каменных глыб.

Кладка полигональная, сухая, без скрепляющего раствора.

С основания постройки начинается сужение каждого последующего ряда камней и постепенное замыкание купола. При этом тщательная подборка каждого последующего ряда камней создает овальную поверхность покатых стен и перекрытия. Техника кладки основана на равномерном распределении силы тяжести, при этом, величина перекрывающих камней постепенно возрастает кверху и создает ложный конусообразный купол.

Диаметр первого ложнокупольного помещения равен 4,8 м, а высота сохранившихся стен 3 м. Керамика из этого помещения представлена обломками мисок, чашек и т. д. Встречаются обломки поливной керамики, которые украшены геометрическим и растительным орнаментом. Присутствует и хозяйственно-бытовая керамика, среди которой можно выделить столовую и винную хозяйственную посуду. Керамика из верхнего слоя многочисленными аналогиями (Рустави¹, Дманиси², Начивчаеби³, Испнани⁴) датируется XI—XIII вв.

Второй нижний слой отделен от первого стерильной прослойкой — 0,25 см. Пол глинобитный. Обнаруженный керамический материал также представлен обломками столовой и винной керамики, но датируется VIII—X вв. и аналогичен керамическим изделиям из Урбниси⁵, Уплисхихе⁶, и т. д.

Третий (самый нижний слой) дал материалы явно ранее средневекового периода⁷.

В этом же слое была обнаружена круглая глиняная печь, типа «тоне», которая, по-видимому, использовалась для подогрева жилья ($K=0,36$ м, $D=0,45$). Глиняные обломки по нашей просьбе были изучены кандидатом физико-математических наук З. Челидзе по методу археомагнетизма и датированы IV—V вв.

Перед первым круглопланным помещением расположено прямоугольное помещение — дарбазы (6,5×м 5).

В нижнем слое этого помещения, были выявлены каменные три базы для поддержания трех столбов. В центре дарбазы был обнаружен центральный очаг. Недалеко от очага было найдено безынвентарное детское погребение. В этом слое керамический материал датируется раннесредневековым. На глинобитном полу была обнаружена агатовая гемма, которая отнесена кандидатом исторических наук М. Н. Лордкипанидзе к позднепарфянскому и раннесасанидскому времени (III—IV вв.).

Второе ложнокупольное помещение по своим размерам меньше, чем первое ($K=3,5$). Оно построено такой же техникой, как и пер-

¹ Г. А. Ломтадзе. Основные результ. археологическ. работ в г. Рустави. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I. Тбилиси, 1955.

² В. В. Джапаридзе. Грузинская керамика (XI—XIII), Тб. 1956.

³ И. А. Гдзелишвили. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1965.

⁴ Г. М. Насидзе. Раскопки крестьянской усадьбы эпохи Руставели в селище Испнани (Болнисский р-на, Нижняя Картли); МСб. Археологические памятники феодальной Грузии, I. 1969.

⁵ Л. А. Чилашвили. Городище Урбниси, Тбилиси, 1962.

⁶ Д. А. Хахутаишвили. Уплисхихе. Тбилиси, 1964.

⁷ Обломки керамических сосудов, мисок и т. д. сходные с материалами того же периода из Урбниси, Уплисхихе и т. д.

вое, но связано с хозяйственными постройками, и вокруг него располагаются два марани и кухня. Материал, добытый при раскопках этих помещений синхронен с материалами комплекса, но в этих хозяйственных помещениях очень хорошо прослеживается разница в строительной технике, т. е. стены марани № 1 выстроены из больших необработанных каменных глыб, без применения какого-либо раствора, но дверной проем этого помещения заглушен и заглушка полностью отличается от остального строения, при его возведении строитель употребляет уже небольшие камни, а маленькие каменные квадратики, точно такие, каким построена винодавильня. Прослеживается и глиняный скрепляющий раствор. Поднятый материал из Марани датируется XI—XIII вв., так что переделка этого помещения должна совпадать с этим отрезком времени. В марани были обнаружены 6 квеври (винные глиняные сосуды), 2 больших и 4 маленьких. В марани было засвидетельствовано наличие каменного пресса, употребляемого для полного выжима виноградного сока.

В марани № 2 были обнаружены 4 квеври и «харо» (хранилище для зерна), а также зернотерка. И во втором марани прослеживаются строительные переделки, которые относятся XI—XIII вв.

В марани № 1, около заглушенного дверного проема, был обнаружен скелет человека и плохо сохранившиеся кости маленького ребенка. Скелет был поврежден, ибо на его останки был вставлен винный кувшин (квеври), поза скелета и его положение, по направлениям света, дала возможность нам предположить, что он не был погребен, а был убит и оставлен на полу помещения. После длительного периода, то есть в XI—XIII веках, это помещение было переделано под винохранилище, в землю вставлен квеври, не подозревая, что в нижнем слое, на глинобитном полу имеются останки человека, возможно жильца этого комплекса.

Второе четырехугольное жилое помещение по своей технике строительства отличается от основного комплекса тем, что и оно построено из маленьких камней на глиняном растворе. Материал, добытый из этого помещения, датируется XI—XIII вв., и состоит из одного культурного слоя. Как видно, в XI—XIII веках семья очень возросла, стала многочисленной и владельцы пристраивают жилое помещение.

Наличие в комплексе большого хлева (10 м × 3 м), костных остатков крупного рогатого скота должно свидетельствовать о развитом скотоводстве.

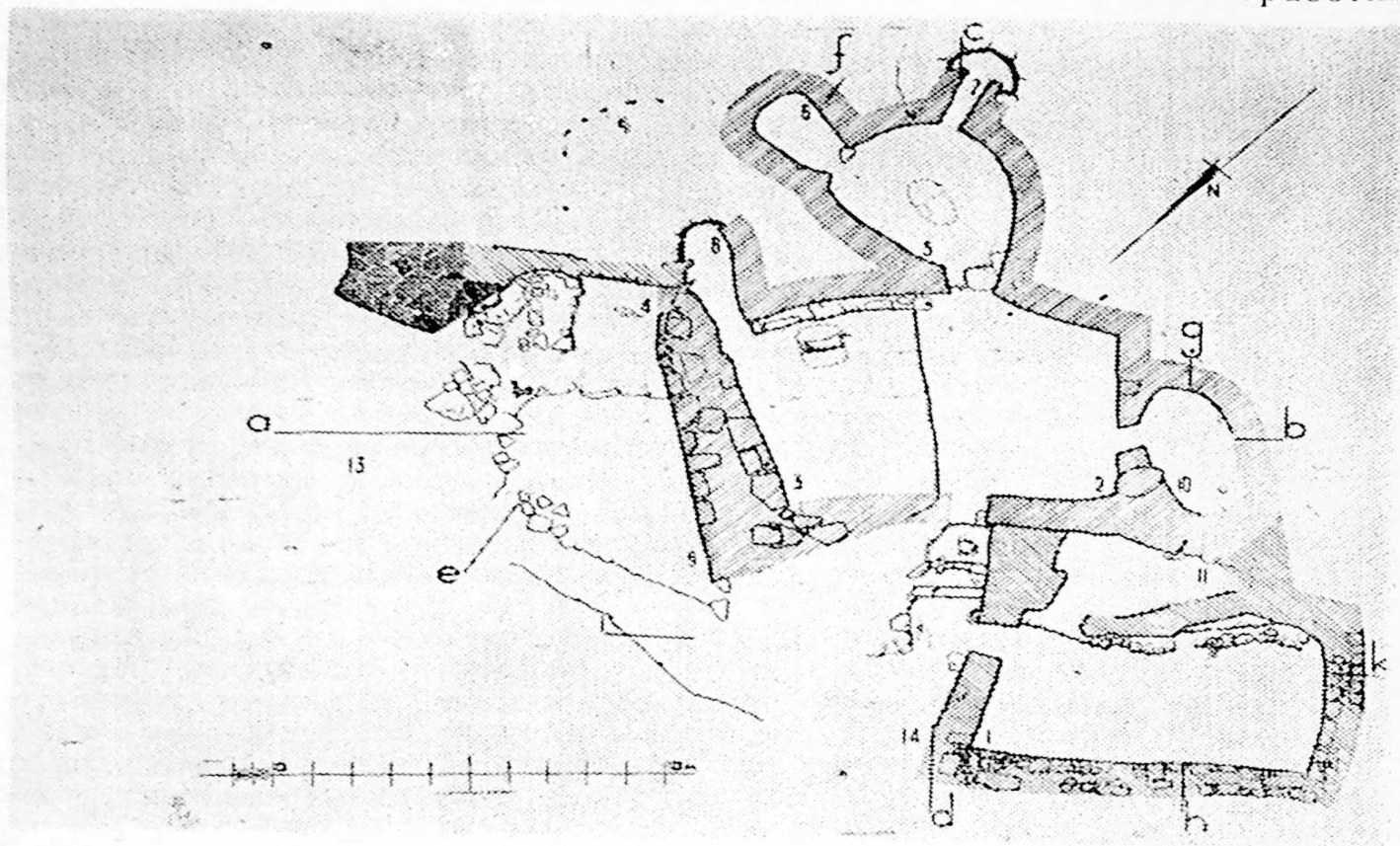
Засвидетельствованный здесь различный хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода свидетельствуют о том, что в свое время в этом селище основное место должно было занимать многоотраслевое хозяйство. Примечательно, что наличие в этом комплексе двух марани говорит о том, что в среднефеодальную эпоху в этом, теперь безвиноградном микрорайоне, виноградарство носило довольно интенсивный характер и стояло на высоком уровне.

Недалеко от селища Надикреби I, на возвышенном месте расположился жилой комплекс Надикреби II, который является как бы связывающим звеном селищ Надикреби I и II.

Ведущей формой жилого помещения и в этом селище является круглоплановая конусообразная форма.

Жилой комплекс (Надикреби II) отличается от жилищ крестьян (Надикреби I) более лучшей техникой строительства. Он состоит из 14-ти помещений. Центральным помещением является ложнокупольное помещение (д=5,8 м), которое полностью сохранилось (h=4.30).

С основания постройки начинается сужение каждого последующего ряда камней с постепенным замыканием купола. Тщательная подборка камня каждого последующего ряда и специальная обработка

Гогичантселе (план).

их поверхностей создает овальную поверхность покатых стен и перекрытия. Как и в других куполообразных строениях, здесь техника кладки основана на равномерном распределении силы тяжести, при этом, величина перекрывающих камней постепенно возрастает кверху и создает конусообразный ложный купол.

К ложнокупольному строению с севера-востока плотно примыкает маленькая церковь. В виду того, что церковь безраздельно вписывается в план вышеуказанного комплекса, ибо юго-западная стена церкви является неразделимой с северо-восточной стеной основного помещения, она нами была сочтена как придворная церковь.

Как правило, церкви строились с таким расчетом, чтобы абсида выходила на восточную сторону. Строители вышеуказанной церкви нарушили эту истину, и церковь своей абсидой отклонена от востока на 55° к северу. Такое отклонение не ошибка строителя, а его преднамеренное действие с той целью, чтобы в центре абсиды оказалась огромная глыба камня, которая находилась на 30 см впереди от основной стены абсиды.

Во время раскопок под церковью были обнаружены остатки помещения, строительная техника которого очень сходна с техникой основного комплекса, что подтверждает принадлежность этого помещения к комплексу. Строителями церкви оно было использовано в качестве фундамента. Церковь датируется К. Мелитаури V—VI вв.

А. Н. КАЛАНДАДЗЕ, К. С. КАЛАНДАДЗЕ

БЕЛАЯ ПЕЩЕРА

(по раскопкам 1974 г.)

(таблицы XXXIX—XL)

В середине января 1974 г. в институте истории, археологии и этнографии им. акад. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР стало известно, что Главное управление заповедников и охотничьего хозяйства при Совете Министров Груз. ССР намерено производить благоустройство Белой пещеры (в окрестностях г. Цхалтубо) известной нам наличием следов человеческой культуры глубокой древности¹. Упомянутое ведомство к тому времени уже приступило к подготовительным работам (проводка и асфальтирование подъездных путей, устройство площадки для стоянки автомашин, строительство трансформаторной будки электропередачи и др.). Следующий этап строительства предусматривал пробивку входа в подземелье, монтирование спусковой лестницы, устройство площадок и тропинок для посетителей, а также системы освещения этой редкой карстовой полости. Проведение всех этих мероприятий, естественно, могло повлечь за собой нарушение культурных слоев, порчу и уничтожение памятников культуры. С целью выяснения на месте состояния и характера памятника, Институт незамедлительно командировал в Цхалтубо младшего научного сотрудника К. С. Каландадзе, которому путем закладки пробных шурфов, удалось установить наличие энеолитического культурного слоя, содержащего весьма интересный, разнообразный археологический материал. Ввиду этого, проведение археологических раскопок в Белой пещере не терпело отлагательства.

На основании существующего положения, финансирование археологических раскопок было возложено на Главное управление заповедников и охотничьего хозяйства.

Осуществлял работы в Белой пещере Цхалтубский отряд археологической экспедиции по изучению каменного века Кутаисского края. Отряд вел раскопки с 20 сентября по 20 декабря 1974 г. В сущности, это были первые полевые археологические исследования, проведенные в Цхалтубском районе вообще. Надо полагать, что начатые этой экспе-

¹ Первые находки в белой пещере были сделаны местным жителем, ст. лаборантом нашего института В. Г. Садрадзе, передавшим свои находки в Цхалтубский краеведческий музей, Кутаисский гос. историко-этнографический музей, а также в Гос. музей Грузии имени акад. С. Н. Джанашиа. Он же сообщил институту о начале работ по благоустройству Белой пещеры.

дицией историко-археологические исследования данного уголка Грузии окажутся интересными и плодотворными.

Белая пещера находится в сел. Хомули на левктадзевском холме, в 2-х км к СВ от центра курорта, на высоте 100 м над у. м. Это огромное подземелье, выработанное карстовыми водами в известняковых отложениях, нижнемелового возраста (табл. XXXIX). О бурной деятельности карстовых явлений свидетельствуют хорошо различимая трещина меридиального направления в своде пещеры и колодезобразное углубление в южной части свода. Именно через этот колодец (высотой 7 — 8 м с диам. 2 м) можно попасть в подземелье, закрытое в настоящее время со всех сторон. Передняя часть пещеры простирается с ЮЗ на СВ на 35 м. Общая длина пещеры достигает 100 м.

Пещера отличается исключительным богатством химических образований в виде разноцветных кальцитовых натеков (белых, главным образом, откуда и название самой пещеры). Белоснежные сталактиты и разноцветные сталагмиты порою 4-х метровой высоты, некоторые из них в виде мощных столбов, окружностью в 11 метров, равно как и карнизы выступов на стенах и потолке обильно украшены драпировкой и бордюрами пловучих кальцитов, отливающих удивительным разноцветием. Целая сеть кюветок и «ванночек» различных размеров на полу пещеры, обрамленных светлорозового оттенка приземисто-расплывчатыми кальцитовыми стенками и перегородками замысловатых очертаний, заставляет зрителя поражаться искусством природных явлений показаться в неисчерпаемом богатстве своих проявлений. В пещере создан сырой, влажный статический режим с температурой 13°. В настоящее время здесь живут разные пауки, летучие мыши, раки, лягушки и др. По заключению специалистов института курортологии и физиотерапии, радиация определяется 5 кюри, а эманация родона достигает 20 единиц.

Из подлежащих изучению около 2000 м² площади в отчетном году было раскопано 220 м², из коих 200 м² приходится на сплошные раскопки энеолитического слоя в южной части пещеры. Площадь же поисковых шурфов, доведенных до скального основания не превышает 20 м².

Среди поисковых шурфов наиболее результативным оказался шурф № 1, заложенный в ЮЗ части пещеры, на месте предполагаемого входа в нее в древности. Шурф разм. 1,5×1,5 м, был прорыт почти до 10 метровой глубины. В свете чередующихся напластований глины, суглинка, песка и супеси отчетливо различимы два культурных слоя:

I нижний, верхнепалеолитический и

II верхний, энеолитический.

Верхнепалеолитический слой подстилается отложениями 8 метровой толщины, а именно: суглинком мощностью в 3 м, содержащим костные остатки четвертичных животных и стерильной супесью 5-метровой толщины. Перекрыт же он влажной упругой стерильной глиной (мощность 1,5 м), глиной, содержащей остатки культуры энеолитического времени (мощностью 0,40—0,50 м) и кальциевой коркой (мощностью 0,05—0,10 м).

Мощность верхнепалеолитического слоя составляет 60—70 см. Он представляет собой суглинок светлокаштанового оттенка. Слой содержит крупнообломочный материал известняка, много раздробленных костей четвертичных животных (над которыми охотился человек того времени), угольки в малом количестве, и, что особенно важно,

орудия труда из кремня и кости. Особенно следует упомянуть о находке лучевой кости верхнепалеолитического человека.

Кремневый инвентарь представлен формами, характерными для раннего этапа верхнего палеолита Грузии. Таковы: скребок с широким, слегка округленным рабочим концом (табл. XL₄), комбинированное орудие — скребок-резец на широкой пластинке (табл. XL₃), ножевидные пластинки с ограниченной спинкой с мелкой ретушью (табл. XL₇), пластинки со следами употребления: отщепы — заготовки и др.

Симптоматично, что в этом инвентаре выделяются 2 орудия типа остроконечника с продольной ретушью и подтеской ударной площадки (табл. XL₁₋₂). Наличие этих орудий свидетельствует либо о существовании здесь более раннего, т. е. мустьерского слоя, либо о переходном этапе от мустье к верхнему палеолиту. Из костяных орудий были 3 шилья-проколки, из коих два изготовлены на широких продольных отщепах трубчатой кости дикого животного (табл. XL₈₋₉).

Слой изобилует находками костей диких животных, среди которых преобладают кости пещерного медведя. Имеются также кости благородного оленя, косули и др. животных. Причем все кости особенно трубчатые, расколоты или лишены эпифиза, надо полагать, с целью добычи лакомства — костного мозга. А обилие костей промысловых животных и полная их утилизация, как известно, дают прямое указание о громадной роли охоты в хозяйственной деятельности верхне-палеолитических коллективов.

Одновременно, насыщенность культурного слоя производственными остатками указывает и на то, что Белая пещера длительное время служила верхнепалеолитическому родовому объединению в качестве жилища, чему благоприятствовала окружающая природная среда (удобный для быстрого передвижения увалисто-холмистый рельеф, легко преодолимые ущелья небольших рек, богатая лесными угодиями предгорная зона, соседство с многочисленными другими, к тому времени уже освоенными пещерами, гrotами и навесами и множест. др.).

Следствием некоторой смены температуры, надо полагать, является наличие в культурном слое механического обломочного материала, осыпавшегося со стен и потолка пещеры. Как будто есть основания думать, что именно в какой-то момент указанного геологического времени в жизни пещеры и ее обитателей стряслось непоправимое стихийное бедствие и имевшийся в ЮЗ части пещеры навес полностью обрушился и наглухо закрыл вход в нее. В виду непригодности для жилья верхнепалеолитический человек навсегда покинул пещеру. После этого она становится заметно влажной и климатический режим в ней статичным. Увеличивается дебит воды, насыщенной кальцитом, что усиливает процесс выделения химических образований. Вновь образовавшиеся спелеоформы (сталактиты и сталагмиты) определяют современный вид пещеры или скорее подземелья. Его стали заселять летучие мыши, разные пауки и др. Атмосферные агенты однако продолжали свое дело. Образовавшиеся в гумидный век водные потоки устремились в подземелье. Вода постепенно и систематически проникала во внутрь через трещины в стенах и своде, отлагая на дне стерильную глину.

Таким образом, в течение тысячелетий над палеолитическим слоем образовался 1,5 метровый глинистый слой, лишенный каких-нибудь остатков культуры.

Человек возвращается в пещеру спустя несколько тысячелетий. Но это был уже человек энеолитического времени, проживавший в этих краях приблизительно 7000—6000 лет тому назад. Проник он в подземелье, по всей вероятности, через тот же карстовый колодец, каким пользуемся и сегодня. Несмотря на кромешную темноту, сырость и повышенную радиацию, в определенном отрезке времени человек подземельем все же пользовался, на что указывает распространение его культурных остатков почти по всей его поверхности.

Энеолитический слой мощностью 30—45 см, перекрытый кальцитовый коркой, представляет собой темноватого оттенка влажный суглинок, образовавшийся за счет проточных наносов, а также локального выветривания местных пород известняка.

Препарация слоя выявила отдельные обрывки глинобитного пола, краснообожженные в зоне распространения очагов. Очаги небольших размеров (с диам. 30—40 см) заполнены древесными угольками, реже золой. Вокруг них битая посуда, каменные и костяные предметы и др. Довольно часты небольшие, круглые в плане (диам. 35—40 см) ямы, в расположении которых уловить какую-нибудь закономерность пока нет возможности. Неизвестно также их назначение.

Кроме того в слое были сделаны следующие находки:

1. Керамические изделия.

1. Глиняная посуда по форме и назначению делится на следующие группы:

а) посуда крупных размеров розовато-палевого цвета, грубой ручной лепки, толстостенная, с примесью кварца, слюды(?), песка, неравномерного обжига, широкогорлая, со сфероидальным туловом, круглодонная, с легким лощением (табл. XL₃₆₋₃₈). Посуда без ручек, взамен которых некоторые экземпляры снабжены отверстиями для подвешивания;

б) Небольшие горшки с красноватой, слегка лощеной поверхностью, ручной лепки, с зауженным устьем, широким сферическим брюшком и круглым дном. Глина с примесью кварца или песка, слабо обожжена;

в) Мисочки и пиалы из тонкостенной, хорошо отмученной глины прекрасного обжига, с краснolощенной блестящей поверхностью. Ввиду фрагментарности восстановлению трудно поддается².

Сосуды первой группы, по-видимому, находили применение в приготовлении молочных продуктов и хранении различных съестных и питьевых запасов. Второй группы посуду следует считать кухонной, на что указывают следы воздействия огня и характерная зачернелость на поверхности. Сосуды же третьей группы относятся к разряду столовых.

Для Белой пещеры не характерна посуда с ручкой. В редких случаях ее заменяют отверстия для подвешивания или же небольшие отростки у края для захвата пальцем. То же нужно сказать в отношении декоративного убранства сосудов.

В виде исключения можно указать лишь на два фрагмента посуды первой группы. На одном из них сохранилась небольшая часть выцарапанного рисунка, изображающего подобие лука и стрелы. На втором же фрагменте той же техникой изображена небольшая часть

² Найдки, в первую очередь глиняные изделия, в настоящее время обрабатываются камерально.

(примерно 1/4) солнечного диска с отходящими лучами и восходящей к диску четырехступенчатой лестницы, редко встречаются также фрагменты со спиральным орнаментом.

Все сосуды круглодонны. Стало-быть, они ставились в песчаный или же легкий глинистый грунт.

Добытые в Белой пещере глиняные изделия находят некоторые аналогии в керамике Самеле клде, Сагварджиле, Абастумани³, Хизанаантгора⁴, Шулавери⁵, Тбилиси (древнее поселение на проспекте Важа-Пшавела)⁶ и др., хотя круглодонные сосуды из этих местонахождений единичны. В этом отношении Белая пещера единственный памятник, где все сосуды круглодонны.

2. Маленькие ритуальные хлебцы — колобоки. Слеплены из глины, с отпечатками соломы, а порой человеческих пальцев (диам. 2,5 — 5,0 см, толщиной 1,0—1,5 см). Можно предположить, что они являлись составной частью аксесуаров при отправлении обряда в честь и память мертвых семьи или рода, с целью задобривания их души (табл. XL₃₅).

3. Пряслица — тщательной отделки, конические и биконические, украшенные нацарапанным или нарезным рисунком в виде радиально восходящих то одинарных, то попарных черточек, нарезов, ломанных линий и др. (табл. XL₃₉). Аналогичные прясла найдены в Самелеклде.

Наличие прясел в находках Белой пещеры вполне закономерно, ибо прядильно-ткацкое дело берет свое начало еще с эпохи неолита, когда мягкий рогатый скот, в частности, овца играет главенствующую роль. А из глиняных фигурок домашних животных, найденных в Белой пещере, изображение овцы стоит на первом месте.

4. Антропо- и зооморфные глиняные изображения, среди которых выделяются несколько более или менее цельных статуэток барана, быка, козы, медведя, человека (?) и некоторое количество их отдельных частей (головы, рога, конечности, половые органы (?) и др.). Правда, большинство из них условно-схематичны, расплывчаты (табл. XL₂₄₋₃₄).

5. Фрагменты глиняных обмазок с отпечатками деревянных прутьев, использовавшихся, предположительно, в качестве арматуры в сводах отопительных печей.

II Кость и рог.

1. Шилья, изготовленные на конце расщепленной трубчатой кости животного, с острым, хорошо отшлифованным рабочим концом (табл. XL_{17, 20-21}).

2. Иглы с острым гладким концом и уплощенным просверленным ушком (табл. XL₁₈).

³ К. С. Каландадзе. Энеолитическое поселение в Абастумани. Исторический сборник Института истории, археологии и этнографии им И. А. Джавахишвили, АН ГССР, т. 5.

⁴ Я. А. Киквидзе. Поселение раннебронзовой эпохи в Хизанаантгора. Тб., 1972, табл. XX, 6, XXV, 3 (на груз. яз.).

⁵ О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии, Тб., 1971, стр. 90, рис. 38 (на груз. яз.).

⁶ Имеются в виду образцы керамики с отростком взамен ручки, а также обломки красноватых сосудов, найденных при строительстве инженерной лаборатории Министерства Сельского хозяйства Груз. ССР — г. Тбилиси, проспект Важа-Пшавела, весной 1972 г.

3. Наконечник копья (?)
4. Наконечник стрелы, изготовленный на продольном отщепе клыка (?) медведя.
5. Лошило — из ребренной кости крупного животного, сильно сработанное и заглаженное. Вполне допустимо его использование при лошении глиняной посуды. Аналогичные орудия известны из Самерхлеклде, Абастумани, Шулавери и Имири⁷.
6. Молоток (?). Сохранилась одна продольная часть его с отверстием для насадки на рукоять. Аналогичные изделия встречены среди находок на Имирис гора, Даигреули гора (Марнеульский р.)⁸.
7. Ретушер из рога оленя (?), со следами употребления.
8. Украшения: плоские треугольные пластинки с дырочками для нашивания (табл. XL₁₃); поперечные сечения трубчатых костей (подвески?) (табл. XL₂₃); предмет с острым концом и уплощенным основанием.

III. Каменные орудия изготовленные из кремня, обсидиана, базальта и др. Из них особый интерес вызывают: нож-скребок на удлиненной широкой пластине кремня (табл. XL₁₁); скребловидное орудие с продольными рабочими краями на длинном, широком и толстом отщепе кремня; двойной скребок на трехгранной пластинке, с тонкой ретушью по рабочим краям. Кремень сильно патинизирован (табл. XL₁₂); скребок на укороченной пластинке с широким, последовательно отретушированным рабочим концом; скребок на удлиненной, двухгранной пластинке с тонкой ретушью на одном конце; пилообразное орудие на прямой удлиненной, тонкой трехгранной пластинке обсидиана с мелкими выщербинами по краям (табл. XL₁₆); наконечники стрелы (?) на трехгранном удлиненном сколе кремня со сплошной ретушью на спинке (табл. XL₁₅); сегментовидный вкладыш, мелкий, с отретушированной дугой (табл. XL₁₄). Весьма схожие орудия неоднократно находили в Одиши⁹, Анасеули¹⁰, Цопи, Арухло, Нижней Шилровке¹¹, Мешоко, Каменомостской¹² и др.

Нет сомнения, что большинство кремневых поделок изготовлено людьми энеолитического времени. Однако не исключена возможность использования ими кремней из глублежащего, верхнепалеолитического слоя.

Кроме того, были найдены орудия, инструменты, бытовые предметы и украшения из речных галек и булыжника, как например: шлифовальные топоры, ударники, стамески и др. (Табл. XL₁₀₋₁₃), а также каменные подвески с отверстием.

Как было отмечено выше, энеолитический слой перекрывается кальцитовый коркой в среднем 10 см толщины. Эта корка образует современный пол пещеры более или менее ровного горизонтального

⁷ О. М. Джанаридзе, А. И. Джавахишвили. Культура древнего земледельческого населения на территории Грузии, Тб., 1971, рис. 31—33, стр. 84—86.

⁸ Там же, рис. 34, стр. 87.

⁹ А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитических и неолитических культур в Грузии, изв. ИЯИМК, вып. IV, Тб., 1939.

¹⁰ Л. Д. Небиеридзе. Неолит Западного Закавказья, Тб., 1972.

¹¹ Л. Д. Небиеридзе. Неолит западного Закавказья, 1972, табл. X.

¹² А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 85, рис. 15.

¹³ А. А. Формозов и А. Д. Столяр. Неолитическое и энеолитическое поселение в Краснодарском крае, СА, т. 2, 1960, стр. 106, рис. 2.

простирается. Нарастание данной корки начинается с момента прекращения использования людьми пещеры. Происходит это, по всей вероятности, в какой-то фазе энеолита, по крайней мере, с самого конца этого времени.

Из ученых Белую пещеру впервые посетил в связи с изучением цхалтубских термальных вод В. А. Бабе¹³.

В связи с изучением карстовых явлений в окрестностях Кутаиси Белая пещера затрагивается в работе Н. Канделаки и Г. С. Дзоценидзе¹⁴.

Как редкий спелеологический памятник, Белая пещера становится известной с 1955 года, когда учитель географии местной школы и руководитель Краеведческого кружка при цхалтубском доме пионеров О. В. Кинцурашвили, его ученики и коллеги начали систематически посещать, изучать и охранять ее. О. В. Кинцурашвили в местной и центральной прессе публикует немало статей и заметок и водит по пещерам многочисленные экскурсии учащихся, туристов и всех заинтересованных лиц, тем самым существенно способствуя делу изучения и пропаганды памятников культуры, природы и других достопримечательностей родного края¹⁵.

Существенный вклад в изучении Белой пещеры однако внесли грузинские спелеологи и палеографы Ш. Я. Кипиани, З. К. Тинтилозов, В. М. Джишкарини и др. Они описали, обмерили и сфотографировали ее¹⁶. Они же включили Белую пещеру в «Кадастр карстовых пещер Грузии»¹⁷.

Этим исчерпываются наши сведения о Белой пещере, как памятнике культуры, природы и вообще одной из ярких достопримечательностей Цхалтубского района. Она досталась археологам в 1974 году, когда началось ее настоящее основательное изучение. О проведенных там первых археологических поисках вкратце было изложено выше. Срезюмируем сказанное.

Белая пещера была использована людьми двоекратно:

а) в эпоху позднего или верхнего палеолита (ок. 30.000—25.000 лет тому назад);

б) в эпоху энеолита (медно-каменный век) (ок. 7.000—6.000 лет тому назад).

Лакуна времени между указанными эпохами составляет приблизительно 18.000—15.000 лет, подающие на вторую половину верхнего

¹³ В. А. Бабе. Цхалтубские теплые источники. «Целебный Кавказ», 1915, № 1—2, стр. 10—22.

¹⁴ Н. Канделаки, Г. С. Дзоценидзе. Карстовые пещеры Цхалтубо и Сатаплия. Заповедники и памятники природы Грузинской ССР. Комитет по заповедникам при ЦИК Груз. ССР, вып. I, 1936. стр. 124—134.

¹⁵ О. В. Кинцурашвили. Интересная карстовая пещера, «Ахали Цхалтубо», № 48, 20 апреля, 1956, стр. 4; его же, Открылась новая пещера, «Дроша» № 79, 2 июля, 1970, стр. 4 и др.

¹⁶ Ш. Я. Кипиани, З. К. Тинтилозов. Карстовые пещеры окрестностей Цхалтубо — Сатаплия, «Пещеры Грузии», I, Тб., 1963, стр. 25—64.

¹⁷ Кипиани Ш. Я., Тинтилозов З. К., Окроджанашвили А. А., Джишкарини В. М.. Кадастр карстовых пещер Грузии. Тб., 1966, стр. 173—174. В Кадастре, изучаемая нами Белая пещера внесена под № 218, «Цхалтубская II (сталактитовая) пещера».

палеолита, мезолит (среднекаменный век) и неолит (новокаменный век).

Такой вывод о своеобразии смены культур в Белой пещере основывается на скудных данных поисковых шурфов. Эти данные, при дальнейших исследованиях, могут измениться и могут остаться в силе. А пока по этим данным перед нами обыкновенная модель верхнепалеолитической долговременной пещерной стоянки людей современного физического типа (*Homo sapiens fossilis*) с теми же отраслями хозяйственной деятельности (собирательство, охота, производство средств производства), с тем же ассортиментом производственных орудий, с теми же навыками и техническими приемами изготовления последних, какие наблюдаются на примере многих других синхронных поселений Западной Грузии, в частности, Имерети.

Сегодня, к сожалению, нет возможности точно определить время наступления стихийного бедствия в жизни пещеры и ее обитателей, обернувшегося для последних потерей облюбованного ими постоянного местожительства. Знаем только, что прошло много времени, прежде чем в подземелье зашел человек энеолитического времени. Тому доказательство полутораметровый немой слой земли, отложившийся над верхнепалеолитическим.

О содержании энеолитического культурного слоя, об объеме и характере, типологическом составе, технологических особенностях и функциональном назначении извлеченных из него разнообразных материалов, вкратце было сказано выше. Здесь же необходимо добавить следующее. Несмотря на некоторое богатство ассортимента орудия и предметов домашнего обихода, в глаза бросается явная необходимость пещеры людьми, что вполне объяснимо ввиду создавшегося там статичного сырого климатического режима после обрушения навеса над входом. Это наводит на мысль о том, что подземелье использовалось людьми не как постоянное местожительство, а как место эпизодического посещения. Но в каких целях? На этот вопрос ответить однозначно нет никаких данных. Остается вступить в область догадок и предположений. Цхалтубское карстовое сталактитовое подземелье возможно время от времени посещалось людьми с целью отправления там каких-то производственно-магических действий в укрытии от посторонних глаз, в условиях полной тайности и изоляции. Таким условиям вполне отвечала погребенная Белая пещера. Данное предположение можно подкрепить наличием миниатюрных очагов, бесспорно ритуальных колобков из глины, маленьких статуэток преднамеренно (?) разбитых и разбросанных и др. Совершенное в подземелье тайное действие, по верованию древних, силой симпатической магии могло вызвать на яву аналогичное явление с удачным результатом исходом предпринятого действия.

Теперь Белая пещера служит людям: а) как редкий памятник природы, услаждающий эстетическое чувство посетителя, б) как памятник человеческой культуры, пропагандирующий достижения в области материальной и духовной культуры далеких предков края, в) как один из немногочисленных очагов спелеотерапии в нашей стране, значительно облегчающий состояние здоровья страдающих тяжелым недугом (бронхиальная астма). Однако, как памятник культуры она еще не открыла себя полностью. Ввиду исключительной значимости памятника и скудности полученных пока информации, эту задачу обязаны решить археологи.

В. М. АЖАПАРИДЗЕ, Д. К. ДЖГАМАИА

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ВАРЦИХЕ ГЭС

(таблицы XLI—XLIV)

На территории Варцихе ГЭС в зоне строительства каскадов археологическая экспедиция начала свою работу изучением раннесредневекового Вардцхского городища¹.

На втором этапе экспедиция приступила к разведочно-археологическим работам в зоне строительства ГЭС², охватив правобережье р. Риони (территорию близлежащих сел Цхалтубского р-на), а также продолжала ранее начавшиеся разведочно-археологические работы в Маяковском р-не и обширные историко-географические разведки (Г. Цкитишвили, Т. Берадзе).

В зоне строительства ГЭС среди выявленных и частично изученных памятников самым древним, с широким хронологическим диапазоном, является искусственный холм — «горика»³ около с. Патрикет, типичный для колхидской низменности, но более внушительный по своим размерам и окруженный широким рвом. Этот холм обратил внимание специалистов и раньше⁴.

Археологический материал (обломки сосудов, черепиц, кирпичей), собранный на вершине и склонах холма относится к разным периодам. Культурные слои холма и его окружающей территории были разрушены вследствие земляных работ⁵.

С самого же начала экспедиция предполагала этот холм центром в близлежащих селищах⁶ и поэтому считала необходимым его комплек-

¹ Г. А. Ломтатидзе, Г. Н. Цкитишвили, В. М. Джапаридзе, Первая археологическая компания в Вардцхе. В сб.: «Полевые археологические исследования в Грузии 1968 г.» Тб. 1969.

² Следует отметить, что археол. работы Вардцхской экспедиции в правобережье р. Риони по масштабам археол. исследований были несколько ограничены в связи нехваткой кадров, а также должного финансирования.

³ В Имерети также холмы обычно называют «горика». Один из таких «горик» ок. с. Сакулиа была разведана экспедицией Кутаисской историко-археологического музея им. акад. Н. А. Бердзенишвили. Материал был датирован раннеантично-эллинистическим периодом (О. Лордкипанидзе, Л. Джикиа).

⁴ Н. А. Бердзенишвили, К исторической географии Лазики, вопросы истории Грузии, VIII, стр. 457—458.

⁵ Холм раньше и окружающая его территория и теперь используется для посева сельскохозяйственных культур. Здесь же проходят трассы канала ГЭС-а и будущей дороги.

⁶ Г. А. Ломтатидзе, В. М. Джапаридзе, Археологические разведки и раскопки в зоне строительства Варцихе ГЭС в 1971 г. Сб. Археологические исследования в

сное изучение. Масштабы холма требовали больших археологических работ и поэтому на начальном этапе с целью выяснения характера памятника было решено заложить два раскопа — на вершине холма и у его подножья. Вместе с этим изучалось распространение культурных слоев на участке за рвом.

Раскоп на вершине холма дал следующую стратиграфию: под гумусным покровом находился слой черно-каштанового цвета, в котором найдены обломки керамики красного обжига. Этот горизонт слабо представлен в разрезе восточной стены раскопа. Следующий слой черного цвета содержал остатки угля. В западной части раскопа толщина слоя достигала — 30—40 см. Археологический материал в данном слое представлен в основном керамикой. От поверхности земли на глубине 50 см в разрезе северной и южной стен раскопа показался 20—30 см слой желтого суглинка под которым проходила прослойка содержащая уголь. Ниже этого слоя по всей площади раскопа выявились остатки сооружения и обломки штукатурки.

На этом дальнейшие разведочные работы по углублению, в раскопе были приостановлены, чтобы не повредить остатки сооружения.

Как выше было отмечено, в этом раскопе были обнаружены два слоя давние археологический материал. Предположительно, что верхний культурный слой образовался после окончания работ по возведению искусственного холма и добытый материал следует датировать последующим периодом IX—X вв.

Второй культурный слой, в котором были обнаружены фрагменты колхской керамики I половины II тысячелетия видимо образовался на поверхности холма вследствие работ по его возведению, т. к. он вполне соответствует нижнему культурному слою, засвидетельствованного в раскопе у подножья холма. Этот раскоп длиной 25 м, шириной 2 м частично охватил участок и за насыпью. Верхние культурные слои раскопа перемешаны и поэтому состоят из материалов разных времен. В непосредственной близости подножья холма на глубине 20—40 см выявилась вымостка из булыжника и камня сооруженная видимо для его укрепления. Во время ее препарации обнаруженный археологический материал относится к феодальному периоду. Особо следует отметить донышки глазурованных мисок с выпарапанными буквами древнегрузинского шрифта — «асомтаврули».

В этом же раскопе был обнаружен культурный слой IV—V вв., представленный обломками мисок, местной и импортной краснолаковой керамики, кувшинов красного обжига, обломками амфоры и строительной керамики. Все это указывает на то, что в IV—V вв., во времена могущества Эгрисского царства Патрикетский жилой холм «горика» являлся одним из центров равнинных поселений, где кипела интенсивная жизнь и имела торгово-экономические связи с тогдашним внешним миром через магистраль Фазис-Риони. На этот же торговый путь указывает и обломок чернолаковой посуды. Из материалов эллинистического периода следует отметить обломок дна колхской амфоры.

Для изучения древнейших сооружений определенное значение имеет выявленная стена на месте старого канала за насыпью рва

Грузии в 1971 г. Тб. 1972, стр. 61; К. Н. Мелитаури, В. М. Джапаридзе. Отчет работы Вардцхской археологической экспедиции. сб. Полевые археологические исследования в 1973 г., Тб., 1974, стр. 68—69.

холма. Она сходна со стеной, обнаруженной в раскопе на вершине холма.

За пределами рва холма были обнаружены остатки ограды из булыжника, окружающей весь холм, а это показывает, что холм сохранял свое значение и в средневековую эпоху. Кроме ограды об этом свидетельствует добытый археологический материал.

Разведочные работы в зоне строительства ГЭС усложняются тем, что сильно потревожены остатки древнейших поселений, культурные слои. В этой зоне разведки ведутся с 1971 года. Среди случайных находок следует отметить бронзовый наконечник копья второй половины II тысячелетия, обнаруженный во время рытья котлована ГЭС-а с. Гегути и остатков античных поселений в окрестностях сел Гегути и Патрикети. Особый интерес вызывают развалины сооружения «Уриас Насахлари» в сел. Патрикети.

Гегутский отряд Варцхской археологической экспедиции проводил разведочно-археологические работы в правобережье р. Риони в зоне строительства Варцixe ГЭС.

В Гегутском дворце сооруженного из кирпича Георгием III, отцом царицы Тamar, был произведен раскоп, давший ценный археологический материал (обломки поливной и неполивной посуды, фаянса, стекла), а также выявивший остатки стен древнего дворца, построенного в X—XI вв. из тесанных камней. Разведки в окрестностях с. Гегути показали, что остатки культурных слоев средневекового периода широко распространены на смежной с царским дворцом территории. На этой территории были изучены: прямоугольная сторожевая башня, развалины церкви «Цминда Элиа» и каменная ограда «Ркинис Джвари», относящиеся к среднефеодальному периоду.

На левом берегу р. Риони экспедицией был разведен и археологически изучен жилой холм «Гиоргобнианис гора», выделенный глубоким рвом от террасы. На холме был обнаружен многочисленный археологический материал (в основном керамика), датируемый раннеантичной и эллинистической эпохами (табл. XLII). В центральной части холма выявлены остатки, видимо, оборонительного комплекса, которые разрушены пожаром еще в античную эпоху.

Экспедиция разведала также окрестности холма и выявила остатки античных поселений и одно погребение эллинистического периода. Изучение этих поселений имеет определенное значение как предыдущего этапа истории раннефеодального городища Варцixe.

Городище Варцixe сначала же являлось основным объектом работы экспедиции. Его изучение велось двумя направлениями: 1. С помощью небольших разведочных раскопов, которые впоследствии были расширены, изучалась стратиграфия культурных слоев. 2. Изучение планировки фортификационной системы.

Разведочные раскопы показали, что культурные слои сильно повреждены и толщина их не превышает 1,5 м.

Подготовительные работы, связанные со строительством ГЭС, также повредили большую часть фортификационной системы и коснулись культурных слоев городища.

Изучение фортификационной системы началось с двух башен А и С. Частично выяснилось расположение еще двух башен на участке Б и Е. Они в основном выстроены из известняка (табл. XLI), но был применен и булыжник. Ширина стен IV—V вв. меньше чем VI и последующих периодов. Особо массивные стены у городища — с восточной стороны, где видны и следы рва.

В северной части городища была частично раскопана стена, направляющаяся с востока на Запад. На основе археологического материала и стратиграфических данных она не должна принадлежать первоначальному комплексу ограды. На раннем этапе своего существования городище было разгромлено во времена Византийско-Иранских войн (VI в.). Отчетливо видны следы пожара в башнях и слоях этого периода.

На территории городища выявлены остатки сооружений IX—X вв. и позднего средневековья. Позднему средневековью относятся остатки фундамента зданий (дворца?) из булыжника, а основной комплекс был видимо, сооружен из дерева. Были расчищены также остатки камина.

В северо-восточной части городища за пределами ограды были раскопаны: небольшая, в плане четырехугольная церковь позднефеодального периода и почти безинвентарный могильник около нее.

В итоге археологических работ городища Варцихе добыт заслуживающий внимания археологический материал (изделия из керамики, стекла, железа и т. д.), в деле изучения истории Эгриси. Особое внимание привлекает та часть импортного материала, которая дает представление судить о торгово-экономических взаимоотношениях. Интересные данные выявились в связи с изучением местного керамического производства. Особо следует отметить метки ремесленников (табл. XLIV).

О высоком уровне керамического производства свидетельствует многообразные и многочисленные материалы строительной керамики. Некоторые приметы дают возможность судить о существовании стеклоделия и выплавки железа.

Экспедицией, в соседнем с. Рохи, были обнаружены остатки керамической мастерской средневековья.

Кроме работ, связанных непосредственно со строительством ГЭС, проводилась работа и по сбору материала для археологической карты Маяковского района. В с. Цкалташуа (Маяковский р-н), раскопками была обследована церковь. К югу от церкви была обнаружена усыпальница среднефеодальной эпохи с остатками погребения I в. н. э. с обломками керамической чаши и монетой Полемона II.

В с. Зеда Дими были проведены разведочные работы на крепости, которые выявили остатки ограды эллинистического периода и соответствующие культурные слои.

Т. К. МИКЕЛАДЗЕ, М. В. БАРАМИДЗЕ

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОЛХИДСКОЙ НИЗМЕННОСТИ В ЗОНАХ НОВОСТРОЕК (таблицы XLV—L)

Колхидская археологическая экспедиция в 1972—74 гг., вела работы в бассейнах рек Риони, Хоби, Ингури, Абаша и Техури, т. е. в самых узловых частях Исторической Колхиды. Столь широкий размах археологических исследований был обусловлен строительными работами, связанными с осуществлением грандиозного плана осушения, а затем освоения Колхидской низменности, а также нефтепоисковыми работами. Колхидской археологической экспедиции пришлось развить свою деятельность не только вширь в территориальном отношении, но и вглубь включив в сферу своих исследований памятники всех времен, засвидетельствованные на данной территории. Таким образом, создались условия для начала проведения в Колхиде масштабных комплексных археологических исследований¹. Исходя из особенностей археологических памятников Колхиды о необходимости осуществления именно подобного характера археологических исследований с привлечением широкого круга специалистов, указывал еще Б. А. Куфтин².

Характер работ определил состав экспедиции, для участия в которую были привлечены не только археологи, но и представители других специальностей.

Самые ранние памятники — стоянки древнего и нового каменных веков экспедиция исследовала в Гальском районе. Палеолитическая стоянка была обнаружена в пещере на правом берегу р. Окуми. В пяти уровнях этой стоянки были зафиксированы орудия, характерные для верхнего палеолита. Фаунистический материал представлен кавказскими эндемичными формами: благородный олень, домба, дикая коза, пещерный медведь и т. д. Мы здесь, по-видимому, имеем дело со стоянкой-мастерской, где деятельность человека протекала довольно долго. Об этом свидетельствуют орудия из нижнего слоя, имеющие облик орудий, характерных для эпохи верхнего Мусье.

Третий слой, сверху, Окумской пещеры датируется эпохой энеолита. Зафиксированная в этом слое керамика и кремневый инвентарь

¹ Работы Колхидской археологической экспедиции в соответствии с известным постановлением 1948 г. Совмина СССР «Об охране памятников культуры», финансируются дирекцией строительных объектов Западной Грузии Министерства мелниорации и водного хозяйства ГССР и геолого-разведочной конторой объединения «Грузнефть».

² Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. II, Тб., 1950, стр. 155.

(геометрические микролиты, черенковые наконечники стрел и т. д.) носят явно архаический облик и относятся к раннеэнеолитическому времени.

Памятники неолита были открыты в с. Чхортоли. Обнаруженный здесь материал и типологически и по технике обработки находит близкие аналоги в памятниках нового каменного века Западной Грузии (Анасеули II, Одиши, Гумуриши, Кистрик)³. Большое значение Чхортольских находок заключается в том, что здесь впервые были вскрыты нетронутые слои неолитической эпохи.

Хронологически непосредственно последующим чхортольским находкам памятник исследовался в с. Саэлиао в Гегечкорском районе, на третьей террасе р. Абаша. Памятник этот представлял собой жилой холм, который от окружающей местности возвышался примерно на 1 м. В культурном слое холма были засвидетельствованы неолитического облика призматические, карандашообразные и конусообразные нуклеусы и изготовленные из них микроламеллы, на одной части которых наблюдаются следы ретуши. Наряду с ними были зафиксированы более усовершенствованные орудия, употребляемые позже. Все это говорит о том, что указанное поселение следует датировать концом неолита или же началом энеолита. По-видимому, в эту эпоху происходит заселение левой террасы р. Абаша. Несколько позже поселенцы заселяющие холм сооружают искусственный холм высотой 6 м. Холм этот местное население называет Курзна.

На холме Курзна установлены три культурных слоя, отделенные между собой стерильными прослойками.

I культурный слой носит следы сильного пожара, поэтому керамический материал сильно фрагментирован и деформирован. Тем не менее, можно выделить большие канелированные горшки и зооморфные ушки сосудов, которые характерны для Колхидских памятников I половины I тысячелетия до н. э.

Следует отметить также тот факт, что в данном периоде центральная часть холма была укреплена булыжной оградой высотой в 1 м и шириной 0,4 м, а вокруг холма был вырыт ров 1,5 м ширины. Таким образом, поселение первого слоя, как видим было тщательно укреплено.

Находки второго культурного слоя более многообразны. Они представлены тщательно орнаментированной чернобурой керамикой, которая, как и следовало ожидать, хорошо увязывается с керамикой известных памятников Колхиды⁴ и относится к самому началу эпохи поздней бронзы. Такой датировке слоя не противоречит и кремневый инвентарь: черенковые наконечники стрел и дротиков, вкладыши серпов и т. д.

Обнаруженный в третьем культурном слое материал, в частности керамика, аналогична керамике ранних поселений, Очамчире, Мачары, Псоу, Гумисты⁵ и на этом основании должна быть отнесена к эпохе ранней бронзы. Вполне очевидно, что потомки поселенцев эпохи энеолита в эпоху ранней бронзы меняют место жительства и так-

³ Л. Д. Небридзе. Неолит Западного Закавказья, Тб., 1973.

⁴ Б. Б. Куфтин. указ. соч. стр. 185—200; Т. К. Микеладзе. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья. Тб., 1974, стр. 49—63.

⁵ Б. Б. Куфтин. указ. соч. стр. 265—270; В. М. Бжаниа. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, № I, Москва, 1966.

же в нескольких десятках метров закладывают основу жилого холма Курзиа.

Смена места жительства, по-видимому, обуславливалось объективными причинами, а именно изменением хозяйственно-бытовых условий и зафиксировано и на других памятниках Колхиды. Так, например, в Кобулеті в торфяниках Испани в 1,5—2 км от современного берега моря, экспедицией было открыто поселение конца III тысячелетия до н. э., в свое время, по-видимому, расположенное на берегу моря. Из-за интенсивного заболачивания данной территории в начале II тысячелетия поселение прекращает свое существование и появляется в местечке Намчедури.

В торфяниках Испани были обнаружены остатки срубной постройки и интенсивный культурный слой с многочисленной и разнообразной керамикой и другим не менее интересным инвентарем. Особого внимания заслуживают фрагменты литейных форм и деревянная модель трубчатообушных топоров, фрагменты тигелей и миниатюрные сопла, глиняная фигурка человека, кремневые черенковые наконечники стрел и т. д. (табл. XLV). Среди глиняной посуды отдельную группу составляет чернолащенная керамика, которая характерна для Восточной Грузии конца III и начала II тысячелетия до н. э.

С керамикой Испани определенную генетическую связь проявляет материал VI и VII слоев жилого холма Намчедури, что и дает основание для предположения, что вследствие заболачивания с прекращением жизни на поселение Испани возникает нижнее поселение Намчедури. Как видно, заболачивание данной местности в пределах современного Кобулетского побережья началось после того, как оформилась прибрежная дюна, которая простирается вдоль моря от с. Гонио до Сухуми и которая содержит в основном материалы эпохи поздней бронзы — раннего железа и последующих периодов, а в отдельных случаях и материалы эпохи средней бронзы, но не более ранние.

В хронологическом отношении и типологически с поселением Испани непосредственно увязывается поселение эпохи средней бронзы Дихагудзуба II в. с. Анаклия. Под высоким (5 м от окружающей местности) холмом была открыта система деревянных сооружений (табл. XLVI₁), которые имеют несколько строительных уровней с соответствующими полами. Полы устроены следующим образом: на тщательно утрамбованной глине укладываются доски, которые сверху обмазываются черной глинистой с органическими примесями, водонепроницаемой обмазкой (табл. XLVI₂). Среди остатков сооружений был зафиксирован керамический материал и каменный инвентарь (кремневые наконечники стрел, литейная форма и т. д.). Керамика представлена двумя группами глиняной посуды: одна — чисто колхской, имеющей прямые аналогии с керамикой колхидских памятников (I слой Дихагудзуба I в Анаклия⁶, Носирского холма и т. д.⁷) I половины II тысячелетия до н. э., а другая — чернолащенной посудой, которая больше тяготеет к глиняной посуде Восточной Грузии (напр., из Триалетских курганов) эпохи средней бронзы, а также чернолащенной

⁶ Б. Б. К у ф т и н. Указ. соч. стр. 253—257.

⁷ Д. Л. К о р и д з е, Э. М. Г о г а д з е. Основные итоги работ Носирской археологической экспедиции, АЭГМ, II, Тб., 1971, Д. Л. К о р и д з е, Э. М. Г о г а д з е, Г. И. Д ж а в а х и ш в и л и. Результаты работ Носирской археологической экспедиции 1970—1971 гг. АЭГМ III, Тб., 1974.

керамике поселения Испани. Следует отметить, что чернолащенная керамика гораздо в большем количестве обнаружена на Дихагудзуба II, чем в Испани. Это, а также упомянутые выше аналоги, указывают на то, что Дихагудзуба II несколько позднее поселение чем Испани и, что его следует отнести к I половине II тысячелетия до н. э.

Особо следует отметить, что на поселение Дихагудзуба II были обнаружены виноградные косточки, семена гоми (просо), каштан, орешки, желуди, семена тыквы и т. д., материал, значение которого для восстановления сельскохозяйственных культур древней Колхиды, ее агро-биологических особенностей, для определения характера быта и хозяйства колхов в начале II тысячелетия до н. э., более того, для установления процесса генезиса агрокультурных достижений вообще, трудно переоценить, в особенности в свете выдвинутого уже давно положения о том, что Грузия является одним из первичных очагов выведения культурных растений⁸.

Жизнь на холме Дихагудзуба II продолжалась и в последующих периодах, о чем свидетельствуют, найденные на верхних уровнях холма и вокруг, керамические фрагменты эпохи поздней бронзы — раннего железа и материал VI—V вв. до н. э., например обломки чернофигурных кубков и донья хносских амфор. Неподалеку от Дихагудзуба II были зафиксированы также довольно мощные следы поселения V—IV вв. до н. э., погибшего от пожара.

Таким образом, древнейшие поселения Испани и Дихагудзуба II в Анаклиа дают богатый материал для установления археологической стратиграфии Колхиды, исходных форм керамики, металлических изделий, жилья, культурных растений и способствуют проследить процесс становления и первоначального развития не только Колхидской культуры, в самом широком понимании этого слова, но тем самым и этногенетические процессы.

С точки зрения установления отдельных этапов этих процессов и взаимосвязи материальных культур разных археологических периодов привлекают внимание и другие памятники, которые пришлось исследовать колхидской археологической экспедиции.

В этом отношении интересные памятники были исследованы в с. Кулеви у устья р. Хоби. Правда, здесь отдельные культурные слои отчасти были перемешаны и выделить ранний материал, в частности, эпохи средней бронзы можно лишь путем типологического анализа. По-видимому, к данному периоду следует отнести серию черно- и серообурой керамики, с массивными ушками с круглым отверстием, которые окружены желобчатыми кругами. Такая посуда была зафиксирована, например, в нижнем слое Дихагудзуба II в Анаклиа. В с. Кулеви выделяются материалы еще двух периодов: начала и середины I тысячелетия, т. е. древнеколхского II и среднеколхского I периодов⁹. Материалы первой хронологической группы представлены канелюрованной керамикой, маленькими двушными горшками, посудой с зооморфными ушками, рогообразными подпорками, которые так характерны для данных поселений Колхиды, глиняными пряслицами и т. д. Во второй группе появляются уже Колхидские пифосы,

⁸ П. М. Жуковский. Дикая двузернянка в Грузии. ЗНПОТБС вып. III, 1924, стр. 32; Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. ТПБС т. XVI, Ленинград, 1926, стр. 30; Д. Л. Декапрелевич и В. Л. Менабде. К изучению полевых культур Западной Грузии. ЗНПОТБС, т. VI, Тифлис, 1929, стр. 280.

⁹ Т. К. Микеладзе. Указ. соч. стр. 55—67.

кувшинчики со сливом, колхидские кубки, словом инвентарь, отражающий полное и окончательное распространение культурного виноделия — в Колхиде¹⁰.

Колхидская археологическая экспедиция ежегодно производила разведки в бассейнах р.р. Техури и Абаша на трассах работ треста Колхидмшени и в районе Леса-Джумати в бассейне р. Супса в зоне поисковых работ Грузнефти. В результате этих разведок в междуречии Техури и Абаша провели исследование трех возвышенностей, один из которых оказался жилым холмом, а в районе Леса-Джумати в с. Нигвзиани был открыт могильник, во многом отношении привлекающий внимание.

На жилом холме было зафиксировано четыре культурных слоя. По керамическому материалу (табл. XLVII₁) первый культурный, слой следует отнести к концу позднебронзовой эпохи. Керамический материал II культурного слоя носит более архаический облик. Эта посуда в основном древнеколхского I периода¹¹ (табл. XLVII₂). Третий культурный слой представлен в качестве тоненькой прослойки с безликими керамическими обломками. Самым мощным (0,6—0,7 м) оказался IV культурный слой, который имеет в отличие от других слоев горизонтальное распространение. Обнаруженная в этом слое керамика (табл. XLVII₃) отличается несложными, цилиндрическими профилями, украшена также несложными парными шишкообразными выступами, простыми шевронами и т. д. Эта керамика больше тяготеет к материалам эпохи средней бронзы.

Что же касается могильника в с. Нигвзиани, то этот памятник, как отмечалось выше, представляет большой научный интерес. Могильник состоит из коллективных погребальных ям, которые первоначально, по-видимому, перекрывались насыпью булыжного камня. Так как, на могильнике применялся обряд вторичного захоронения с кремацией, нашедший отражение в описаниях Колхиды древних авторов¹² и на других памятниках Западной Грузии¹³ при каждом последующем погребении каменная насыпь перемешивалась с остатками покойников и погребальным инвентарем. Поэтому, выделить отдельный индивид с принадлежащим ему инвентарем невозможно.

Погребальные ямы имеют продолговато-овальную форму, они вырыты в окаменевшей породе глины. Погребальный инвентарь (табл. XLVIII) состоит из украшений и туалетных принадлежностей (бусы из сердолика, гишера, агата, стекла, разноцветной пасты; некоторые из них представляют собой миниатюрные фигурки животных; бронзовые фибулы, бронзовые булавы скульптурными головками животных, бронзовые и серебряные высочные кольца, пинцеты, подвески-фигурки животных, фаллическая статуэтка мужчины), оружия как бронзового (кинжалы один из них листообразный, остальные — черешковые, втульчатый наконечник копья, наконечники стрел как втульчатые, так и трехперые т. н. скифского типа), так и железного (топор, акинаки,

¹⁰ Т. К. Микеладзе. Указ. соч. стр. 61.

¹¹ Там же. стр. 53—55.

¹² Латышев. Известия древних писателей греческих и римских о скифии и Кавказе. Санкт-Петербург, 1901, стр. 409, 418, 455—456, 608.

¹³ М. Ивашенко, Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тб., 1935. стр. 69—71. Н. И. Окропиридзе, М. В. Барамидзе, Палурское «Садзвле», МАГК, т. VI, Тб., 1974. стр. 97.

мечи, кинжалы, наконечники стрел и копий) и что самое главное, из земледельческого орудия в основном железного (мотыги, лемехи, согнутые ножи, используемые в виноградниках, серпы, бронзовые сегменты), в количественном отношении намного превышающего оружие и достигающего уже много десятков экземпляров. Присутствие в погребальных комплексах земледельческого орудия, редчайшее явление¹⁴, определяющее социальный, а как следствие последнего и идеологический характер населения не только данного участка, но и всей Колхиды¹⁵.

В обнаруженной на могильнике с. Нигвзиани керамике четко различается посуда двух хронологических групп — древнеколхского II и среднеколхского I периодов. Эта керамика хорошо датирует могильник концом VII и началом VI в. до н. э., что подтверждается характером металлических находок — имеется в виду наконечники стрел скифского типа, акинаки и т. д.

Одним из значительнейших памятников, изучаемых Колхидской археологической экспедицией, являются поселения VI—V вв. до н. э. на левой террасе р. Риони (Фасиса античных источников) в зоне с. Чаладиди и скважин Грузнефти, в непосредственной близости от предполагаемого местонахождения древнего Фасиса и современного портового г. Поты. Среди этих поселений самое древнее и значительное было зафиксировано на холме Симагре. Поселение это, по-видимому, было усадьбой богатого горожанина, которое просуществовало примерно от середины VI до середины V в. до н. э. Оно состояло из срубных жилых и хозяйственных помещений, которые неоднократно перестраивались. Обнаружены остатки четырех друг на друга надстроенных домов, которые в месте с инвентарем, принадлежащим каждому из этих домов, образовали три культурных слоя с четырьмя строительными уровнями (табл. II).

Археологический материал представлен изделиями из дерева, металла и керамики. Самую многочисленную группу находок составляет керамика — местная и импортная (табл. II₂). Следует отметить, что одна из самых разнообразных коллекций греческого импорта, как ионийского, так и из материковой Греции, была обнаружена именно здесь.

Результаты археологических исследований поселений Симагре, да и других поселений на левом берегу исторического Фасиса, имеют большое научное значение в деле изучения древней истории Грузии, не только потому, что они отражают процесс урбанизации в прибрежной Колхиде, характер колхидских городов, особенности хозяйства, ремесел, быта, вкусов, потребностей, диапазон и конкретные стороны внешних связей, но определяют хронологические рубежи одного из самых важных периодов истории Колхиды, периода Среднего царства¹⁶ и, более того, служат исходной межой для ретроспективного построения археологической периодизации и хронологии Колхиды.

В заключении еще об одном археологическом комплексе, найденном во время строительства дороги в с. Гонио, соответствующем

¹⁴ Г. Ч а и л д. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 148.

¹⁵ Т. К. М и к е л а д з е. Цит. соч., стр. 156 и сл.

¹⁶ О периодизации истории Колхиды см. Т. К. М и к е л а д з е. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды. Вопросы древней истории (Кавказско-Ближневосточный сборник, IV). Тбилиси, 1973, стр. 126—155; его же; Исследования..., гл. IV.

г. Абсару античных источников. Комплекс этот¹⁷ замечателен не только тем, что он состоит только из золотых вещей, количество которых превышает три десятка, но главным образом тем, что непосредственно связан с г. Абсар и ясно отражает богатство Колхидского царства и утонченность и высокую технику художественного ремесла в Колхиде времен начала новой эры.

В комплексе из Гонио особого внимания заслуживает литая скульптура юноши с диском или чашей, чеканный медальон, чеканный фалер с изображением зверинного боя и т. д. (табл. L). По своему характеру комплекс состоит из погребального инвентаря, в основном украшений характерных и для других погребальных комплексов Грузии римской эпохи, однако являясь кладом не исключена возможность некоторой разновременности отдельных вещей. Несмотря на то, что Гонийская коллекция в настоящее время находится в процессе изучения, по отдельным аналогиям ее можно датировать первыми веками новой эры. В этом отношении привлекают внимание золотые бляхи, одна часть которых является прямой аналогией, а другая разнovidностью известных блях из погребальных комплексов Клдееи и Армазисхеви¹⁸.

Общей примечательной особенностью Гонийской коллекции является, с одной стороны, продолжение древнейших традиций колхидского злотокузнечества, например, украшение вещей техникой зерни, которую мы встречаем уже на золотой подвеске из нижнего слоя поселения Симагре (табл. L), датированной серединой VI в. до н. э., и являющейся одной из древнейших золотых вещей из Колхиды, и с другой стороны, явная связь с ювелирными изделиями последующего периода.

Такова общая, далеко неполная, картина археологического изучения Колхиды в зонах новостроек за последние три года. Работы той направленности и масштабы, о необходимости которых отмечалось и ранее, только начались. Нет сомнения в том, что дальнейшее археологическое изучение Колхиды будет отмечено гораздо более значительными открытиями.

¹⁷ Информацию об этом комплексе см. Т. К. Микеладзе. Золото древней Колхиды. «Вокруг света», № 4, 1975.

¹⁸ Г. А. Ломтатидзе. Некрополь II века н. э. в Клдееи, Тбилиси, 1957 (на груз. яз. с русск. резюме), таб. XIV, XV₁₋₂; А. М. Апакидзе, Т. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Мцхета I, Тб. 1955, табл. I, bis, XXXVII, XXXVIII.

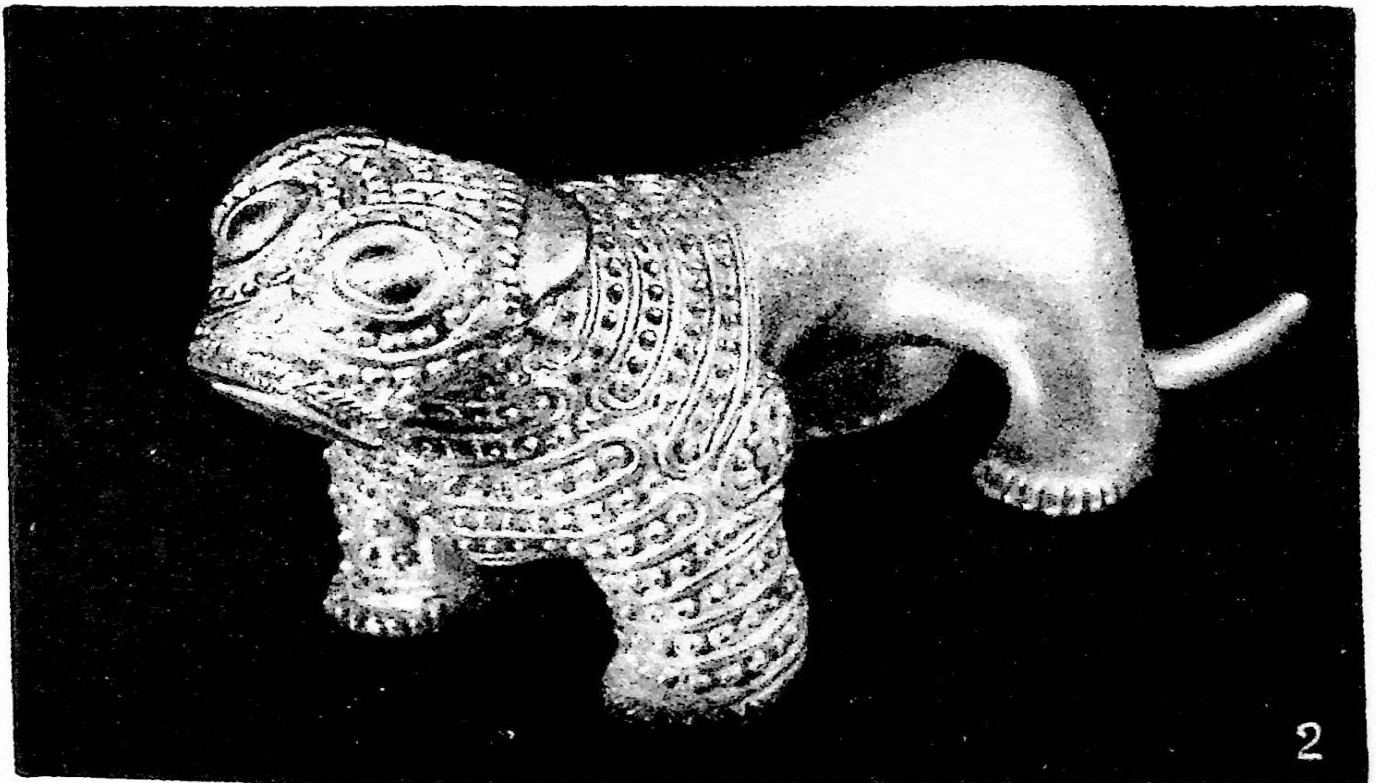
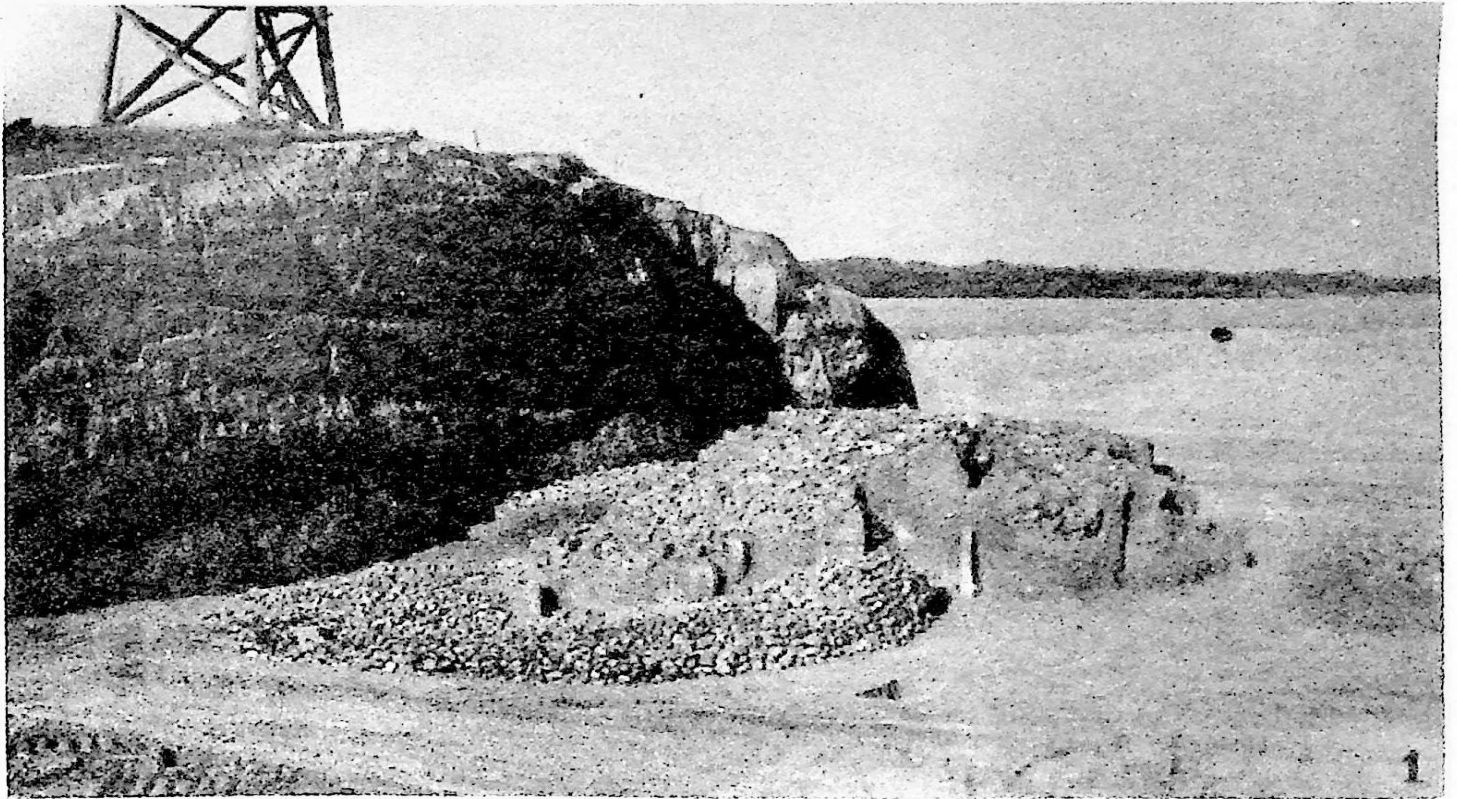
ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

- I 1. Общий вид кургана № 1 Алазанской долины в процессе расчистки. Конец III тысячелетия до н. э.
- 2. Золотая скульптурка льва из кургана № 2 Алазанской долины. Конец III тысячелетия до н. э.
- II 1. Погребальная камера садугского кургана № 2.
- 2. Бронзовый меч из садугского кургана № 2; XVIII—XVII вв. до н. э.
- 3. Глиняный сосуд, орнаментированный обжигом из садугского кургана № 2. XVIII—XVII вв. до н. э.
- III. Золотые и сердоликовые предметы из кургана № 2. XVIII—XVII вв. до н. э.
- IV. 1. Глиняная антропоморфная скульптура на ручке сосуда (святилище Меллигеле I). XIV—XIII вв. до н. э.
- 2. Общий вид погребальной камеры кургана № 5 (Земо Бодбе) XV — XIV вв. до н. э.
- 3. Бронзовый кинжал из кургана № 5 (Земо Бодбе) XV—XIV вв. до н. э.
- V Керамика Трельского поселения куро-аракской культуры второй половины IV-го — начала III-го тысячелетия до н. э.
- VI Инвентарь погребения № 45 Трельского могильника, XIII в. до н. э.
- VII Инвентарь погребения № 41 Трельского могильника, XII в. до н. э.
- VIII Металлические предметы и бусы из погребения № 49 Трельского могильника, IX в. до н. э.
- IX Часть инвентаря погребения № 16 Трельского могильника, VIII—VI вв. до н. э.
- X Зооморфные сосуды и алебастровая пиала из погребения № 16 и № 24. VIII—VII вв. до н. э.; бычек и пиала из погребения № 25.
- XI Глиняные сосуды из Трельского могильника: 1 — из погребения № 3; 2, 3 — из погребения № 17, 4 — из погребения № 21; I в. до н. э.
- XII Золотые украшения из Дигомского ущелья: 1—4 серьги, 1—3 из Вашладжварского могильника (IV в. н. э.), 4 — из погребения № 2 Трельского могильника (I—III вв. н. э.), 5 — перстень из Вашладжварского могильника (IV в. н. э.), 6 — перстень из погребения № 1 Телованского могильника (IV в. н. э.), 7 — браслет из погребения № 1 Трельского могильника (III в. н. э.).
- XIII 1. Жинвали, XVI участок. Керамика с рельефными изображениями туров.
- 2. Обсидиановые, кремневые и костяные орудия.
- XIV 1. Ахали Жинвали. Могильник I, погребение № 5, Серебряные пряжки.
- 2. Арагвиспирский могильник. Препарированные погребения.
- 3. Арагвиспирский могильник. Погребение № 9. Золотой медальон с алмандиновой инкрустацией.
- 4. Золотой перстень с инкрустацией, с того же погребения.
- XV 1. Арагвиспирский могильник. Погребение № 10 после препарации.
- 2. Арагвиспирский могильник. Погребение № 13. Золотые пуговицы от пояса.

- XVI 1. Арагвиспирский могильник. Погребение № 13. Золотые перстни с геммами.
2. Ахали Жинвали. Могильник II, погребение № 1. Серебряные, бронзовые, стеклянные и сердоликовые украшения.
- XVII 1. Арагвиспирский могильник, погребение № 13. Изображение коня перед алтарем на дне серебряной чаши.
2. Погребение № 10. Серебряная чаша с позолоченным изображением орла.
- XVIII Арагвиспирский могильник, погребение № 13. Серебряные кувшинчики с изображениями сцен охоты.
- XIX 1. Арагвиспирское поселение с двумя строительными горизонтами.
2. Картанская церковь вблизи с. Магаро (Пшавская Арагви). Внутренний вид северной стены.
- XX 1. Жинвали, городище «Накалакари». Жилые комплексы расположенные террасообразно.
2. Селище «Девебиани».
3. Жинвали. Часть стены южной ограды «Накалакари» с воротами.
- XXI 1. С. Коды, поселение и могильники последней четверти IV тысячелетия до н. э. — общий вид полуземлянок, 2. — очажная яма, 3 — грунтовое погребение № 1 и погребение в каменном ящике № 2.
- XXII 1. — обсидановый и кремневый наконечники стрел из помещений, 2 — вкладыш для серпа из роговика, 3 — кружка из каменного ящика № 3, 4 — цилиндрический сосуд из склепа № 1, 5 — миска из грунтового погребения № 1, 6 — каменный склеп № 1.
- XXIII 1. Селище Бужгулети, объект Цкароеби, план винодавильны и жилища с тремя глиняными очагами; 2. Тонкостенный глиняный кувшинчик, селище Бужгулети; 3. Гемма, селище Бужгулети, могильник; 4. Горло амфорообразного плоскодонного сосуда, селище Хиписис Кеди; 5. Обломок фасетированной стеклянной круглой чаши, селище Хописис Кеди; 6. Глиняный двуручный сосуд, селище Бужгулети; 7. Могильный инвентарь раннего средневековья из селища Хописис Кеди; 8. Арабская монета — серебряный дирхем 713/714 гг. селище Бужгулети, объект Шуа Кеди.
- XXIV 1. Могильный инвентарь из селища Мацевани; 2. План грунтового погребения позднебронзовой эпохи селище Чала; 3. Могильный инвентарь этого погребения: глиняный сосуд, листовидный кинжал из бронзы, кувшин, маленький горшок, бронзовая булавка и глиняный горшок с зооморфной ручкой.
- XXV 1. Арухло-I. Полуземлянки у подножья восточного склона холма; 2. 2—4.8. Арухло-I. Орнаментированные мотивы на керамике из заполнения «мокрого» рва; 3. Арухло-I. Фрагмент керамики с налетом антропоморфной филлической фигуры из полуземлянки № IX; 6. Арухло-I. Фрагмент керамики с налетом антропоморфной фигуры и из заполнения рва; 5. Арухло-I. «Соха» из оленьего рога (верхний строительный горизонт); 7. Арухло-I. Глиняная плоскодонная миска.
- XXVI 1. Арухло-I. Общий вид круглоплановой архитектуры; 2. Арухло-I. Четырехугольное сырцовое помещение № 19. (верхний строительный горизонт); 3. Арухло-I. Часть культового глиняного сосуда в виде водоплавающей птицы; 4,5. Арухло-I. Глиняный сосуд и глубокая миска.
- XXVII Жилой холм Мчадиджвари. 1, 2. Глиняные подставки, эпоха ранней бронзы; 3, 5, 6. Орудия из кости, эпоха поздней бронзы; 4. Глиняная печать, эпоха поздней бронзы; 7. Бронзовый амулет, эпоха поздней бронзы; 8. Глиняная модель колеса, эпоха поздней бронзы; 9, 10, 11. Образцы позднебронзовой керамики.

- XXVIII Погребальный инвентарь из «Қлдиставеби». 1. Глиняный сосуд; 2—3 бусы; 4, 5 — железные оружия; 6, 7 — булавки и гемма из села Млаше, погребения феодальной эпохи.
- XXIX Глиняная скульптура мужчины.
- XXX 1. Настакиси. Раскоп I. Остатки жилых помещений. Вид с севера; 2. Настакиси. Раскоп II. Остатки жилых помещений. Вид с запада.
- XXXI 1. Гора Настакиси. Вид раскопок с северо-востока;
2. Настакиси. Фундамент из булыжника церкви, построенной из сырцовых кирпичей.
- XXXII 1. Саркинэ, Дионис — бог покровитель растительности, виноградарства и виноделия; 2. Саркинэ. Ариаднэ — жена Диониса.
- XXXIII 1. Саркинэ. Маска поющей женщины; 2. Саркинэ. Маска женщины.
- XXXIV 1. Саркинэ. Маска женщины; 2. Саркинэ. Маска мужчины.
- XXXV 1. Саркинэ. Вид у раскопа.
- XXXVI 1. Дзалиса. 1. Фрагмент мозаики из бани; 2. Дзалиса. Гипокауст бани.
- XXXVII 1. Дзалиса. Раскоп II. Вид банного комплекса с атриумом.
2. Дзалиса. Раскоп II. Культурные слои.
- XXXVIII 1. Общий вид комплекса Надикреби II; 2. Вход в церкви; 3. Вход в маленькую комнату.
- XXXIX Белая пещера. Внутренний вид у спуска подzemелья.
- XL Белая пещера. Находки из верхнепалеолитического слоя: 1—2 кремневые остроконечники; 3 скребок-резец (кремь); 4 концевой скребок (кремь); 5 скребок на конце пластинки (кремь); 6—7 кремневые пластинки-заготовки; 8—9. костяные шилья-проколки. Находки из энеолитического слоя; 11—15. Скребки, наконечники стрелы (?), микропластинки; сегмент с ретушированной дугой (кремь), 16. Obsидиановая пластинка-заготовка, 17—23. Костяные шилья-проколки и украшения, 24—34. Обломки антропо- и зооморфных глиняных фигурок, 35. Ритуальный хлебец-колобок из глины, 36—38. Обломки от стенок и краев глиняной посуды, 39. Глиняное пряслице, 40—41. Полированные стамесочки из речной гальки, 42. Полированный ударник из речной гальки.
- XLI 1—2. Фрагменты древнейшей кладки Варцихского городища.
- XLII Керамические сосуды, костяной предмет и железный топор из античного поселения «Гиоргобианебис убани» (с. Варцихе, Маяковский р-н).
- XLII Керамическая тара из нижнего слоя Варцихского городища.
- XLIV Метки гончаров на фрагментах керамической посуды из раннесредневекового слоя Варцихского городища.
- XLV Испани, материалы из культурного слоя поселения конца III тысячелетия до н. э.
- XLVI Анаклия, Дихагудзуба II. 1. общий вид раскопа с деревянными сооружениями, 2. пол с деревянным настилом (первая половина II тысячелетия до н. э.).
- XLVII Икеми, жилой холм (середина и вторая половина II тысячелетия до н. э.). 1. керамические фрагменты из I культурного слоя. 2. керамические фрагменты из II культурного слоя.
3. Керамические фрагменты из IV культурного слоя.
- XLVIII Нигвзианский могильник, погребальный инвентарь VII—VI вв. до н. э.
- XLIX «Симагре», поселение второй половины VI в. до н. э.
1. Общий вид раскопа с деревянными сооружениями.
2. Импортная чернофигурная керамика.
- L 1—2. Золотая подвеска из «Симагре» — середина VI в. до н. э.
3—8. Предметы из клада с. Гонио III в. н. э.

ТАБЛИЦЫ

1

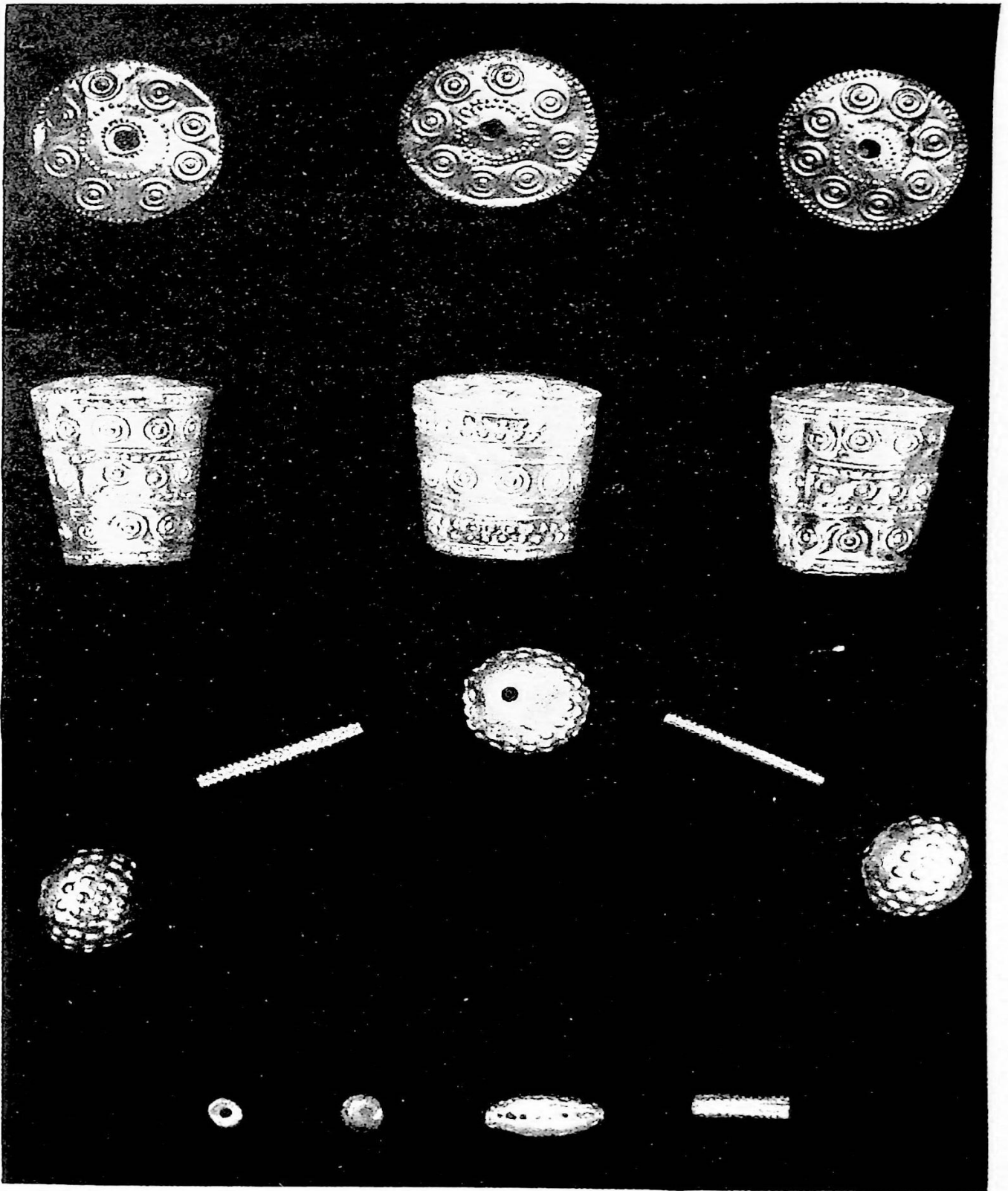

2

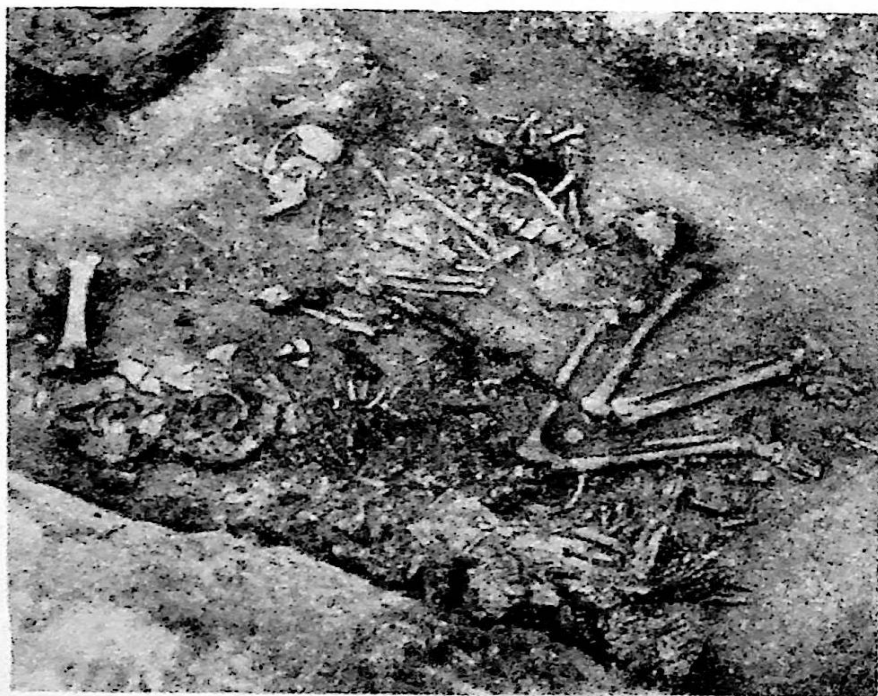
3

mm

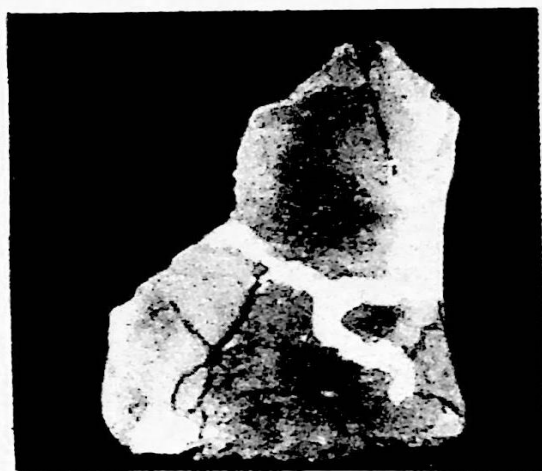
1

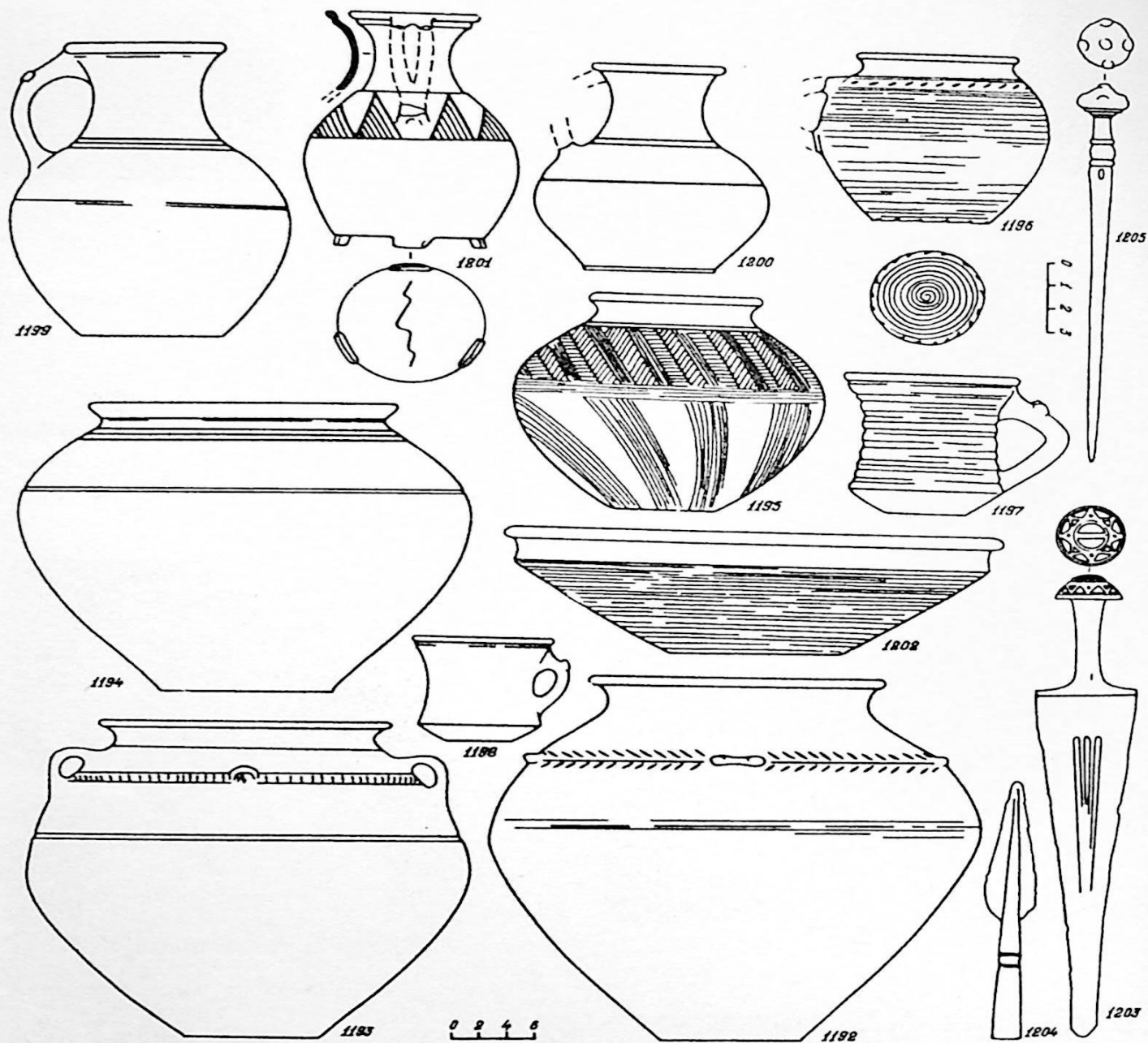

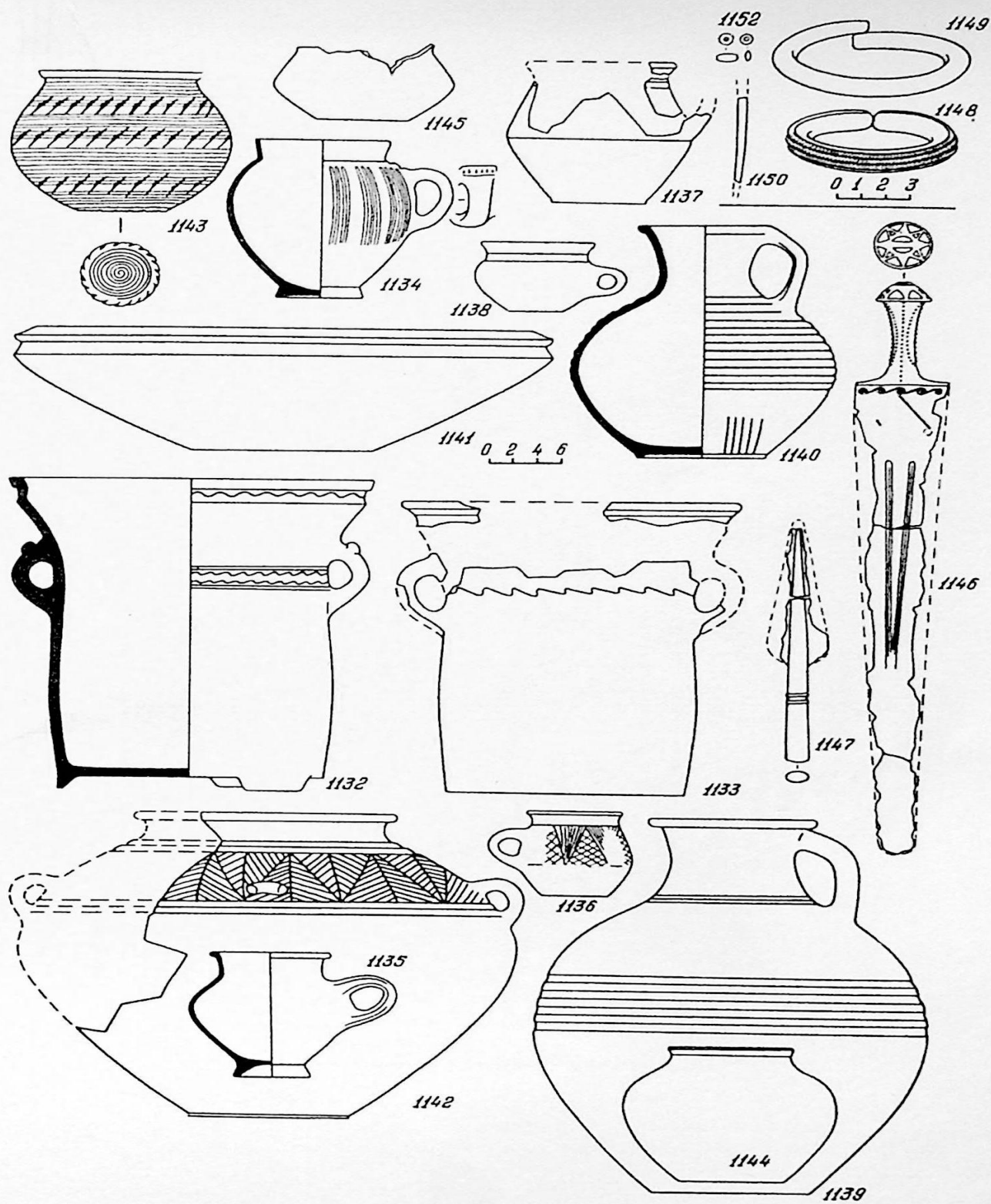
2

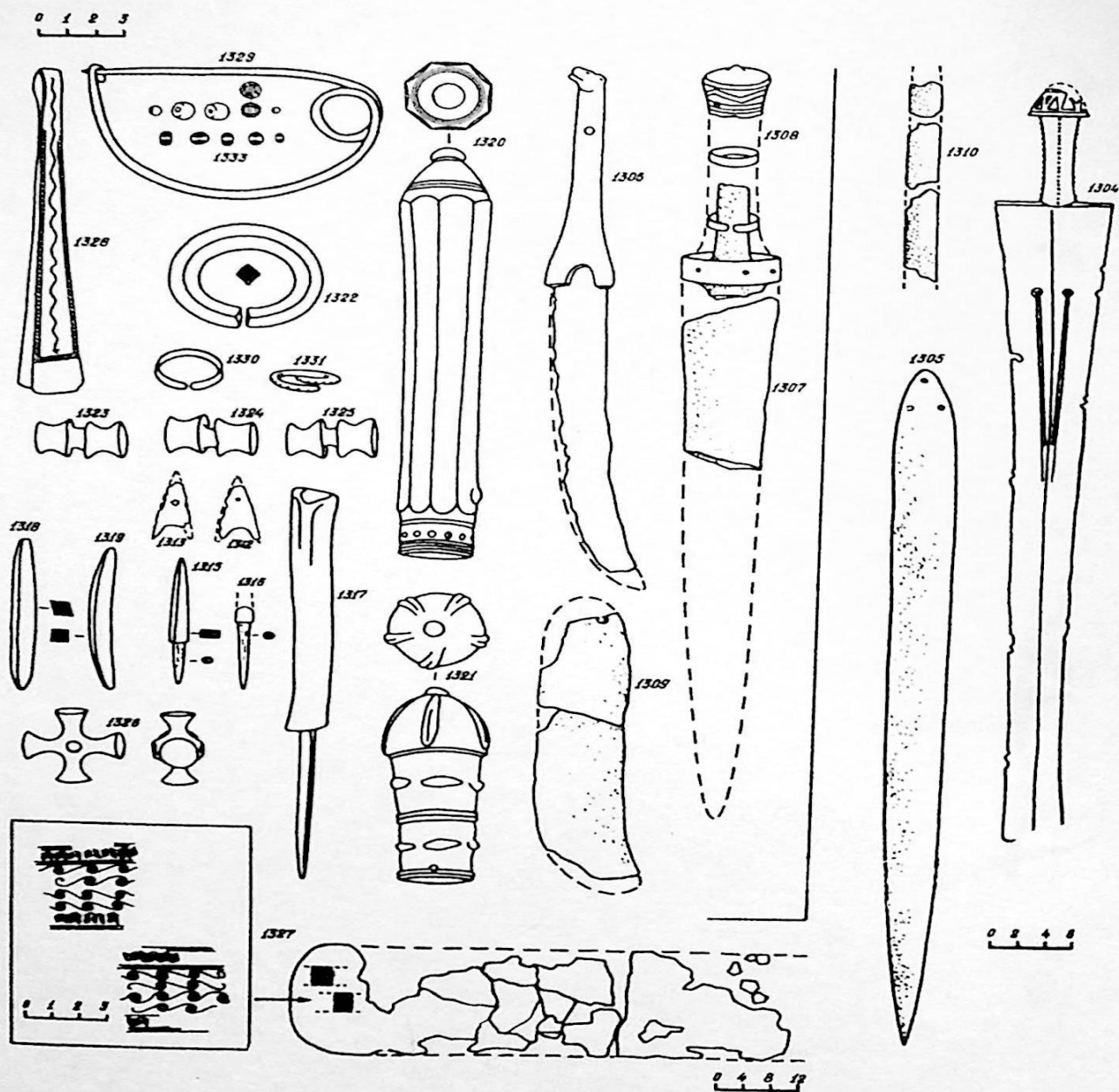

3

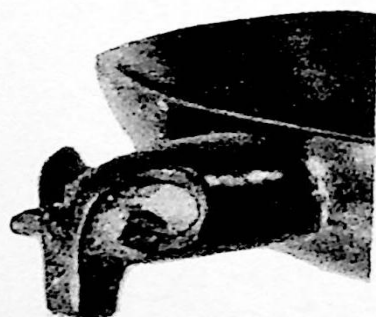

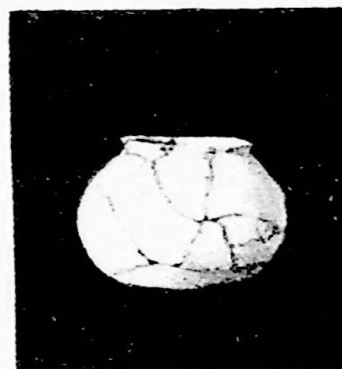
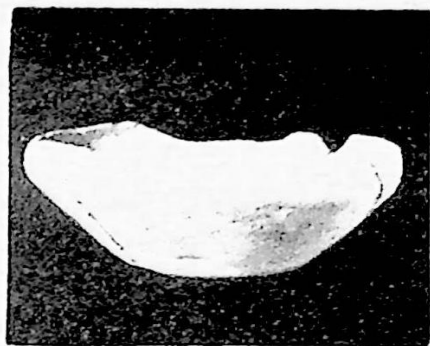

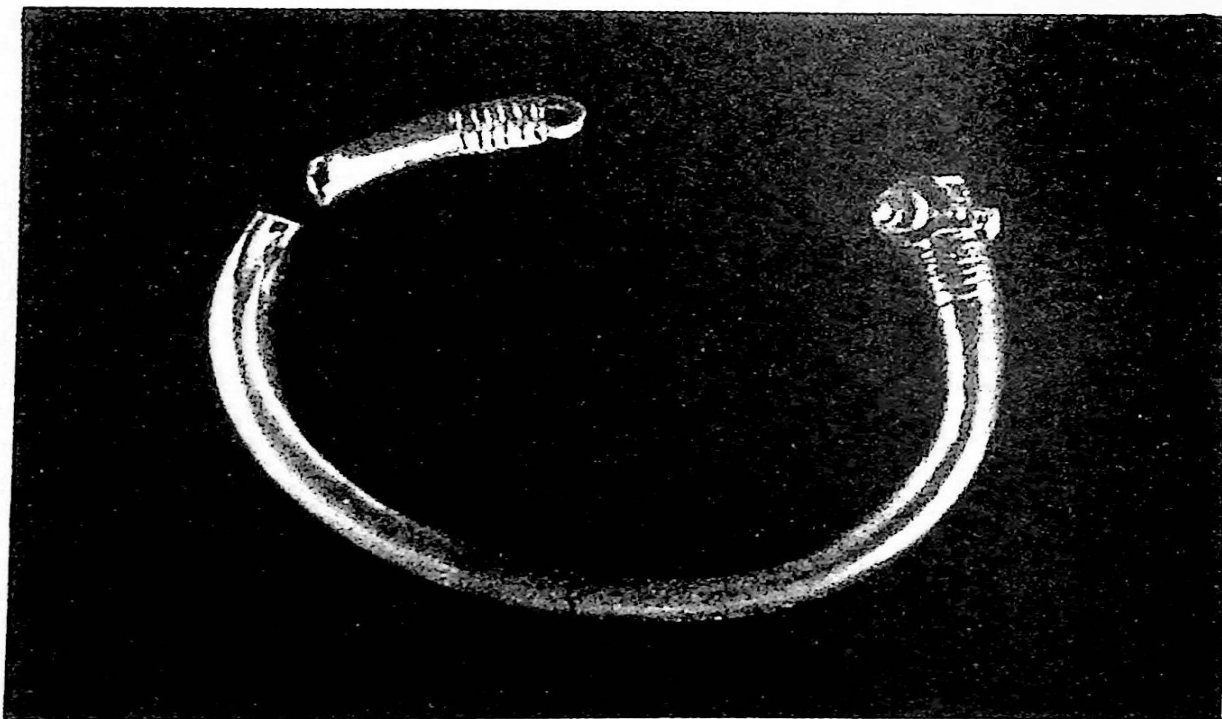
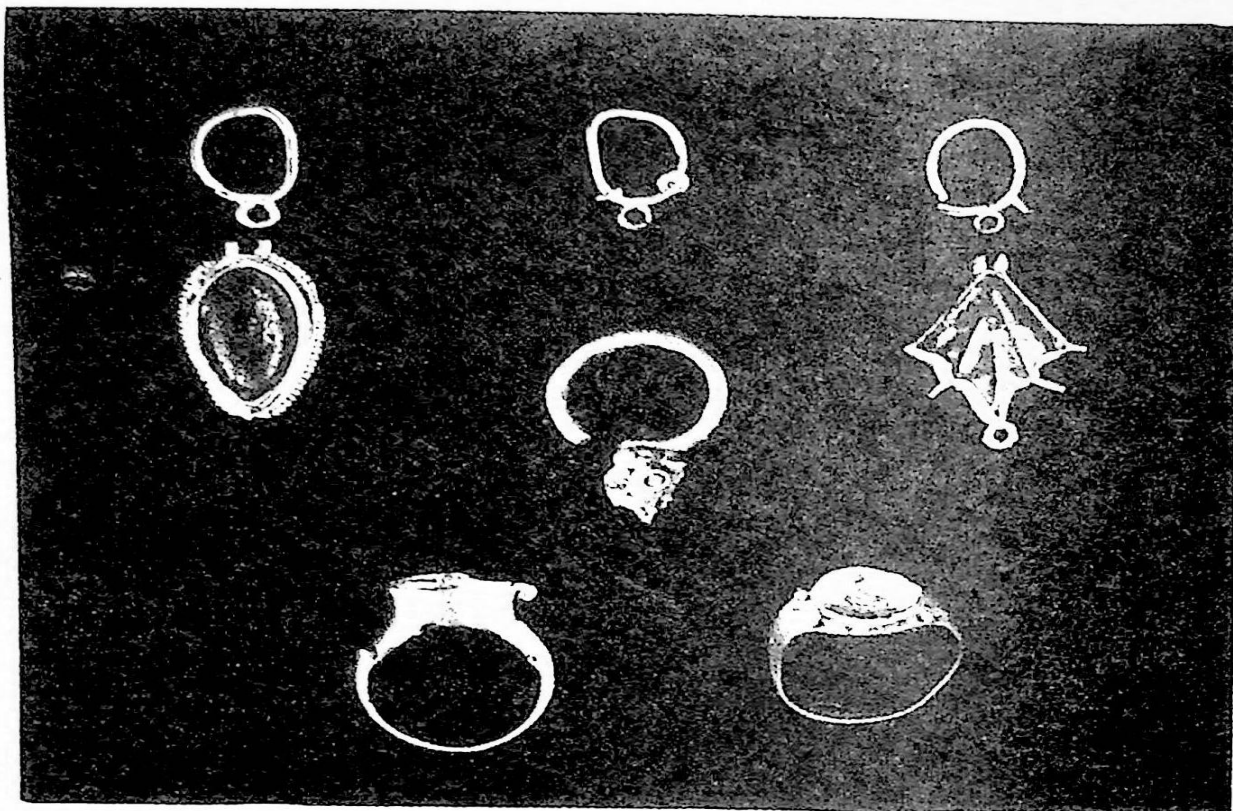

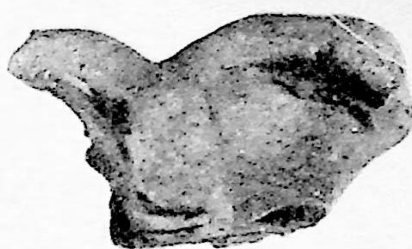

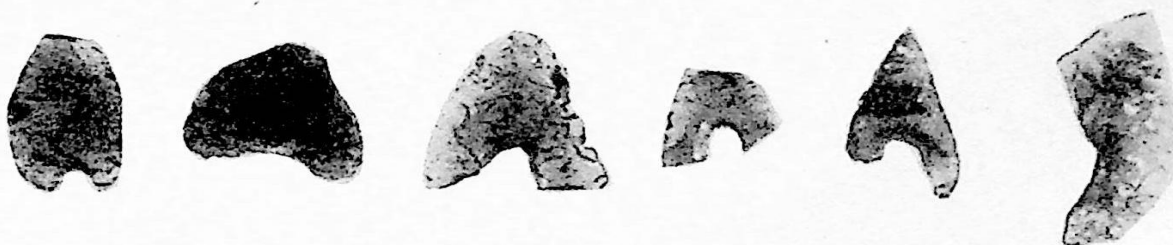

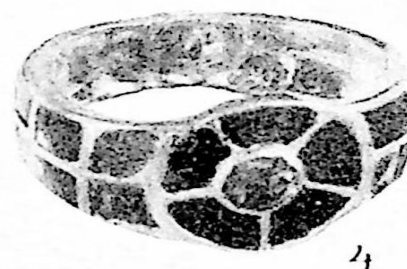
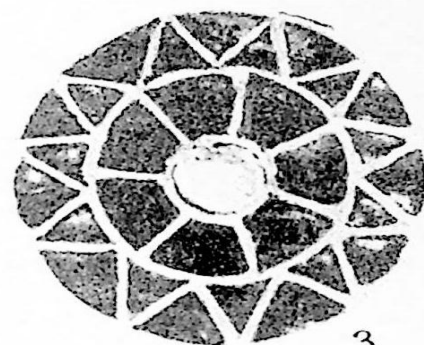
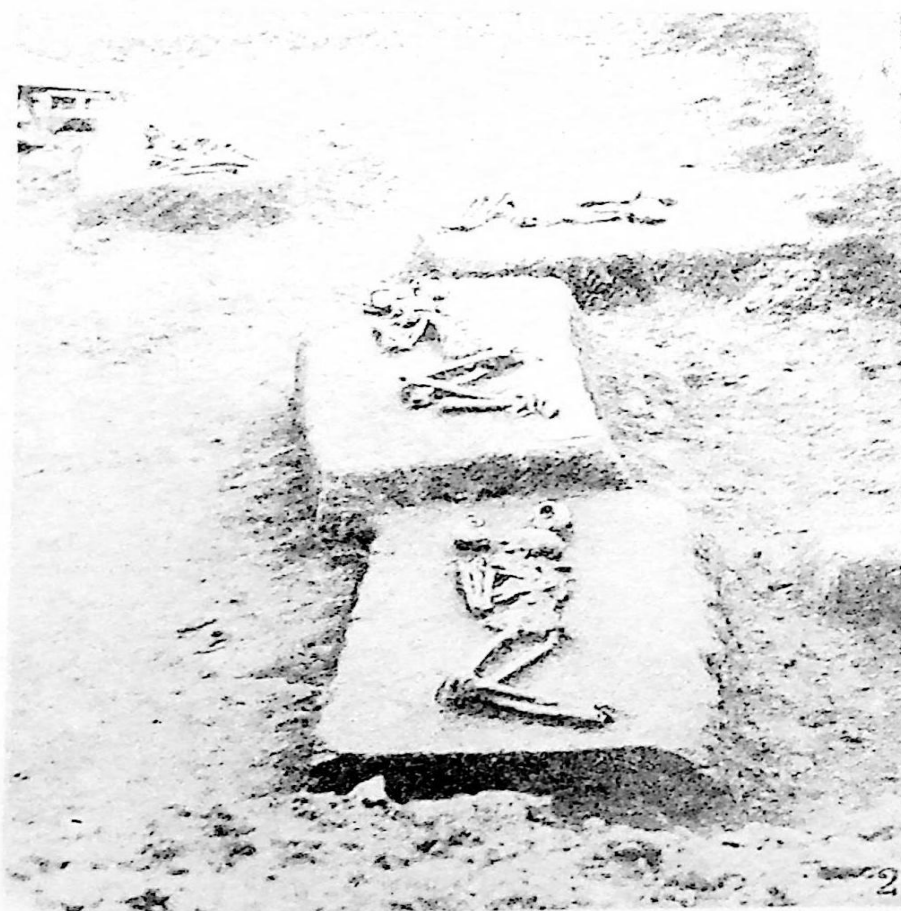
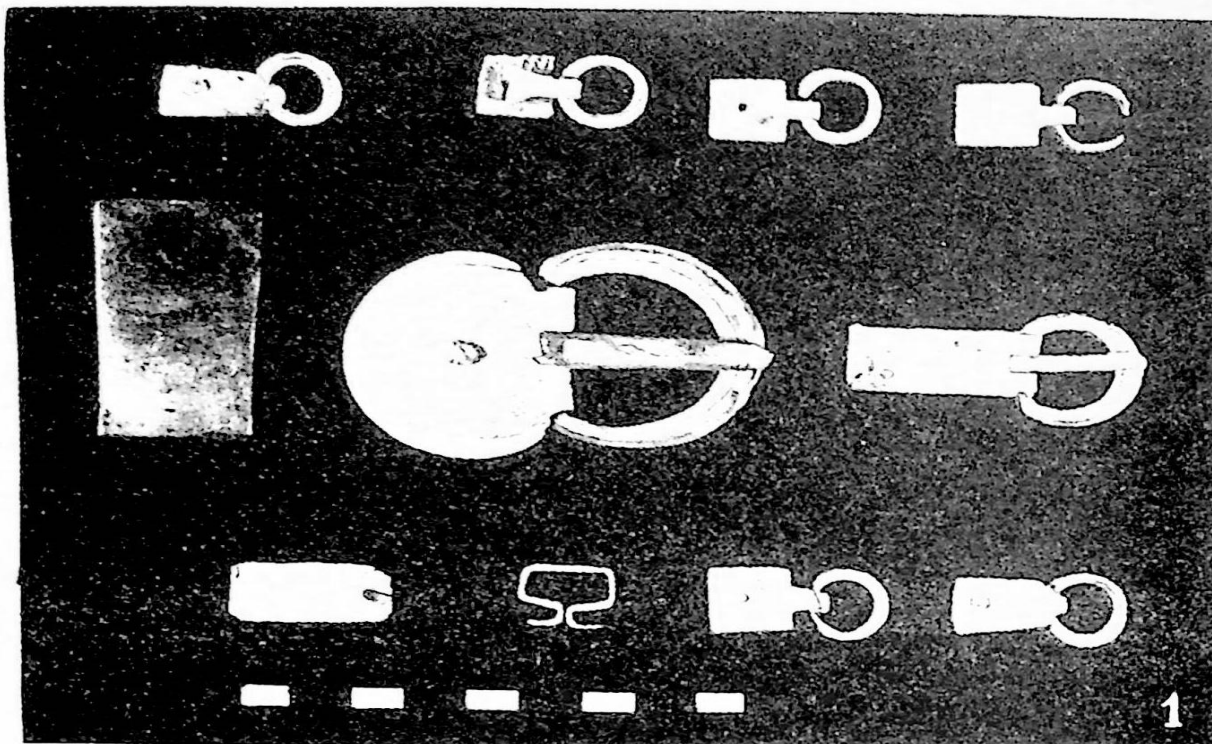

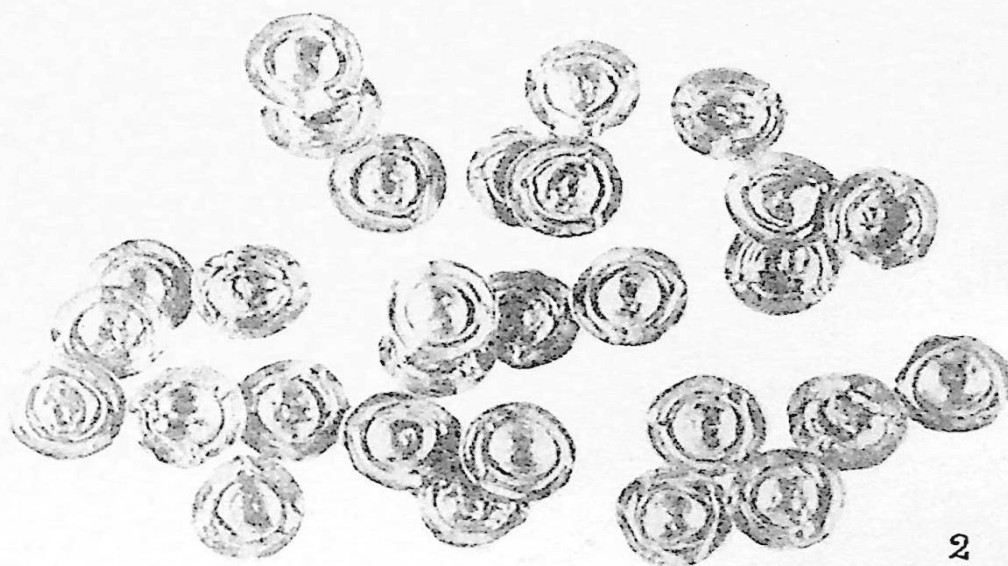
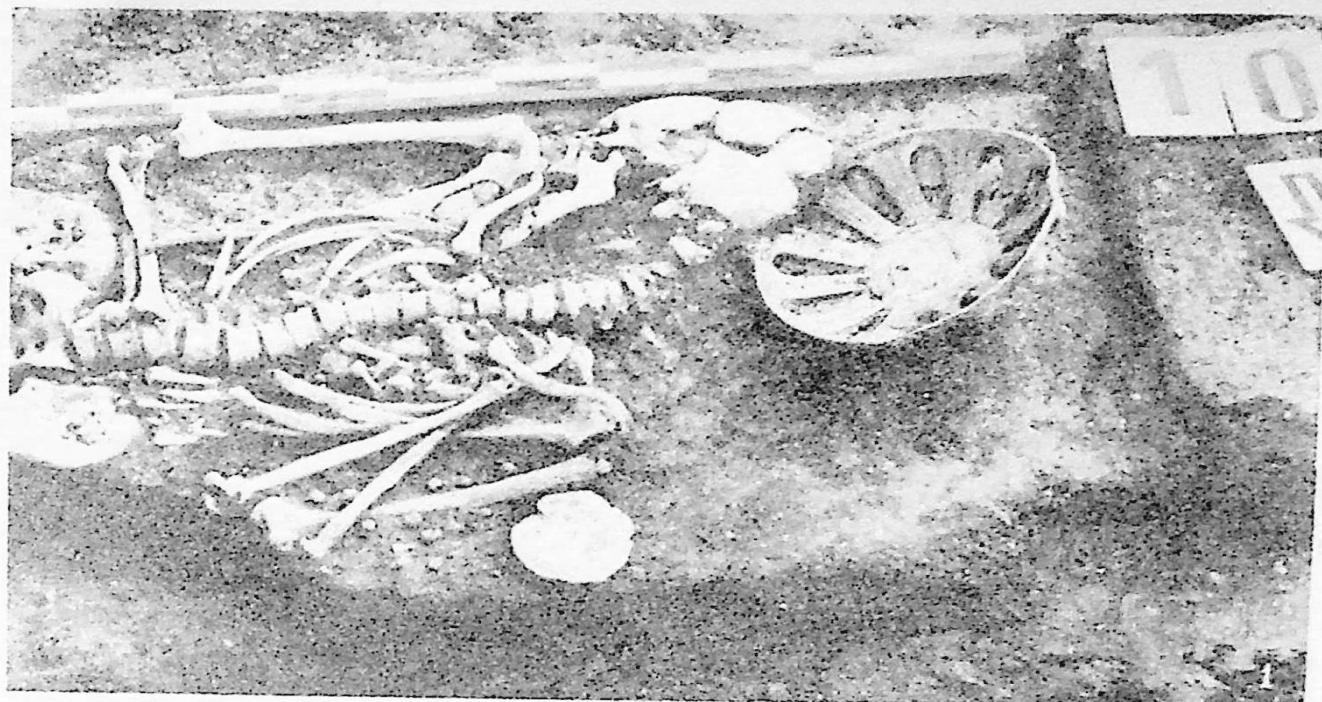

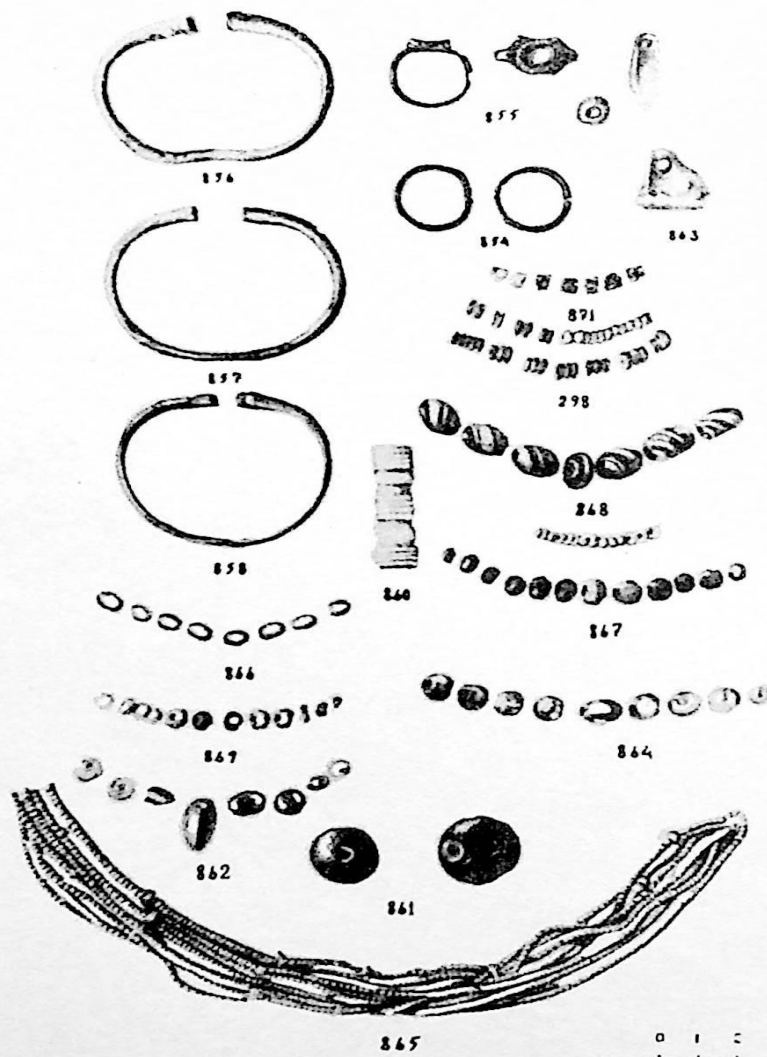
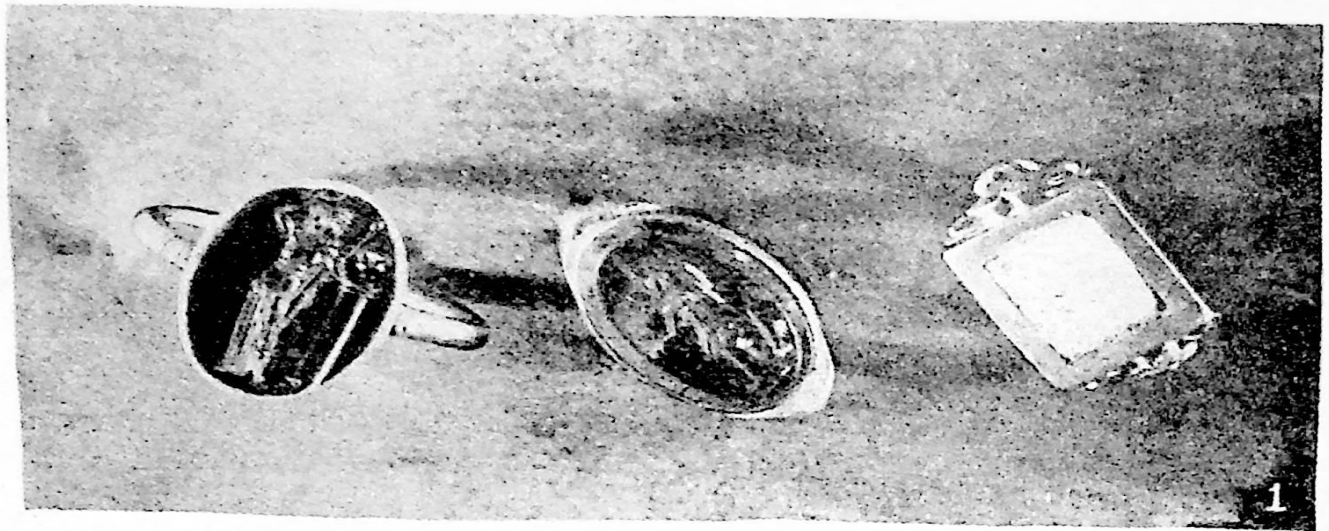
1

2

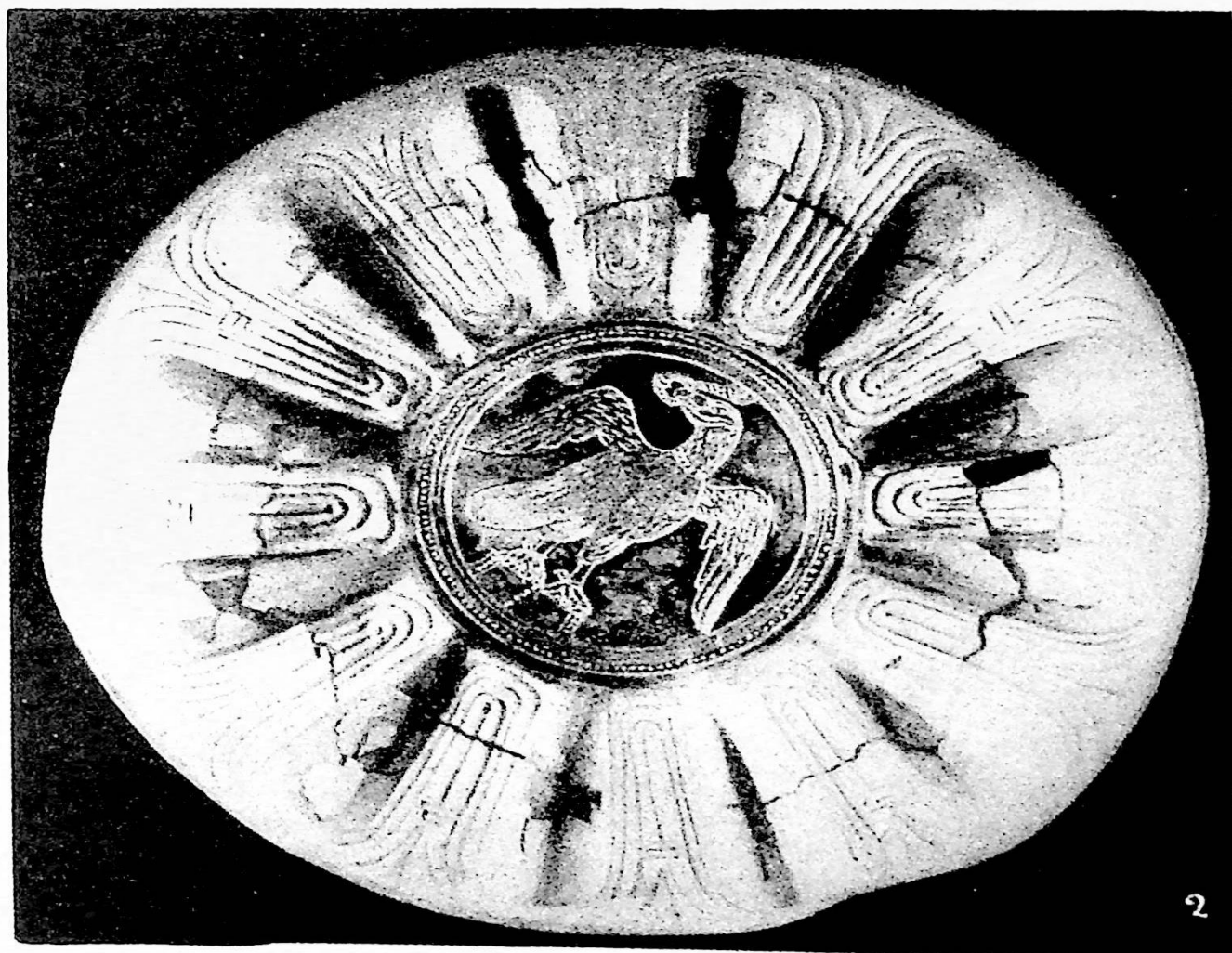

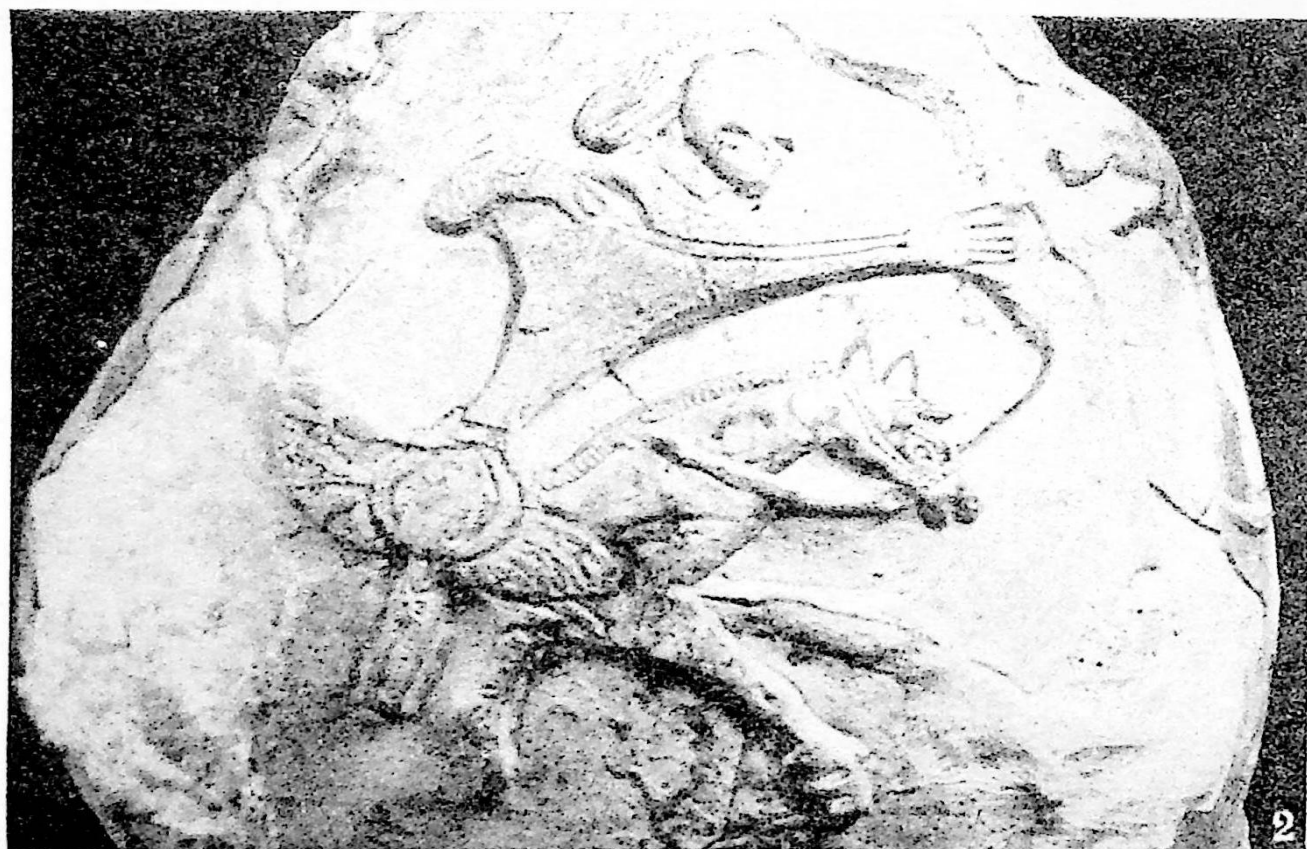
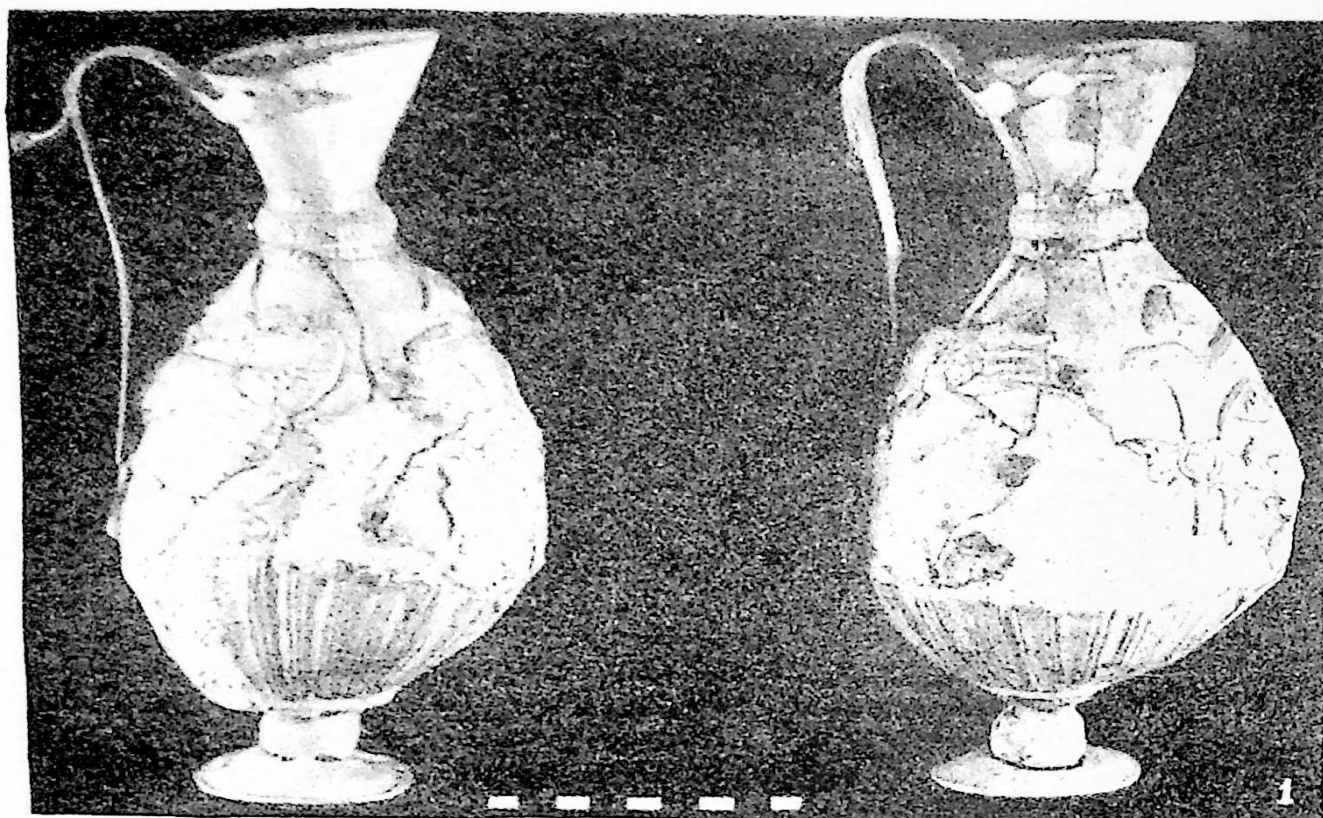

1

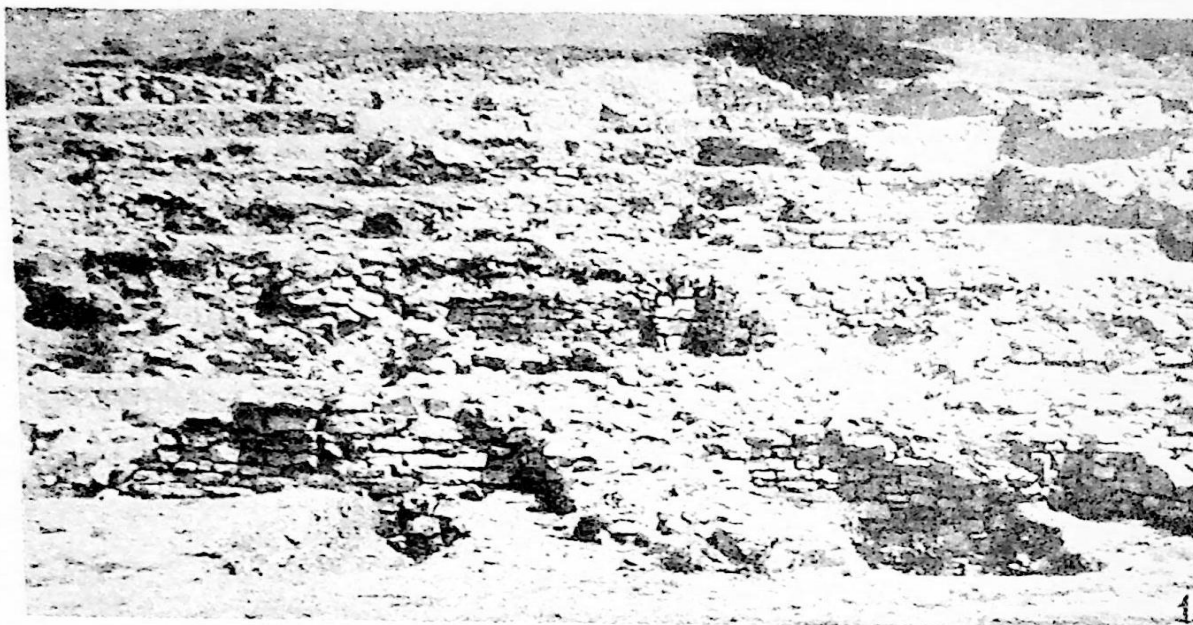

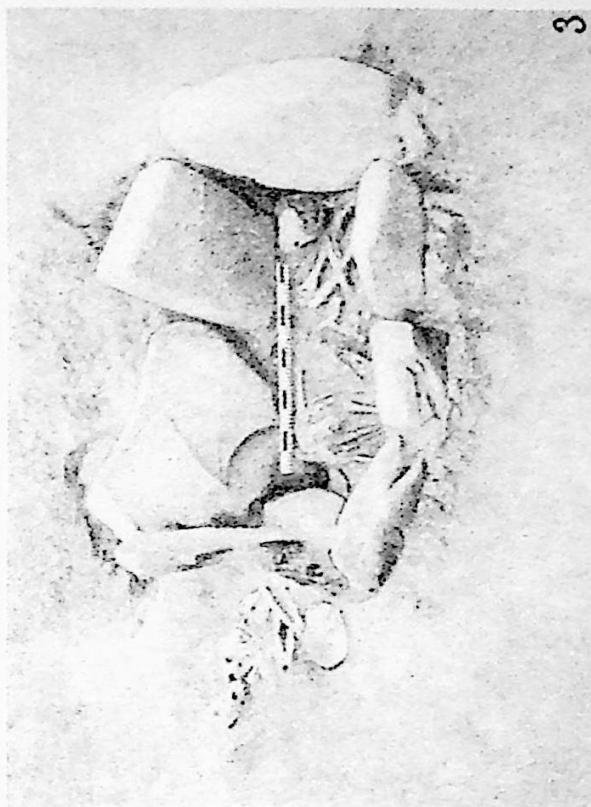
2

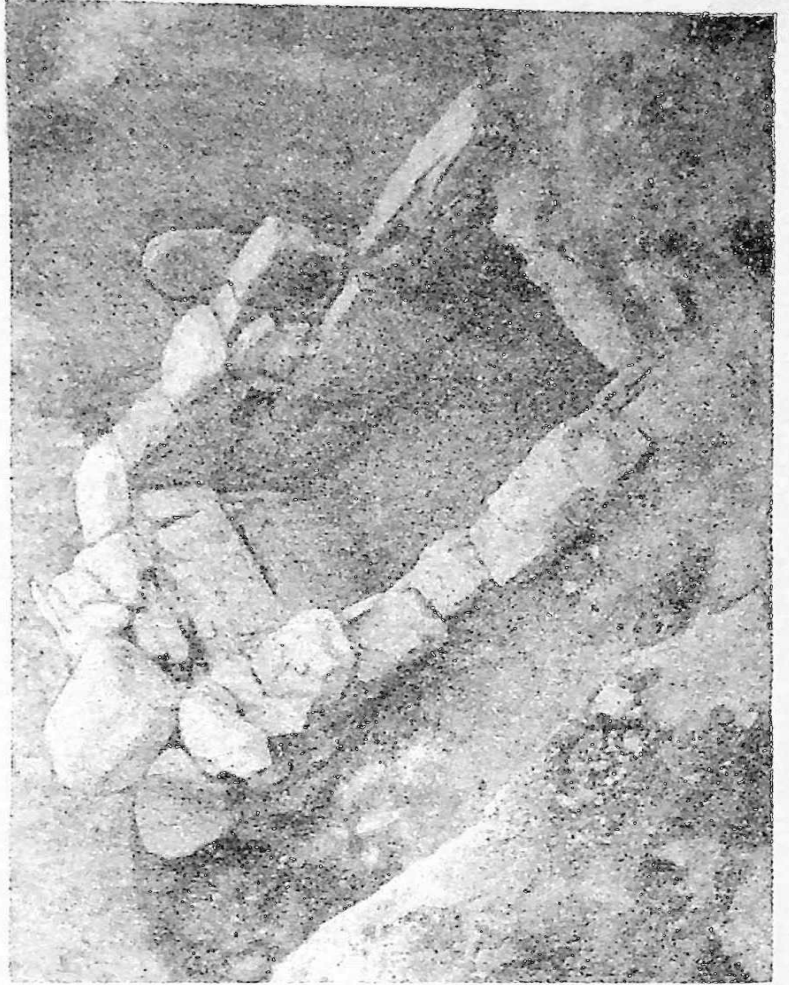

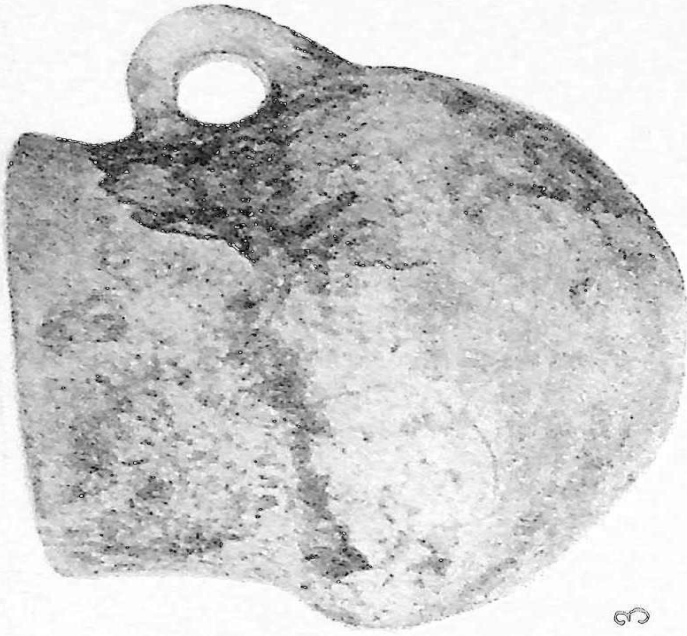
XX

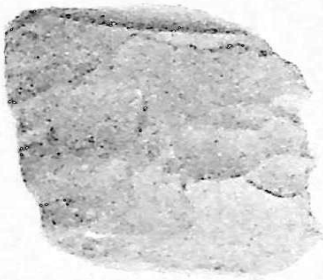

3

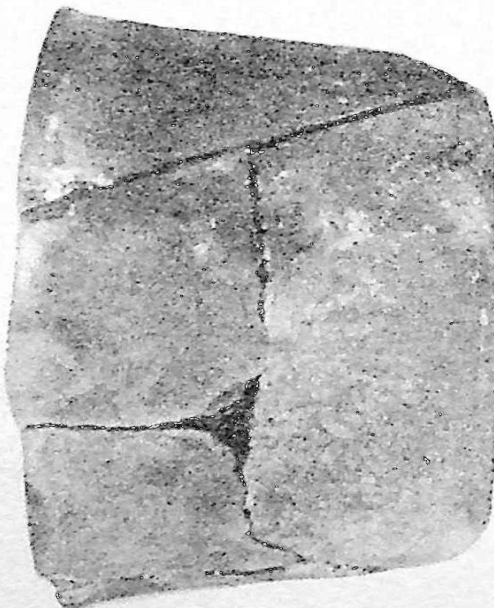
2

6

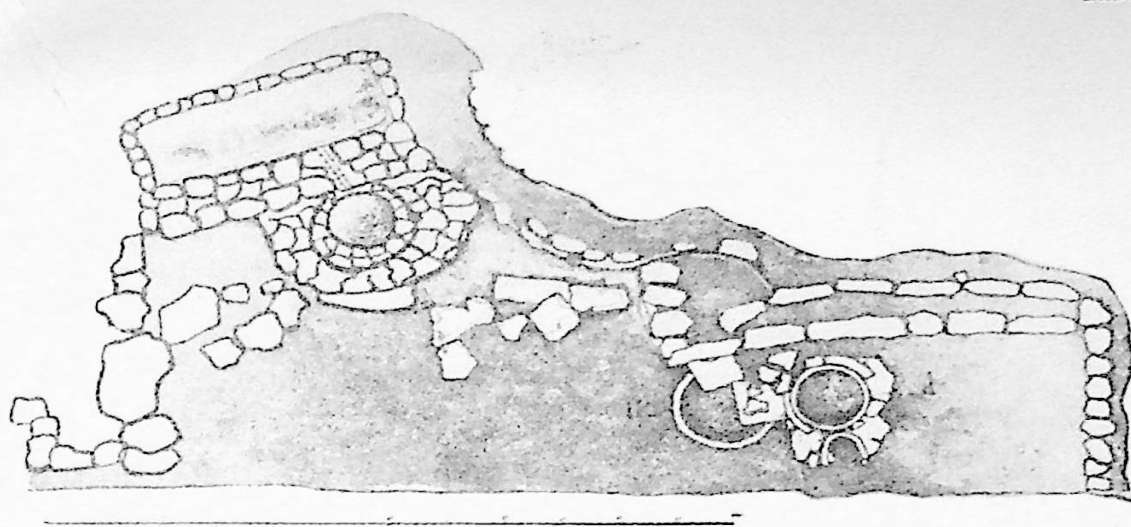
5

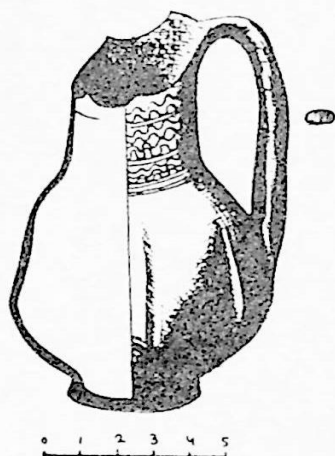
4

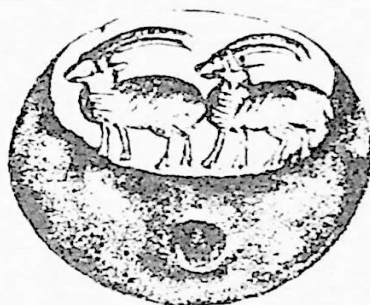
1

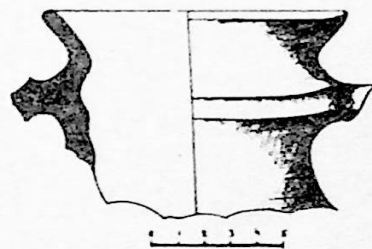
1

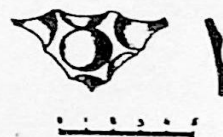
2

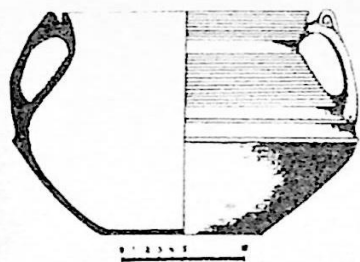
3

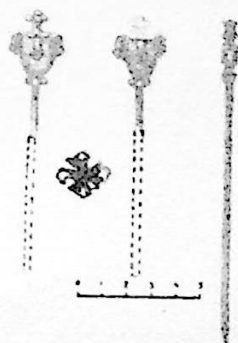
4

5

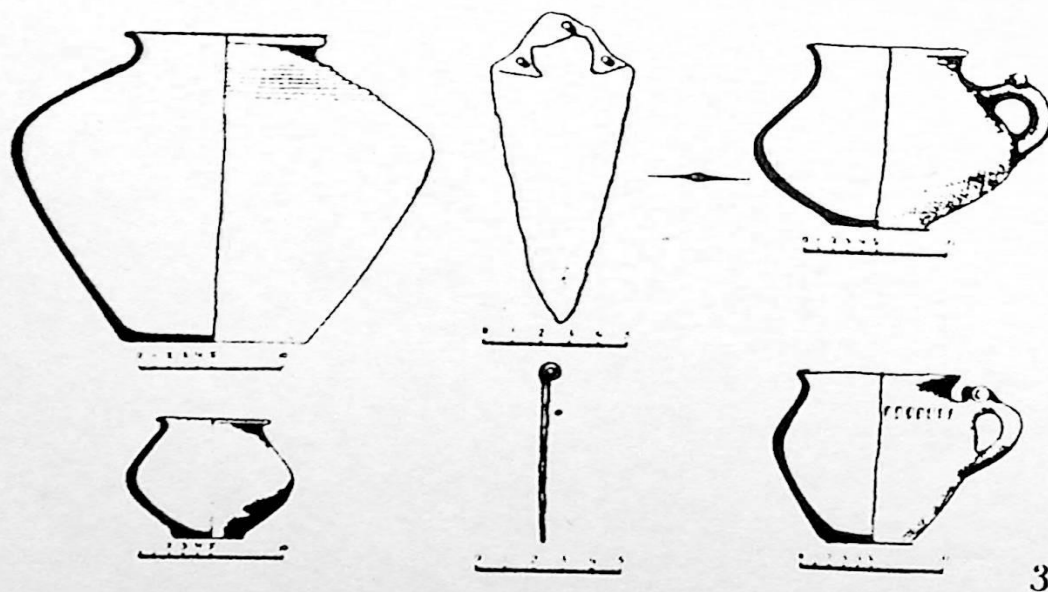
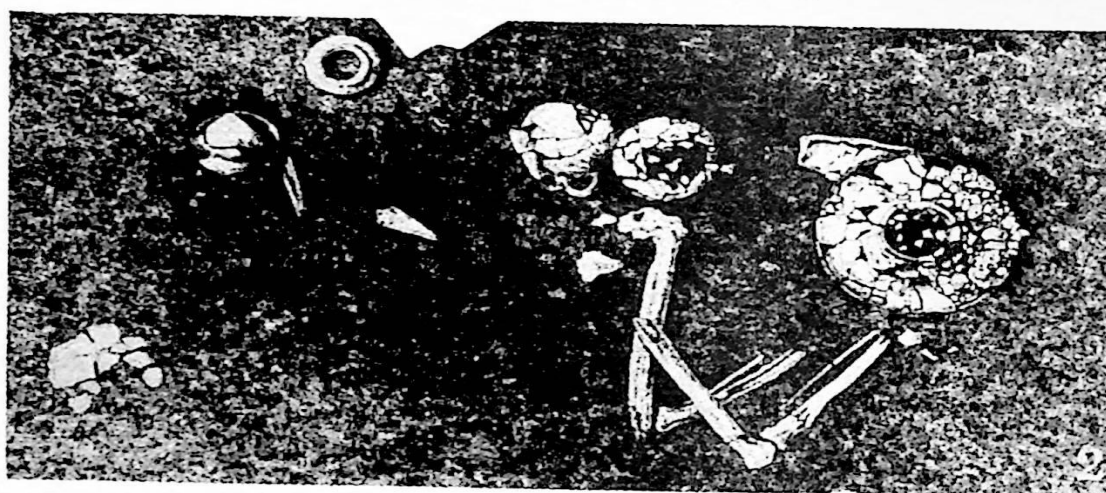
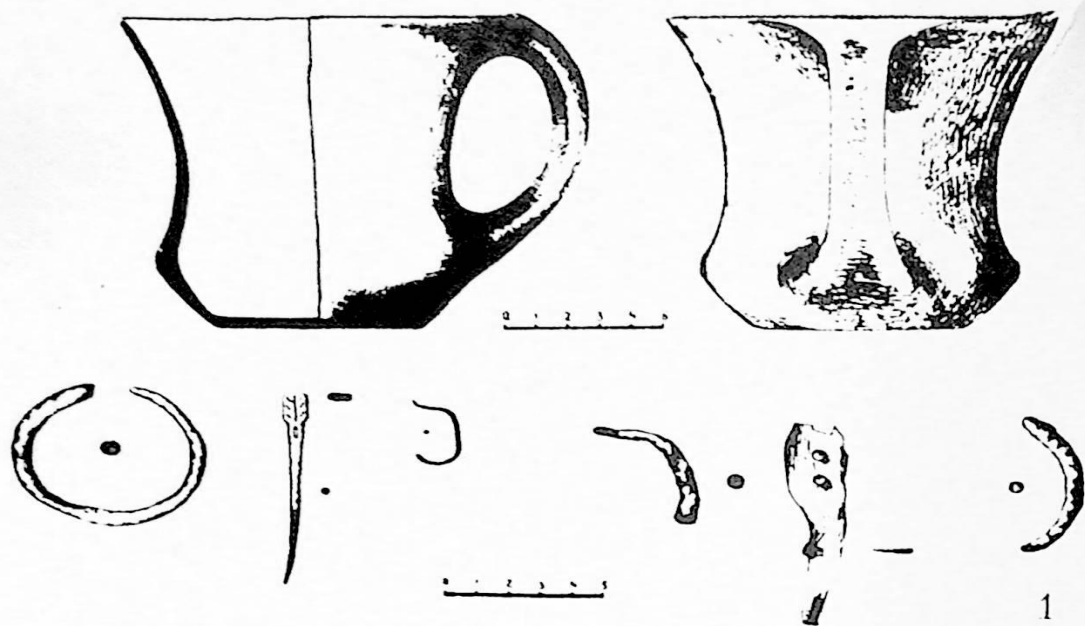
6

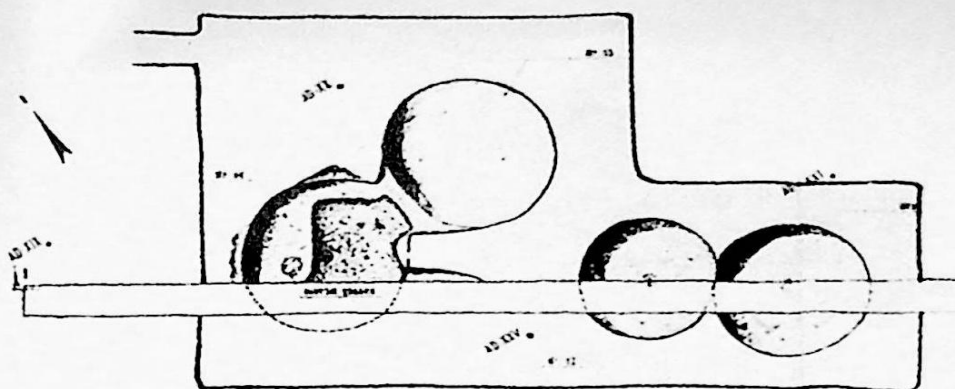

7

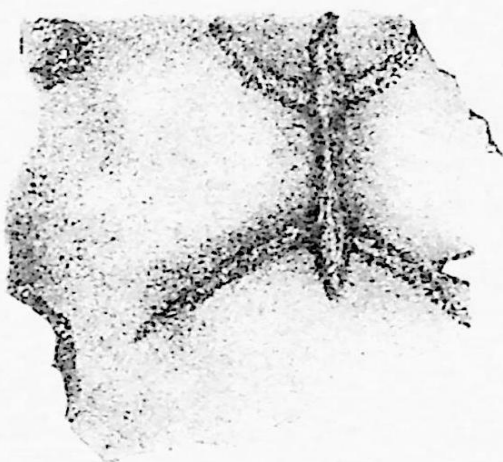

8

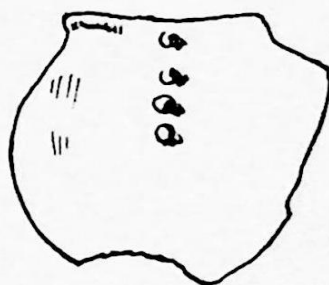
1

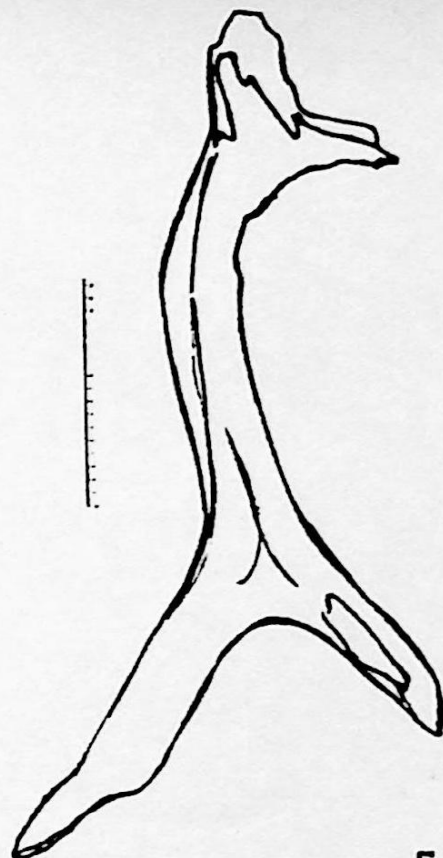
1 0 1 2 3 4 5 6 cm

2

3

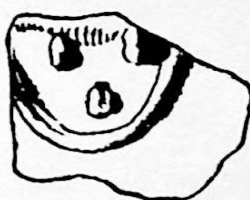
4

5

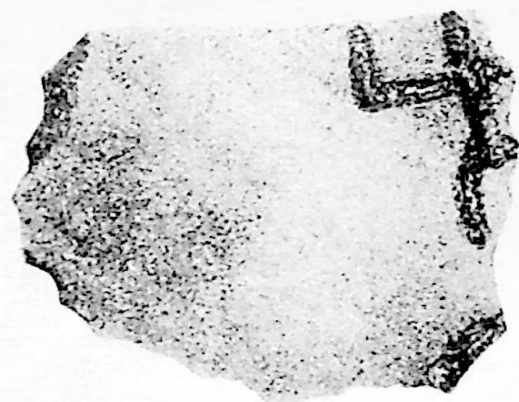

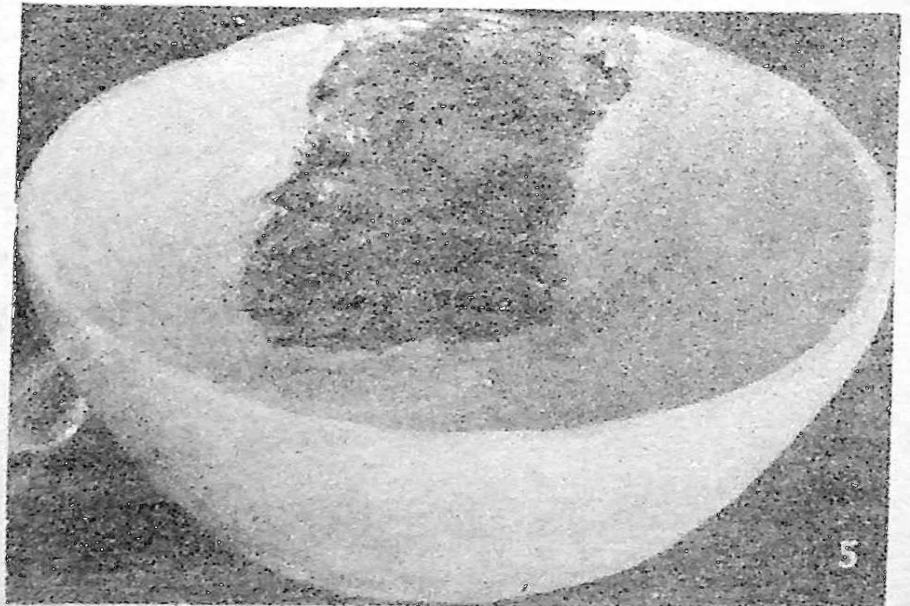
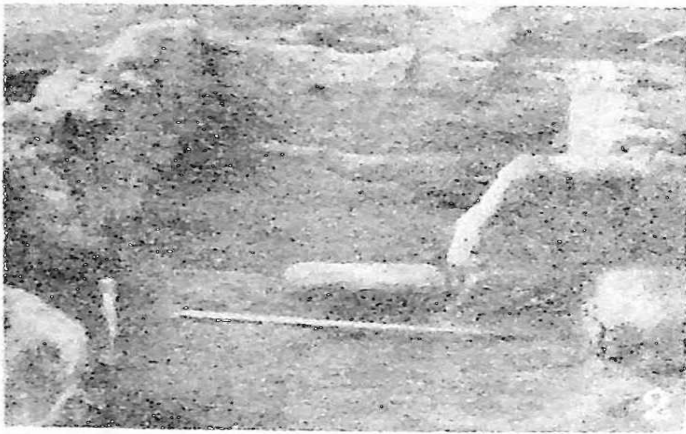
7

8

6

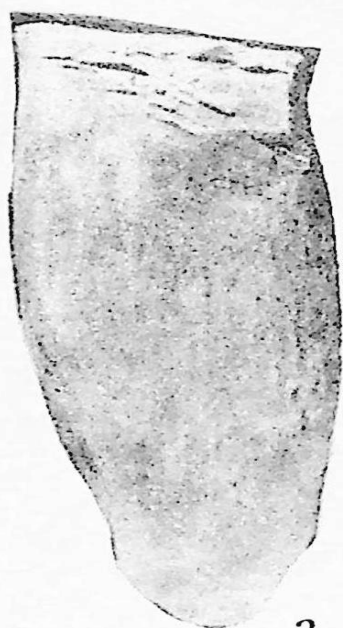

1

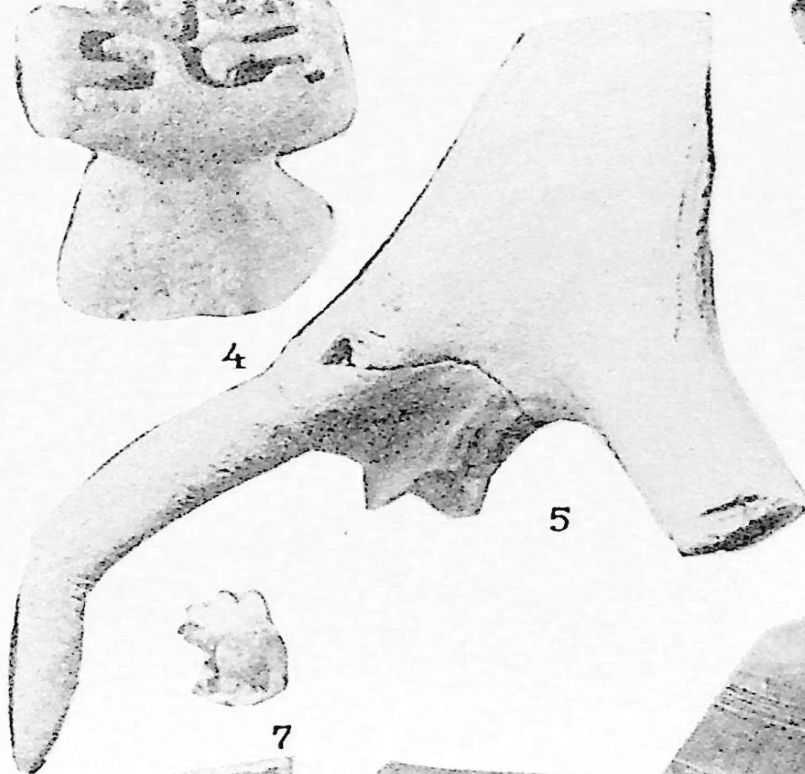
2

3

4

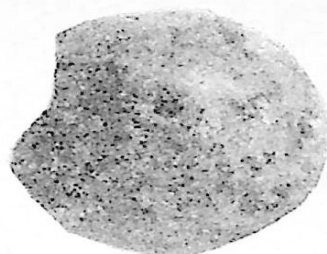
5

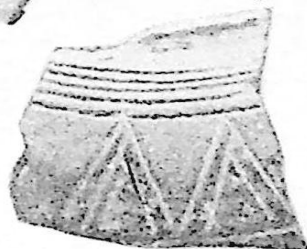
6

7

8

9

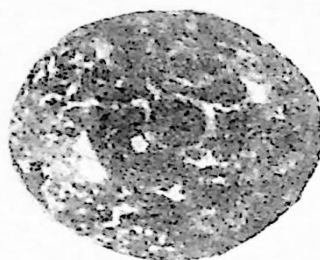
10

11

1

2

3

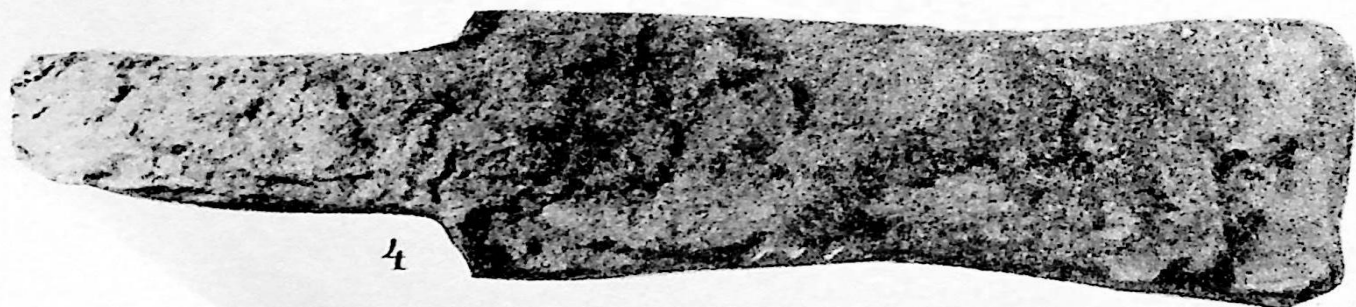
5

7

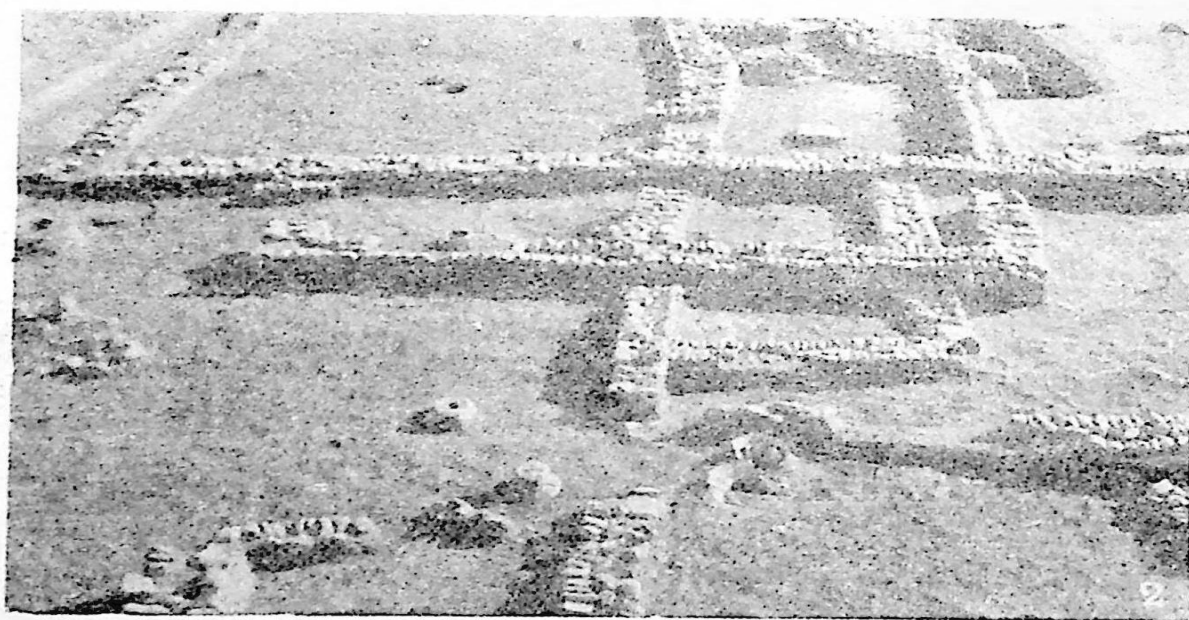

6

4

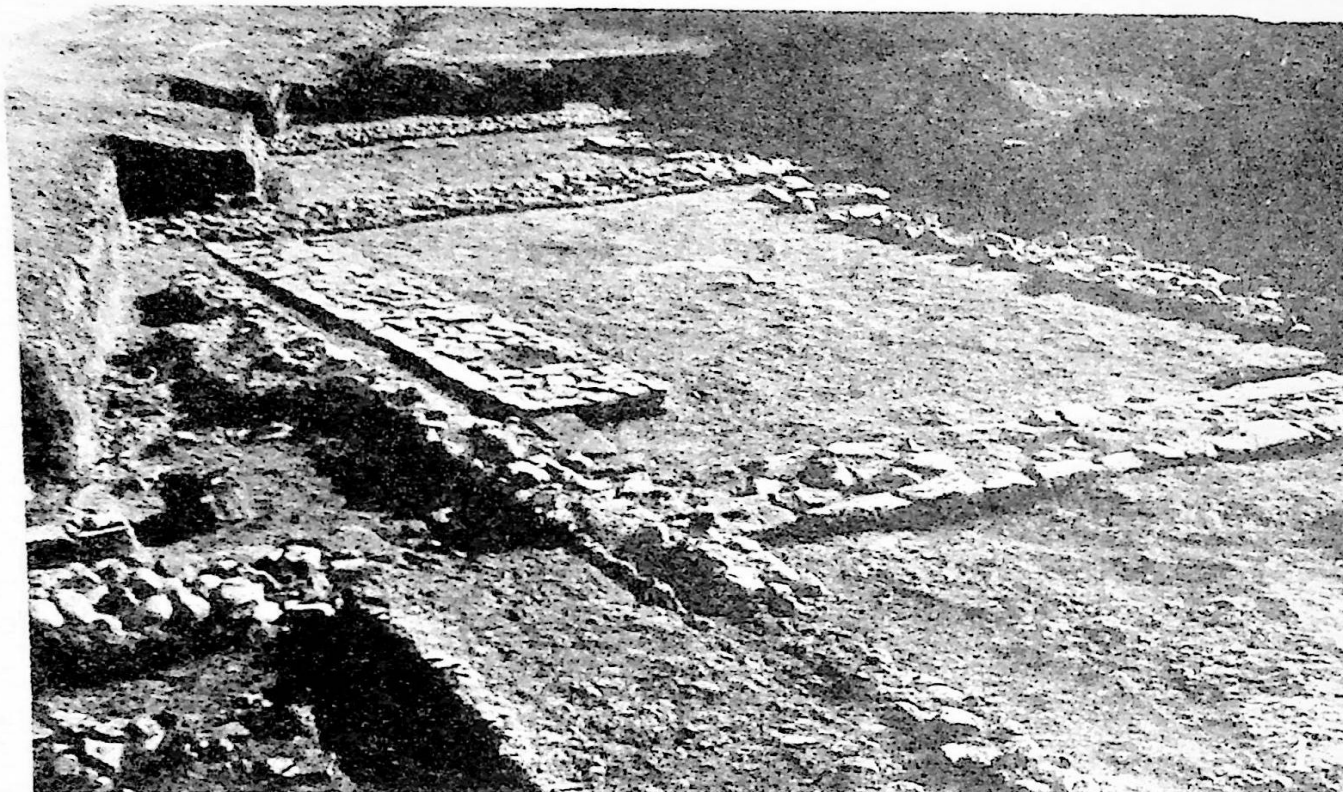

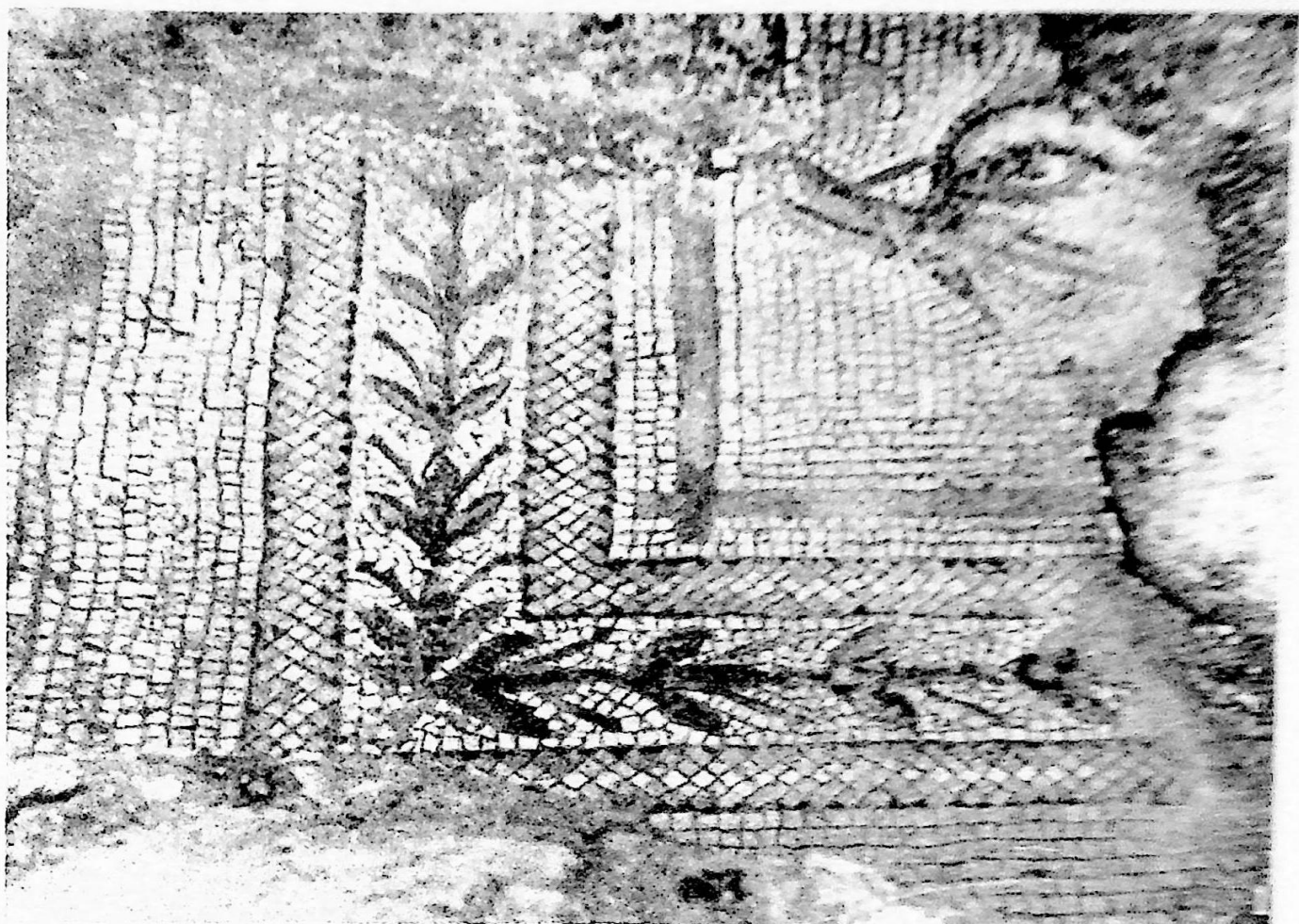

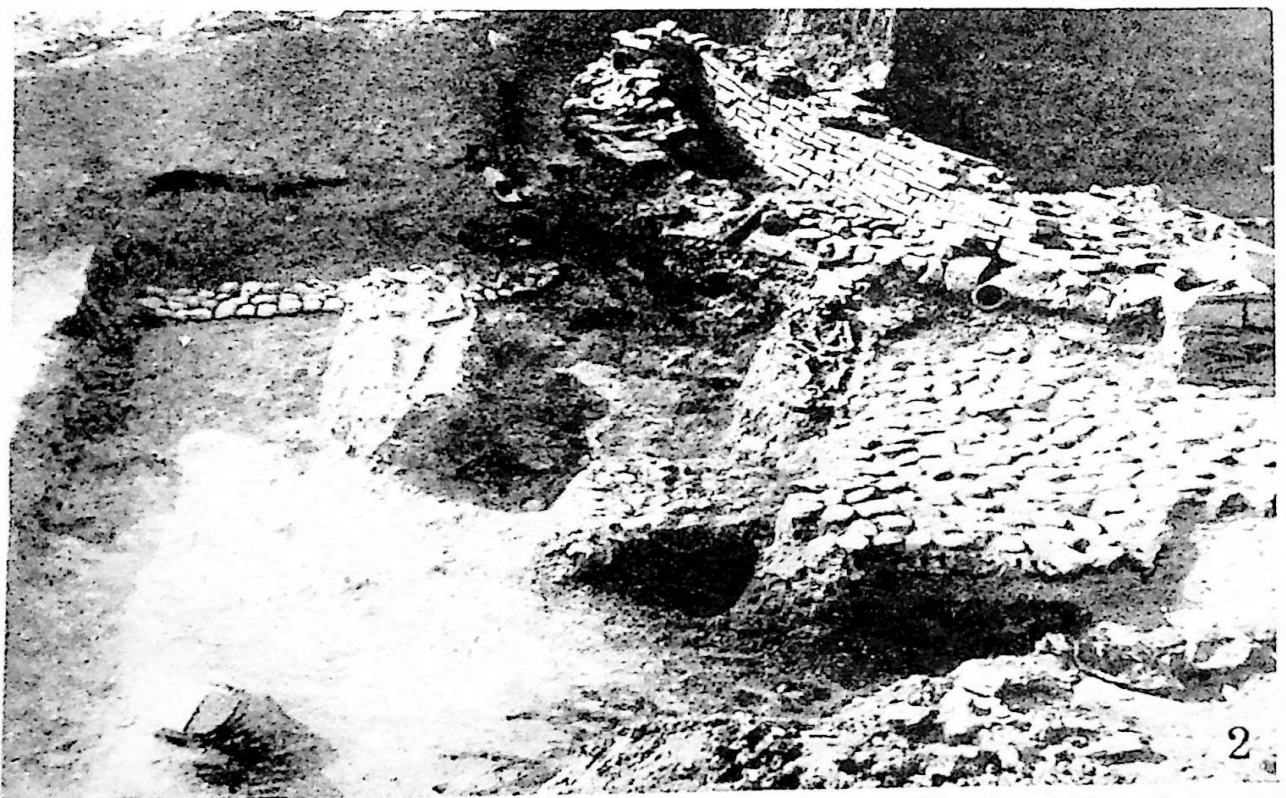
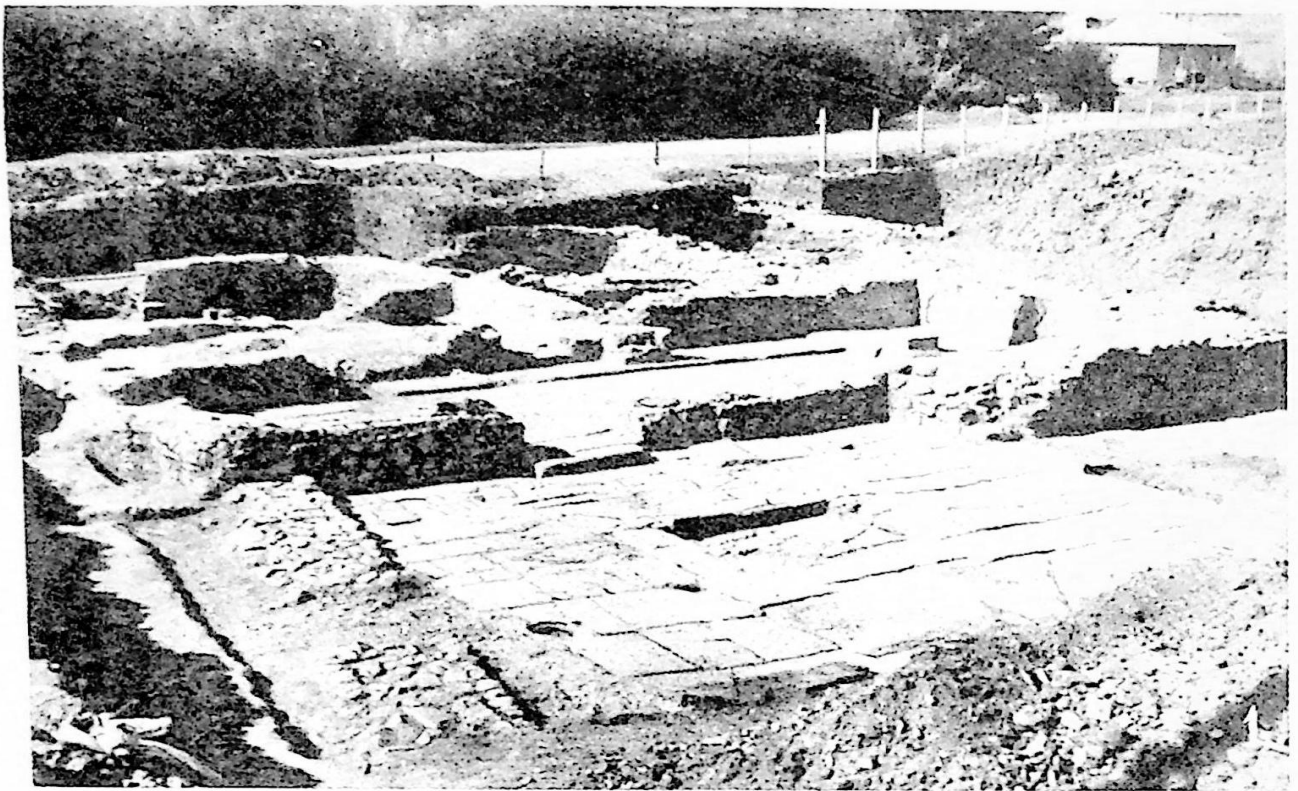

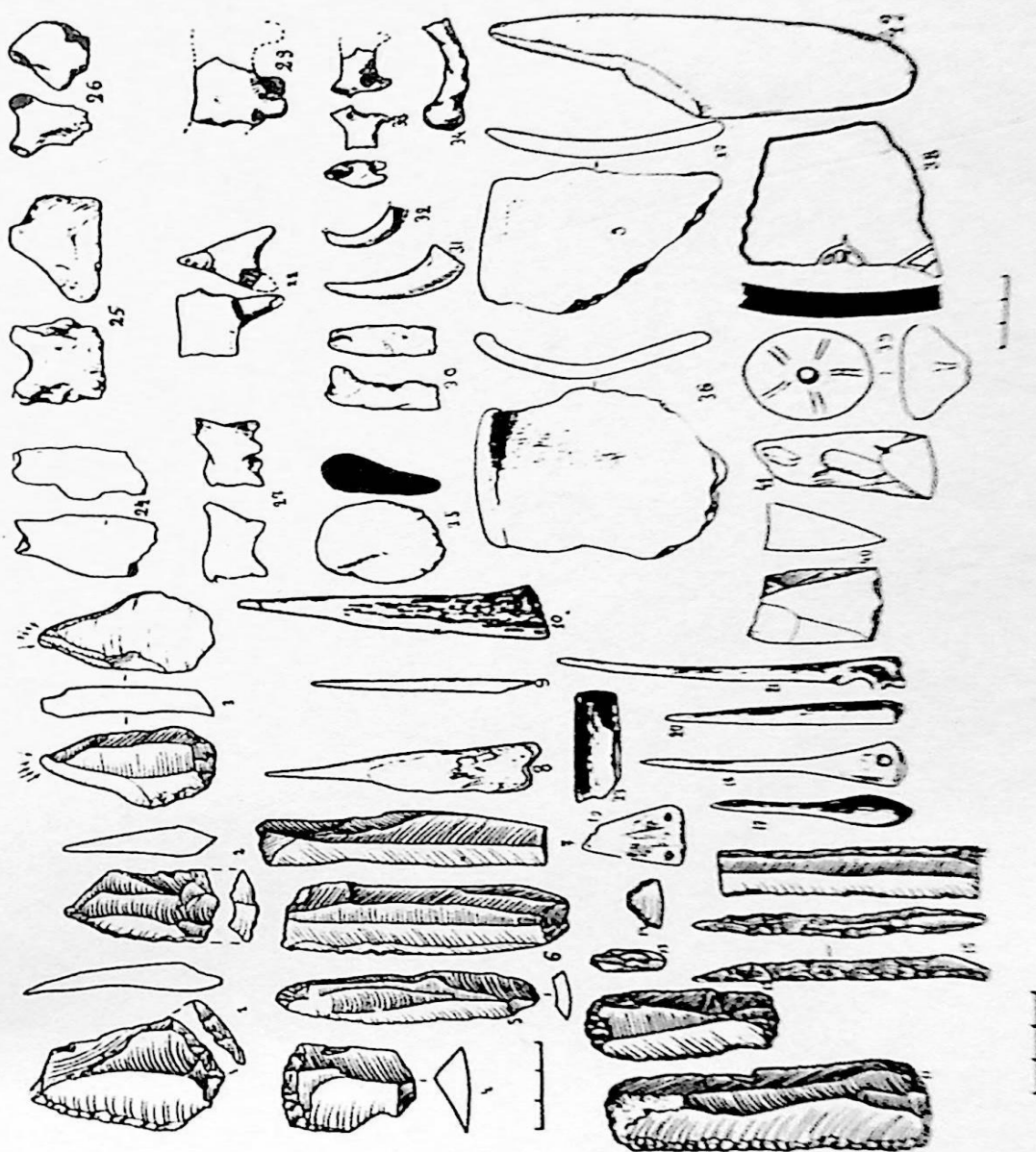

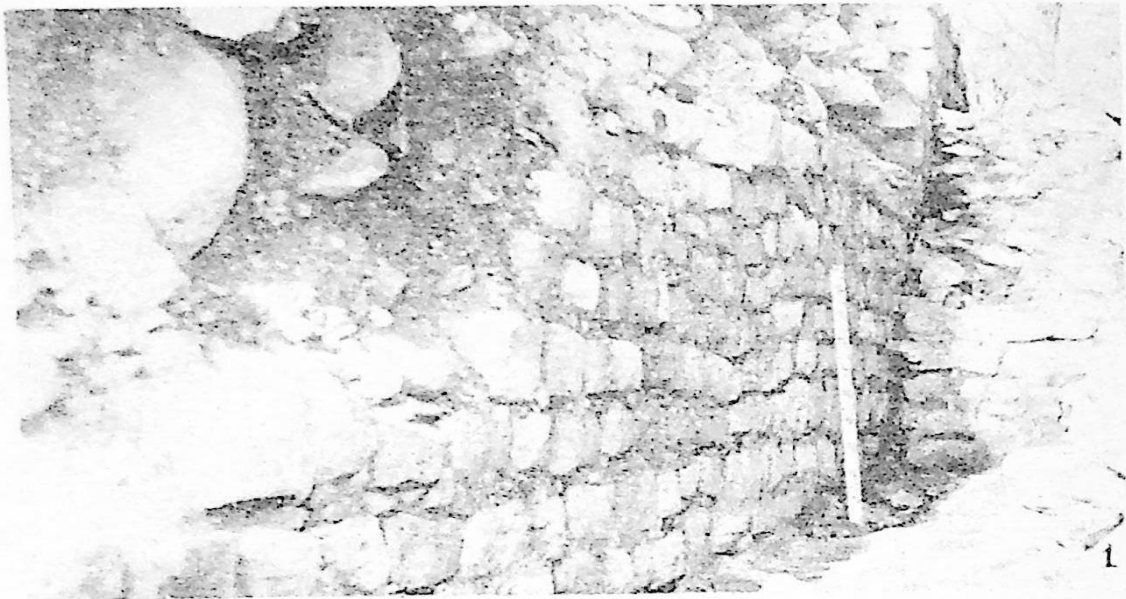

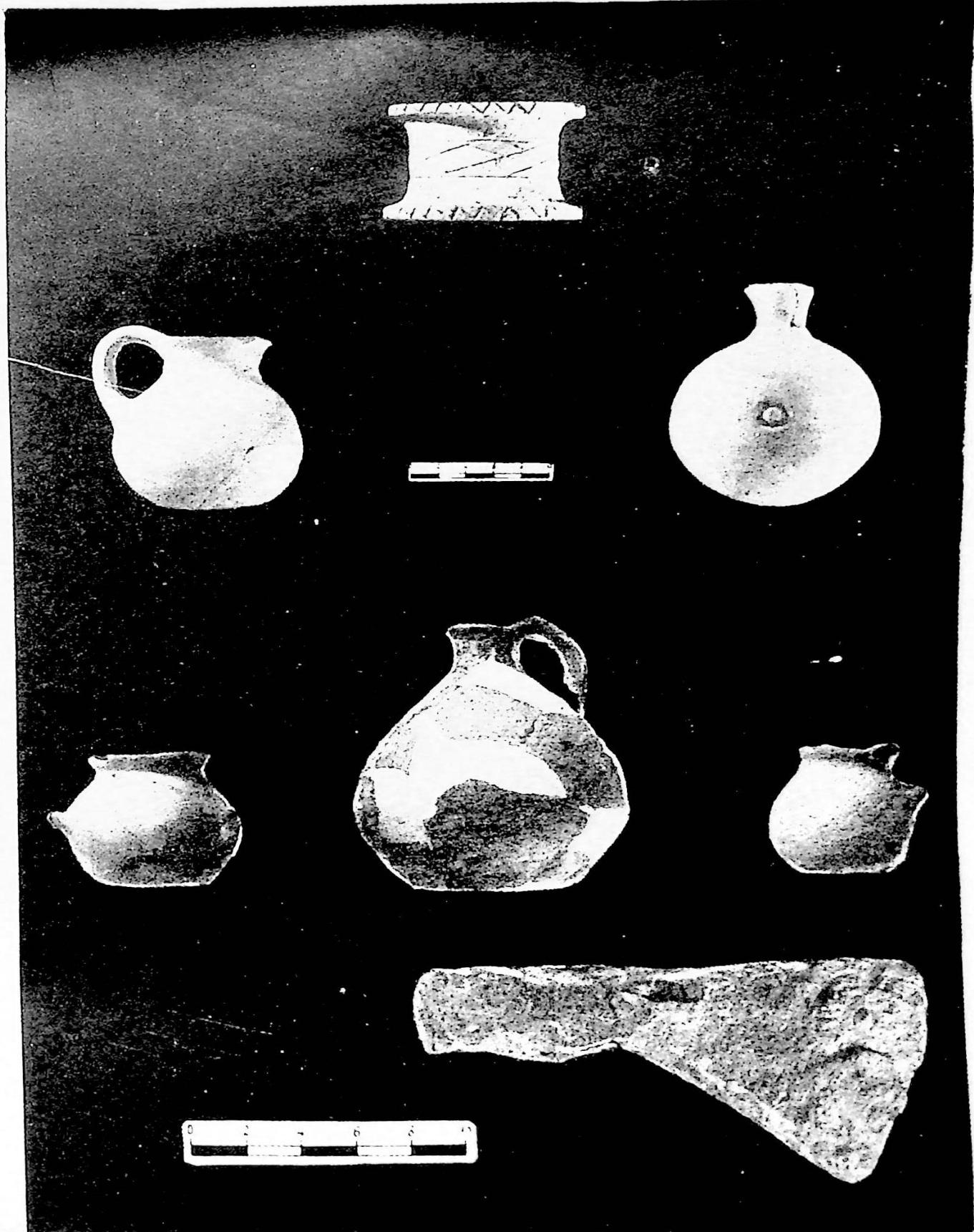

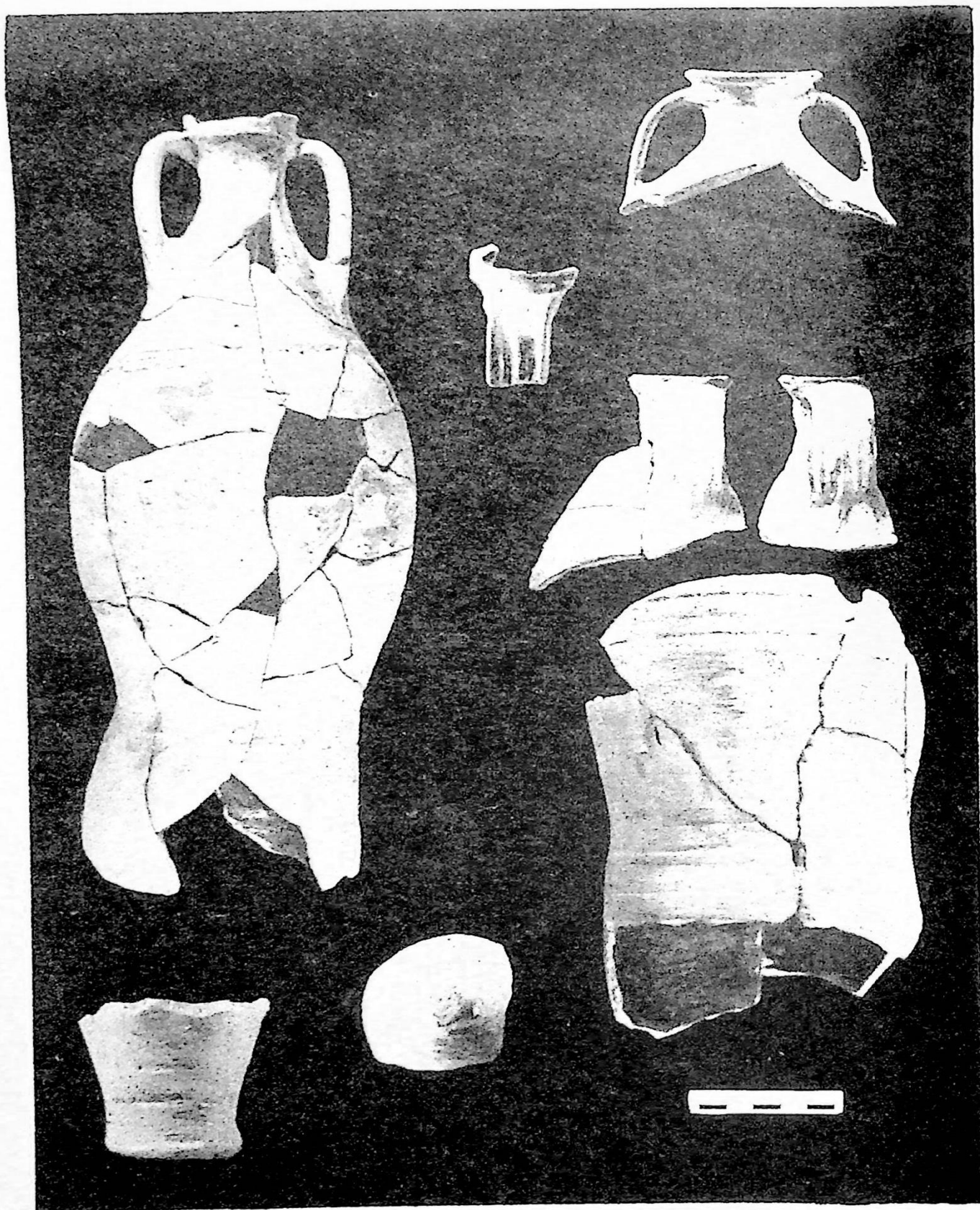

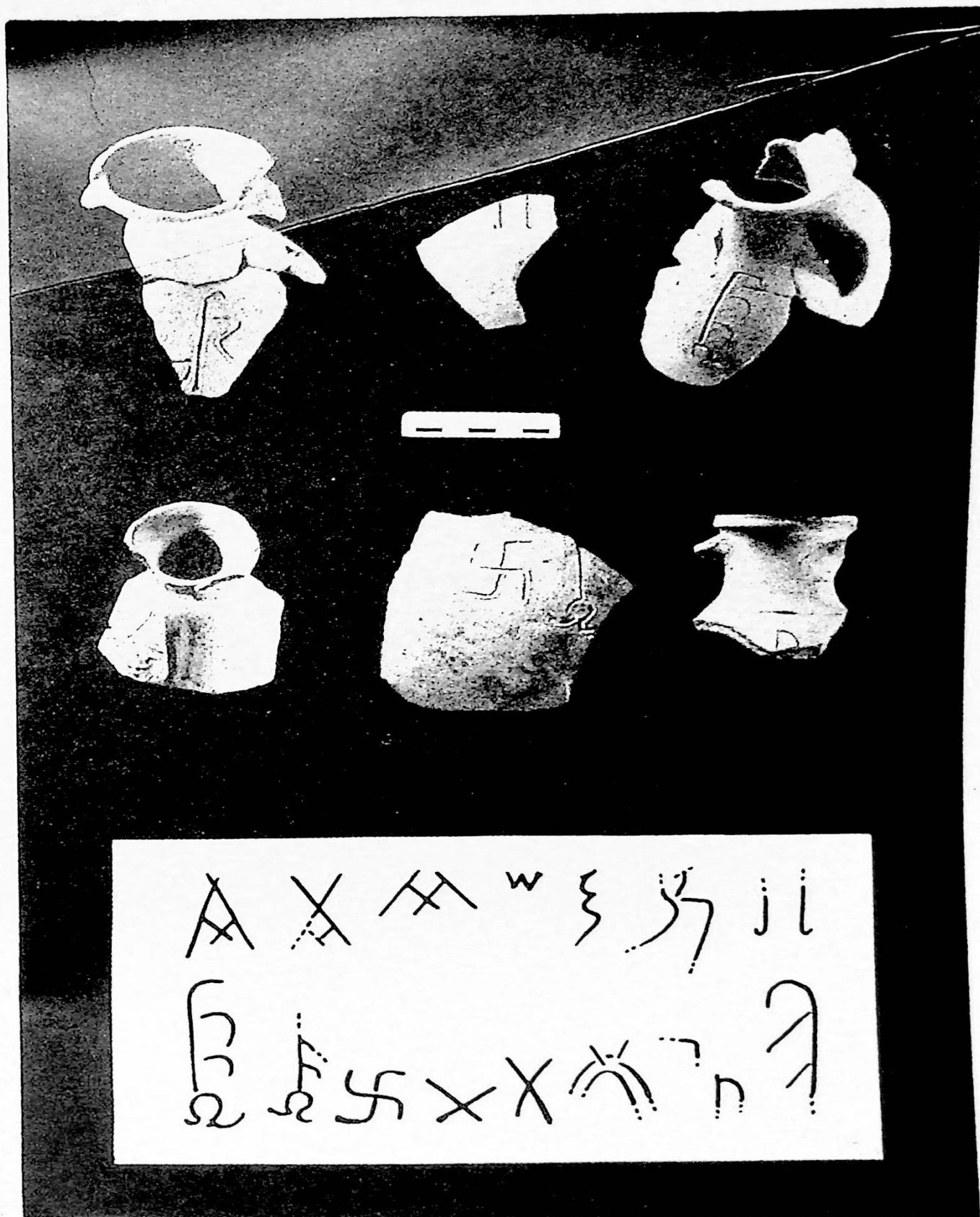

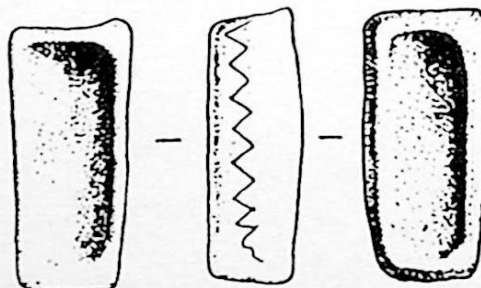
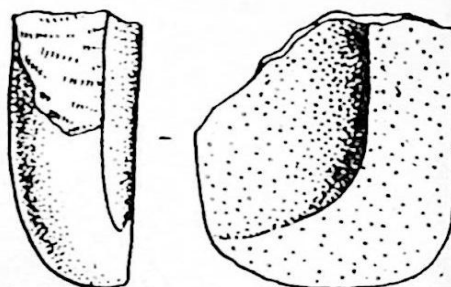
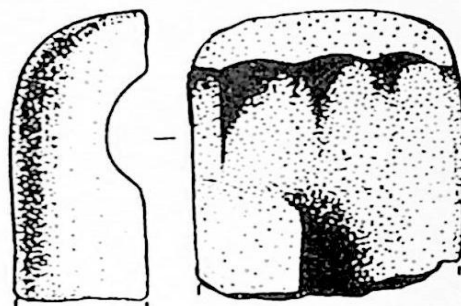
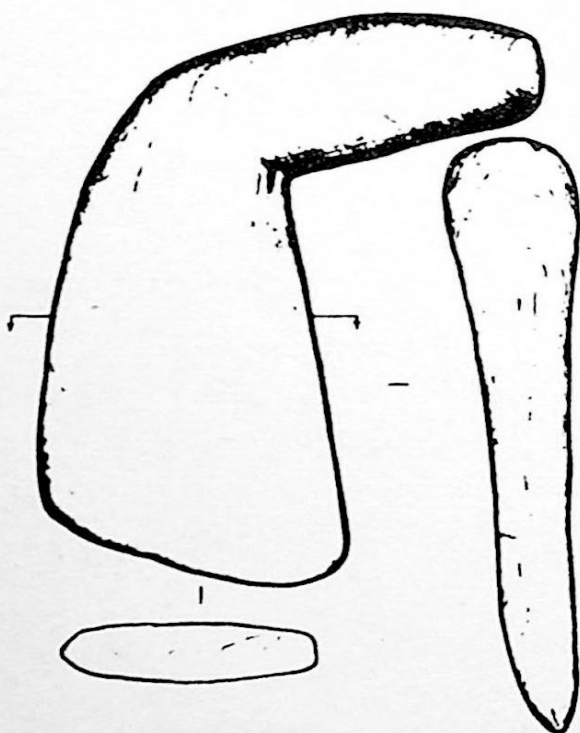
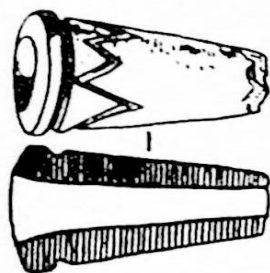
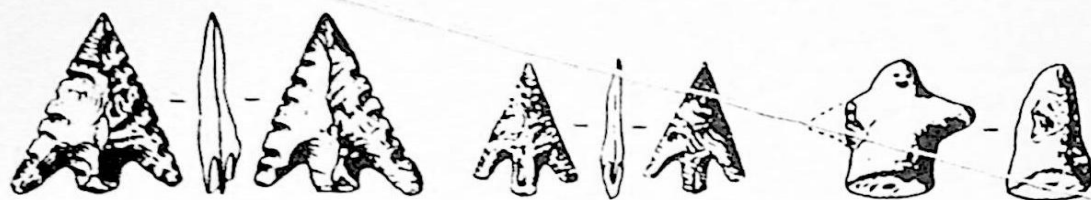

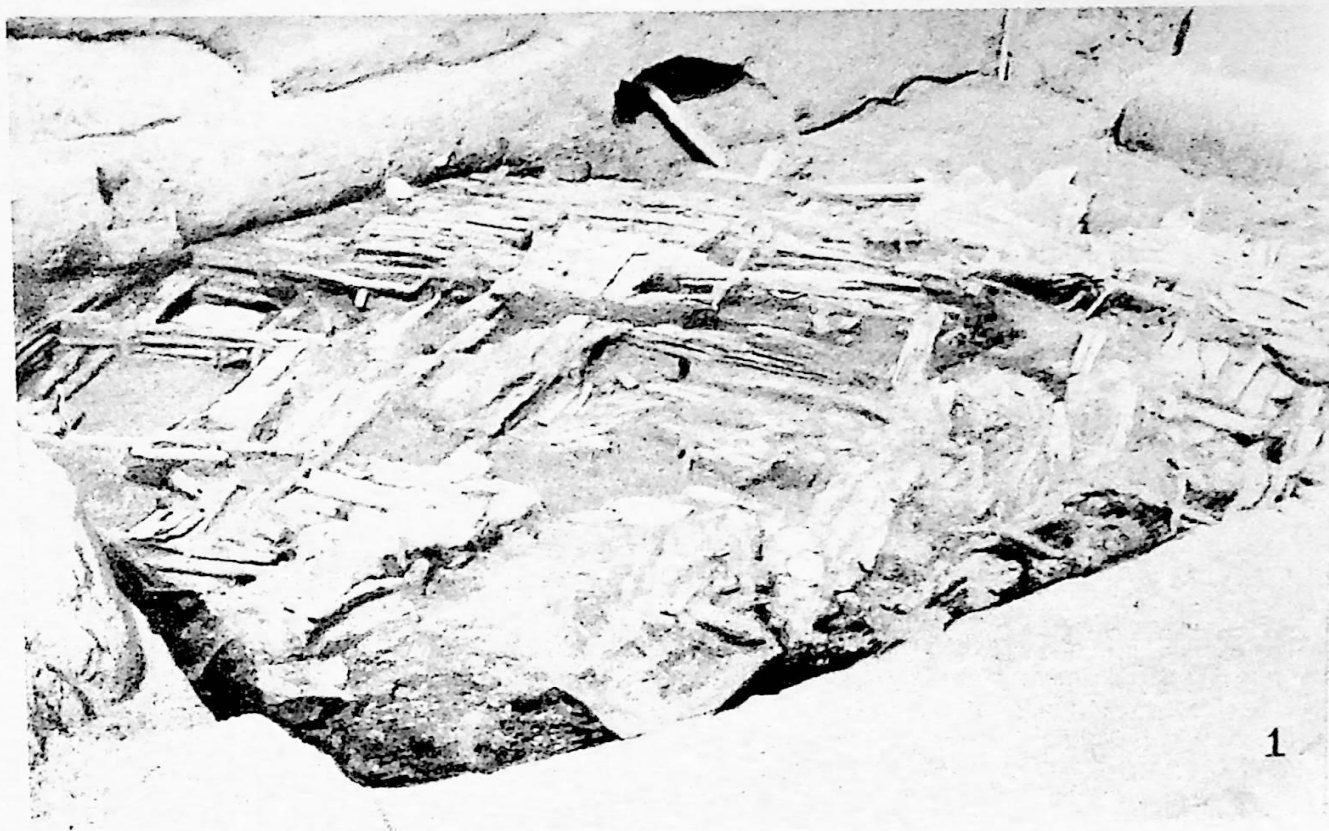

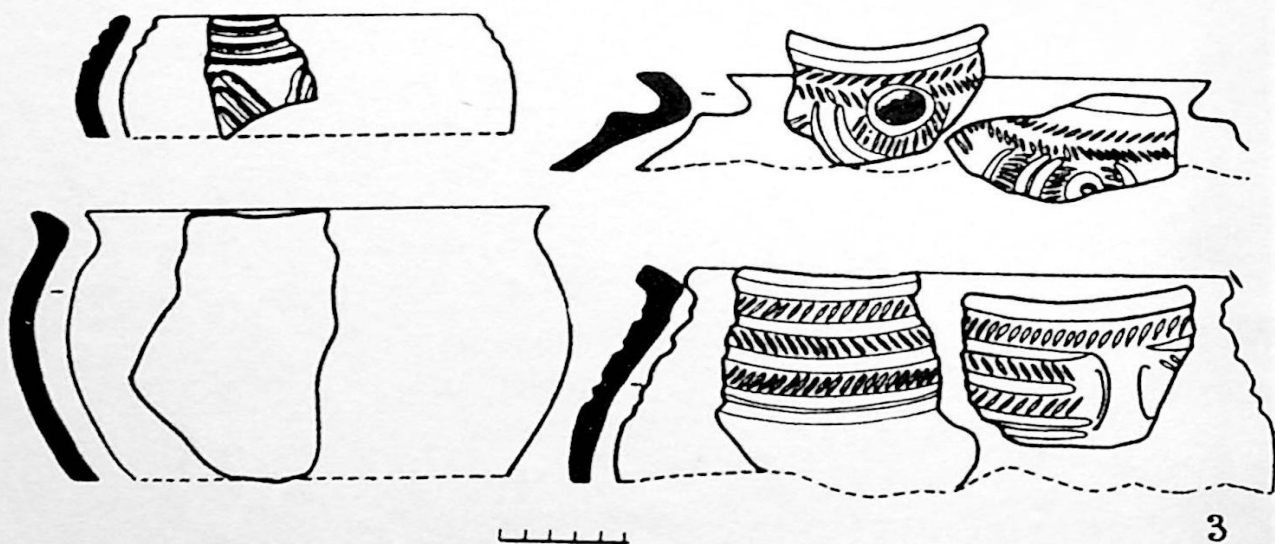
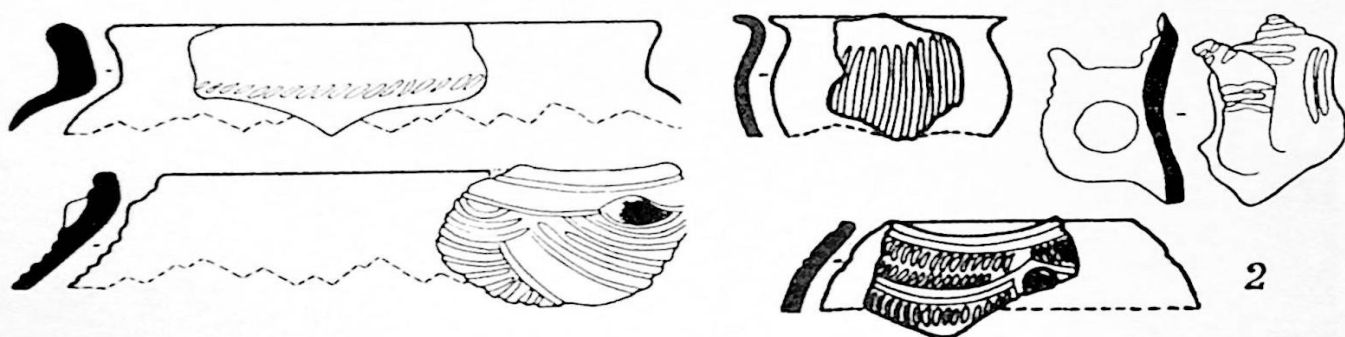
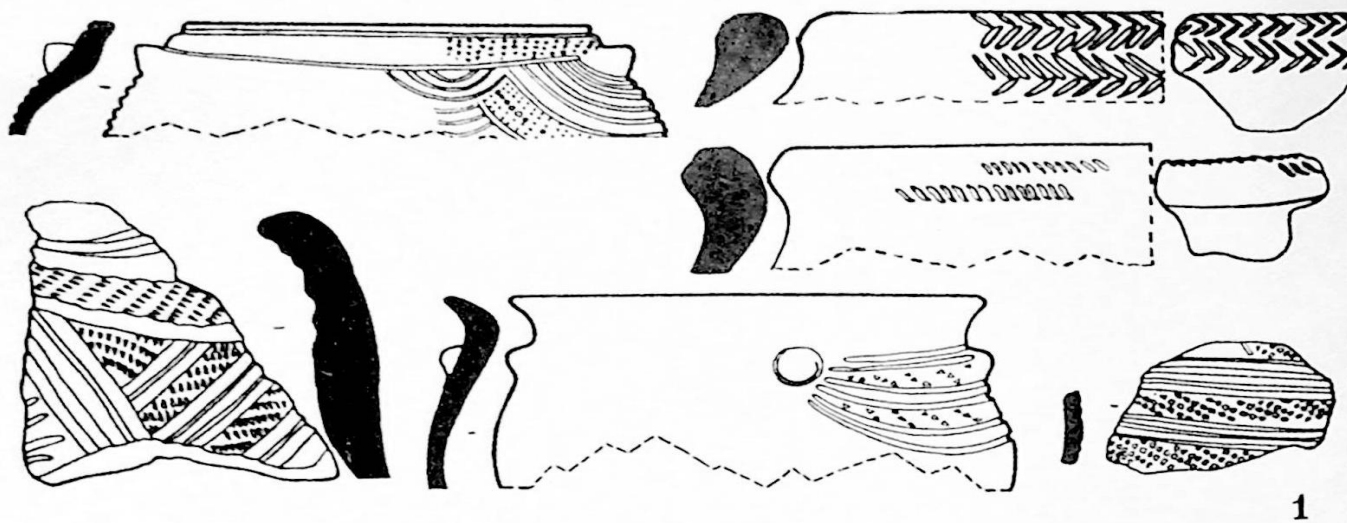

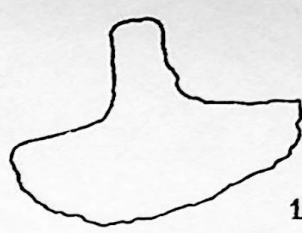
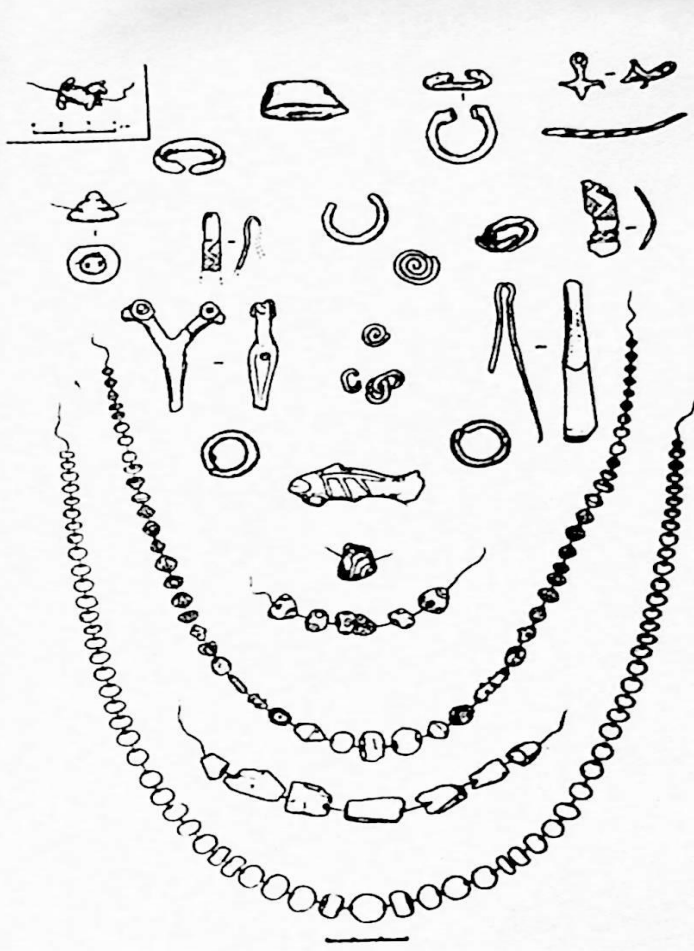

1

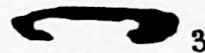
2

3

4

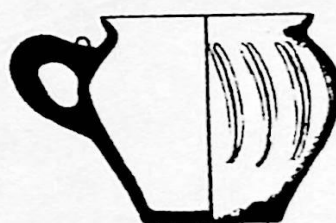
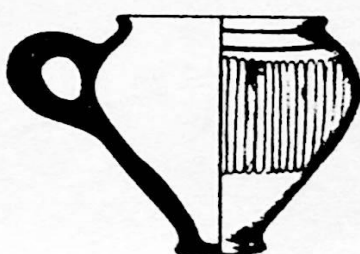

3

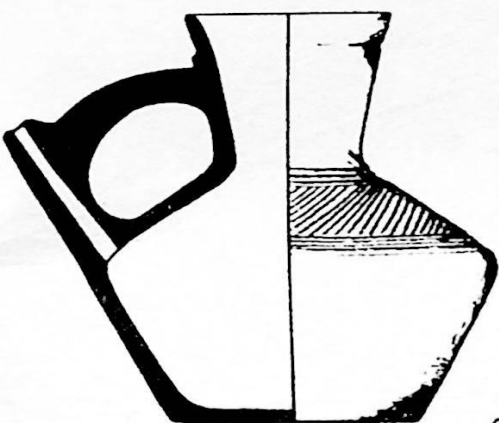

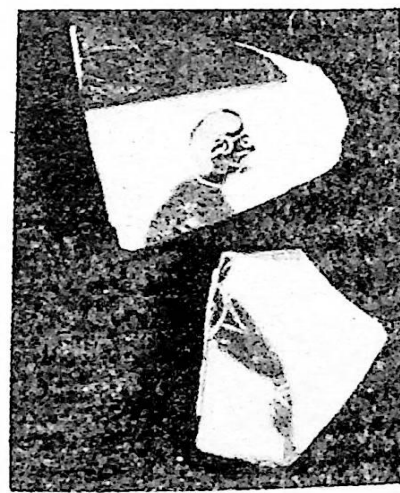
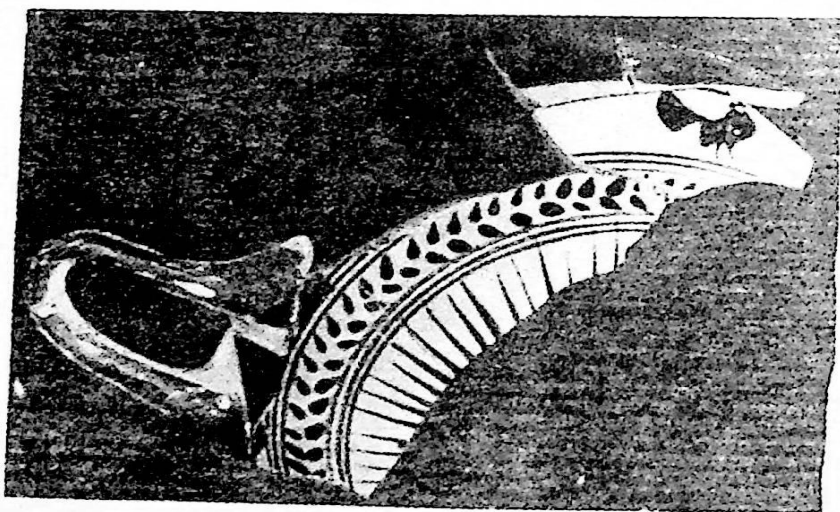
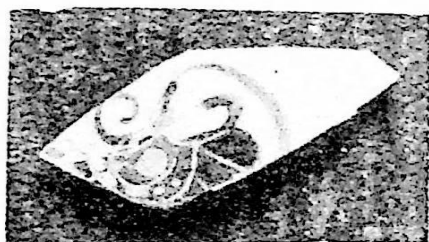
4

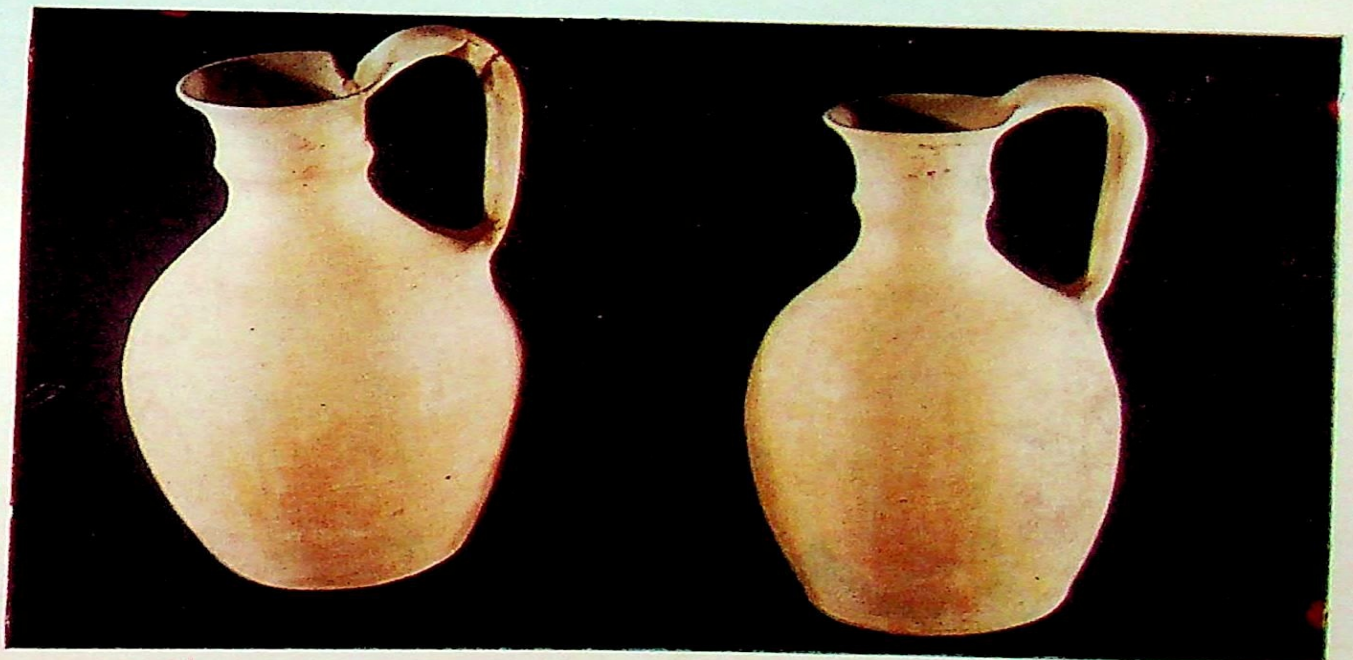
5

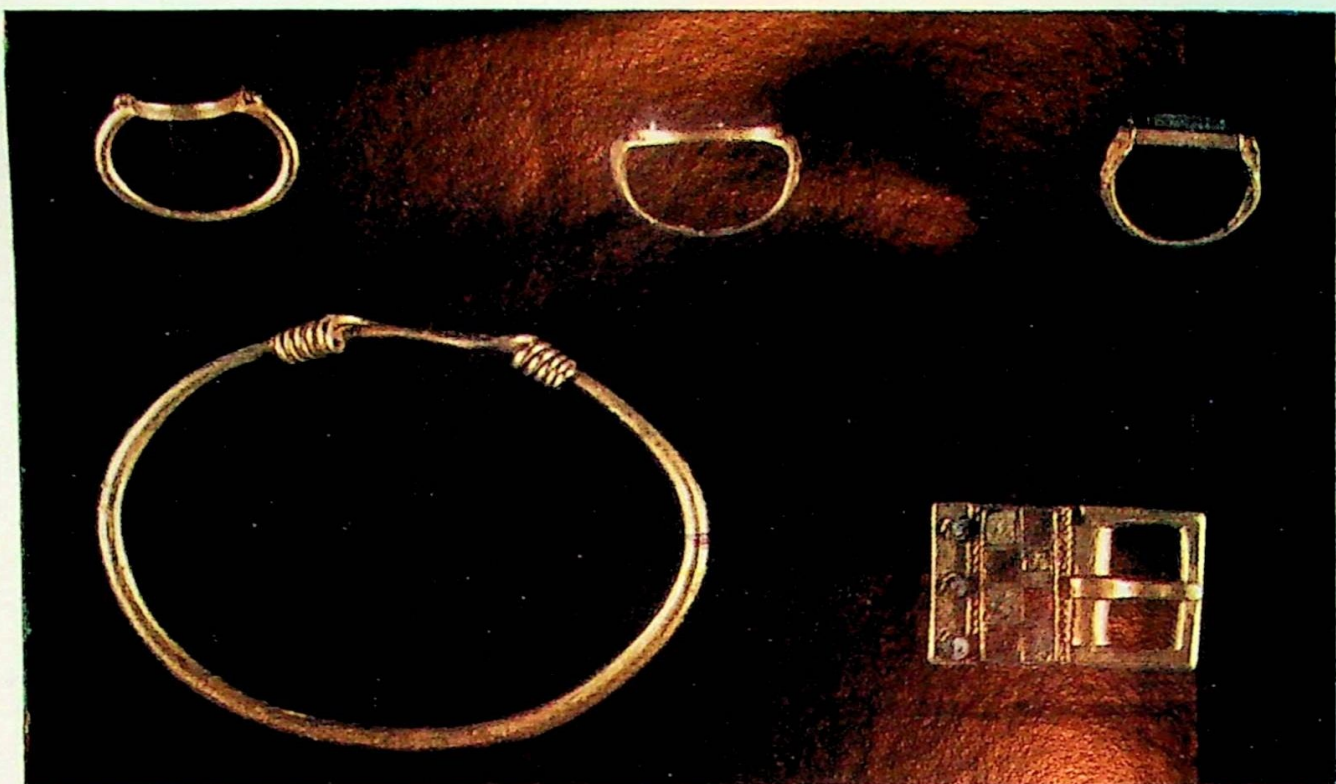

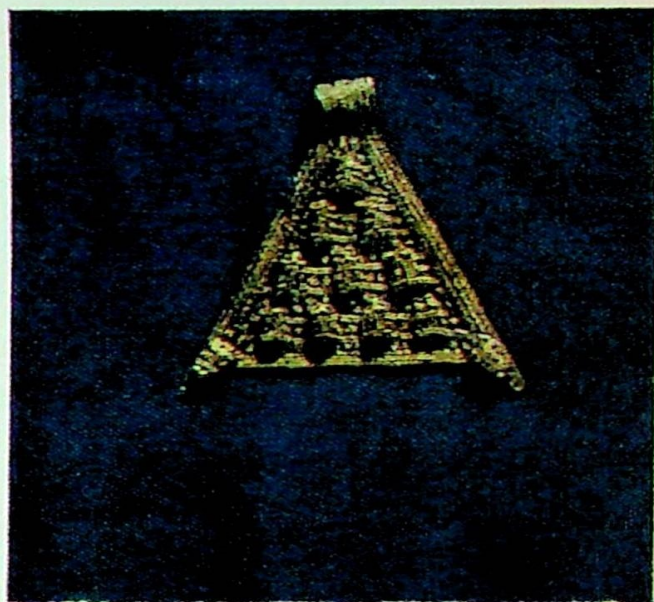
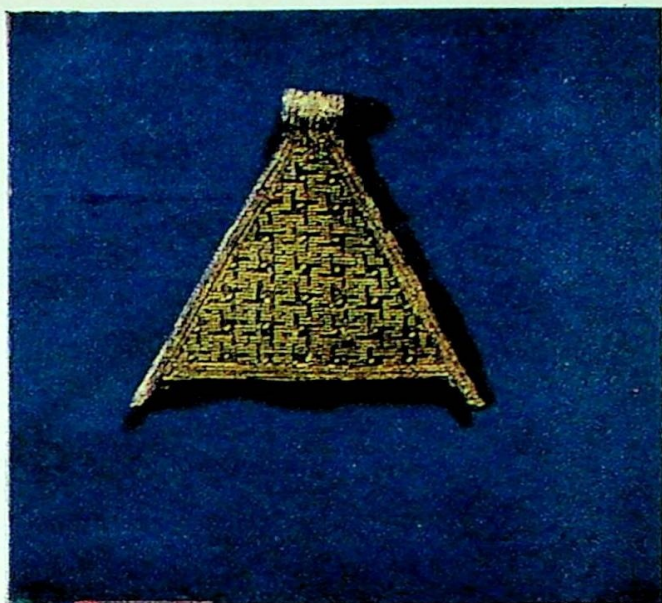
6

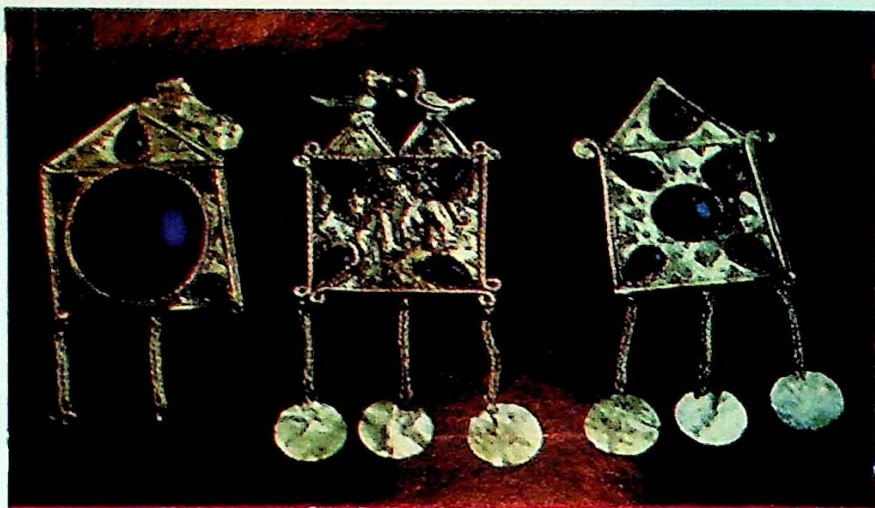

СОДЕРЖАНИЕ

О. Д. Лордкипанидзе. Археология и современность	5
К. Н. Пицхелаури, Ш. Ш. Дедабришвили. Археологические исследования на новостройках Кахети	11
Р. М. Абрамишвили. Археологические исследования на новостройках большого Тбилиси	23
Р. М. Рамишвили, В. А. Джорбенадзе. Археологические исследования в зоне строительства цхинвальского гидротехнического комплекса	30
Г. Г. Пхакадзе. Археологические исследования в с. Кода на территории строительства птицефермы	45
Н. Н. Тушишвили, Дж. Ш. Амиранашвили, Г. И. Мирцхулава. Археологические памятники на территории строительства Алгетского водохранилища	49
Т. Н. Чубинишвили, Л. О. Небиеридзе, Г. Г. Пхакадзе, Г. И. Мирцхулава. Памятники раннеземледельческой культуры (V—IV тыс. до н. э.) в зоне строительства Арахлинской оросительной системы	55
Л. Г. Цитланадзе, Г. И. Мирцхулава, М. Н. Гочиашвили. Археологические работы в долине р. Нареквави	62
А. В. Бохоцадзе. Результаты работ археологической экспедиции на новостройках двуречья Ксани и Арагви	66
Г. М. Насидзе. Селища в зоне строительства лесных дорог Боржомского района	79
А. Н. Каландадзе, К. С. Каландадзе. Белая пещера	83
В. М. Джапаридзе, Д. К. Джгамана. Об археологических исследованиях в зоне строительства Варцixe ГЭС	91
Т. К. Микеладзе, М. В. Барамидзе. О некоторых итогах полевых исследований в колхидской низменности в зонах новостроек	95
Описание таблиц	102

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ ГРУЗИНСКОЙ ССР

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

*

Редактор издательства Д. С. Б а к р а д з е
Техредактор Ц. В. К а м у ш а д з е
Художник Р. Б о к у ч а в а
Корректор Ц. Г. К и т и а ш в и л и

Сдано в набор 17.3.1976; Подписано к печати 23.12.1976; Формат
бумаги 70×108 1/16; Бумага № 2; Печатных л. 17.50; Уч.-издат. т. 13.06

УЭ 01639;

Тираж 1000;

Заказ 869;

Цена 1 руб. 30 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

IVE

3698

Over the recent years archaeological excavations in Georgia have been largely connected with the new giant construction projects so wide spread throughout the Republic. The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Georgian Academy of Sciences — the leading archaeological centre of the Republic — is mainly concerned with saving archaeological remains in the construction zones of irrigation systems and hydrotechnical projects, railway main lines and motorways, giant plants and residential areas. Thus, at present archaeological investigations cover almost all the regions of the Georgian SSR, every year resulting in substantial, at times outstanding, discoveries of relics belonging to all periods of human history, ranging from the earliest stages of the Stone Age right up to the Late Middle Ages.

The contributors to the present collection who have directed archaeological expeditions in the areas of new large construction sites tell about the discovery of remains of the early stages of human society (the Stone Age), Early agricultural settlements (5th—4th millennia B. C.), huge burial mounds of the Early and Middle Bronze Ages (3rd—2nd millennia B. C.), protourban settlements and necropolises of the end of the 2nd—1st millennia B. C., urban centres of the Ancient period, settlements and necropolises of Ige, dary Colchis — the land of the Golden Fleece, and various medieval monuments.